Библейская Наука.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ТОЛКОВАНІЯ БИБЛІИ.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій, автора „Толковаго Евангелія“ и „Толковаго Апостола“,

Епископа Михаила.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Козловыхъ.
1898.

Электронный вариант книги
выполнен в Перервинской
духовной семинарии

www.pds.orthodoxy.ru

Москва
2005

ОЧЕРКЪ
Исторіи толкованія Библіи.

Академическія чтенія Доктора Богословія,
Профессора и Ректора Московской и Кіевской
Духовныхъ Академій,

Епископа Михаила.

I.

Издано подъ редакціей **Н. И. Троицкаго.**

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Козловыхъ.
1898.

... Работы надъ наукой болѣе,—работы терпѣливой, настойчивой, неустанной! Съ наукой мы будемъ сильнѣе.

Епископъ Михаилъ.

ОЧЕРКЪ

Исторіи толкованія Библіи.

Епископа Михаила.

Ветхій и Новый Завѣтъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое въ дѣлѣ Божественной экономіи,—Новый есть исполненіе Ветхаго. Потому и ихъ ученіе, или вообще міросозерцаніе, въ сущности одно и одинаково, и при этомъ Ветхій Завѣтъ объясняется Новымъ, корень Новаго Завѣта—въ Ветхомъ, а потому, нельзя изъяснять Ветхаго Завѣта, не имѣя въ виду Новаго, ни говорить о Новомъ, не имѣя въ виду Ветхаго; а потому толкованіе ихъ у христіанъ всегда шло объ руку, нераздѣльно одно отъ другаго. Мы это говоримъ къ тому, что въ исторіи толкованія Библіи нельзя отдѣлять исторіи толкованія Ветхаго и исторіи толкованія Новаго Завѣта, а нужно слѣдить за исторіей толкованія всей Библіи вмѣстѣ, какъ одного Божьяго Откровенія въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.—Такъ мы и сдѣлаемъ.

1. *Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16—17), писалъ Тимоѳею св. Ап. Павелъ, имѣя въ виду, безъ сомнѣнія, по преимуществу писаніе Ветхозавѣтное; а намъ, конечно, безъ сомнѣнія, тоже можно и должно сказать и о писаніи Новозавѣтномъ.—Но

чтобы достигнуть этой, указанной Апостоломъ, цѣли, нужно вѣрно понять Писаніе и правильно истолковать.

Упражненіе въ законѣ всегда было у евреевъ, а это упражненіе состояло, безъ сомнѣнія, въ стараніи правильно понять, объяснить себѣ и усвоить его; впрочемъ, долгое время эти упражненія были болѣе частныя, чѣмъ общественныя,— и болѣе устныя, чѣмъ письменныя. Болѣе общественный характеръ и обширный объемъ получили эти толкованія со времени окончательнаго образованія канона В.-Завѣтныхъ книгъ, и когда образовались и сильно развились синагоги и общественныя школы у Іудеевъ. Здѣсь должность толкователя была уже оффиціальною и одною изъ важнѣйшихъ, и, какъ кажется, рано было принято правило, которое послѣ уже выражено въ Талмудѣ, что „такъ какъ законъ данъ былъ чрезъ посредника: то чрезъ посредника же онъ долженъ быть и перечитываемъ, т. е. объясняемъ".— Каковъ былъ характеръ этихъ древнѣйшихъ синагогальныхъ толкованій, опредѣлить нельзя, потому что эти толкованія были болѣе устныя, чѣмъ письменныя, и эти послѣднія, если и были,—не дошли до насъ, и свидѣтельствъ древности о нихъ также нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ указаній въ новозавѣтн. писаніяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, опредѣлительнаго заключенія о семъ вывести нельзя. Характеръ еврейскаго толкованія и пониманія писанія можно опредѣлить полнѣе только съ тѣхъ поръ, какъ явились письменныя, хотя немногія, свидѣтельства объ этомъ, уцѣлѣвшія до насъ, какъ то: отрывки изъ сочиненій Аристовула [1]), сочиненія Филона, Флавія [2]), Таргумы Іоанаѳана и Онкелоса на Пятокнижіе и Пророковъ [3]).— Направленіе толкованія свящ. книгъ въ то время, отъ котораго остались эти письменные памятники, не смотря на одну цѣль—уяснить мысль и смыслъ Божеств. откровенія, было не одинаково.

а) Пониманіе и толкованіе Писанія у *Александрійскихъ* Іудеевъ, стояло, какъ по всему видно, подъ сильнымъ вліяніемъ Александрійской языческой философіи. Немного странно сказать и слышать это, а на самомъ дѣлѣ—такъ.—Подъ вліяніемъ этой философіи, которую характеризуютъ названі-

---

[1]) Іудейскаго ученаго, конца 2 в. до Р. Хр. (+175 г.).
[2]) Современниковъ Христа и Апостоловъ.
[3]) Около времени Христова.

смъ *эклектической*, у Александр. іудейства преобладающимъ интересомъ въ пониманіи и толкованіи Ветхозавѣтнаго откровенія было догматико-спекулятивное содержаніе Ветхозавѣтнаго Писанія и развитіе его по отвлеченнымъ идеямъ философской системы. Эта философія слишкомъ далека была отъ основныхъ началъ чистаго іудейства и не сродна съ положительнымъ строго нравственнымъ направленіемъ его; но въ этомъ не хотѣли признаться получившіе греческое образованіе Александр. Іудеи, не старались отыскать между ними внѣшнюю связь, понять и представить ее какъ связь внутреннюю, даже какъ единство идеи и воззрѣній. Могучимъ средствомъ для этого примиренія философскихъ идей съ откровеніемъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ послужила *аллегорія*,—иносказательное толкованіе ученія ветхозавѣтной Библіи и событій библейскихъ,—аллегорія, которая не явилась исключительно для этой цѣли, въ подражаніе толкованіямъ современными греческими писателями нѣкоторыхъ изъ ихъ древнѣйшихъ писателей, но имѣетъ глубокое основаніе во всемъ направленіи Александрійской философіи, которую напрасно старались помирить съ чистымъ іудействомъ. Вслѣдствіе того, при дальнѣйшемъ развитіи этого воззрѣнія и пониманія Писанія, не обращалось должнаго вниманія, на смыслъ буквальный, имъ пренебрегали, какъ внѣшней временной оболочкой, и, по требованію необходимости системы находя во всемъ смыслъ, сокрытый подъ этой временной внѣшней одеждой, смыслъ таинственный, дошли до того, что почти совершенно отвергли прямой историческій буквальный смыслъ, или же давали ему слишкомъ ничтожное значеніе, и тѣмъ самымъ оторвались отъ началъ истиннаго пониманія и вѣрнаго толкованія Божеств. откровенія; произволъ аллегоріи въ высшемъ своемъ развитіи совершенно почти занялъ мѣсто истиннаго историческаго буквальнаго смысла. Во всемъ видѣли аллегорію и аллегорическія понятія подводили подъ свою систему, всю исторію превратили въ одну широкую притчу; въ сухихъ, прямыхъ, церковно-богослужебныхъ постановленіяхъ закона видѣли метафизическія понятія и представленія и пр. и пр.—Какъ же скоро извращено воззрѣніе на Божеств. откровеніе въ самомъ основаніи, то конечно трудно, чтобы не сказать невозможно, ожидать правильнаго пониманія и толкованія и *частныхъ* мѣстъ Писанія.—Начатки этого ложнаго направленія являются еще у Аристовула (175 г. до Рождества Христова) въ

его—ἡ τῶν ἱερῶν νόμων ερμηνεῖα; но высшей степени своего развитія оно достигло у Филона въ его—ἀλλεγορίαι τῶν ἱερῶν νόμων и—въ другихъ его многочисленныхъ сочиненіяхъ.— Это направленіе выродилось, кромѣ вліянія начала Алекс. философіи, еще изъ суетнаго желанія—возвысить іудейство въ глазахъ греческихъ философовъ,— и умный, даровитѣйшій Филонъ нашелъ лучшимъ средствомъ для этого иносказаніе, какъ это было тогда въ ходу и у Греческихъ писателей, которые, для поддержанія падавшей въ глазахъ философовъ народной религіи, толковали произведенія своихъ великихъ поэтовъ—даже Гомера—иносказательно. Такъ какъ откровеніе не мирилось съ началами языческой философіи, а его хотѣли помирить насильно во что бы то ни стало посредствомъ аллегоріи: то самая аллегорія по необходимости вышла натянутая, неестественная, странная и все таки недостигала цѣли: текстъ Библіи стоялъ самъ по себѣ, смыслъ аллегоріи—самъ по себѣ, а отъинуду предвзятая идея—сама по себѣ; ложь съ истиной хотѣли связать спекуляціей и фантазіей, и это нравилось, хотя и не достигало цѣли существенной.

б) Іосифъ Флавій отчасти показываетъ, какъ *Палестинское* іудейство, ознакомившееся съ Греческимъ образованіемъ, понимало и толковало св. Бож. писанія.—Чуждый стремленія всюду видѣть аллегорію, онъ болѣе стоитъ на исторической почвѣ и старается видѣть въ писаніяхъ смыслъ буквально-историческій; но у него мало критическаго такта, а потому онъ впалъ въ другую крайность,—именно, онъ сталъ подъ вліяніе ложныхъ преданій и прикрасъ, которыя выдуманы были іудеями, а потому много страннаго и ложнаго въ его воззрѣніяхъ, и хотя онъ, для объясненія извѣстныхъ мѣстъ Ветхозавѣтнаго писанія, служитъ обильнымъ источникомъ свѣдѣній, но не всегда безопаснымъ для исторической истинности, даже по большей части опаснымъ. Основательнаго и твердаго филологическаго знанія своего древняго отечественнаго языка у него нѣтъ, или по крайней мѣрѣ оно не высказывается нигдѣ, а потому для филологическаго объясненія, которое, какъ увидимъ, составляетъ основу истиннаго пониманія и объясненія всего буквальнаго смысла и можетъ предохранить отъ произвольныхъ и неумѣстныхъ аллегорій, онъ оказалъ очень малую услугу. Главное сочиненіе его по этой части—Antiquitates Judaicae.

в) Собственно іудейство *Палестинское*, не зараженное Еллинизмомъ, поставляло главнымъ предметомъ въ объясненіи Писанія, какъ это можно заключить изъ Таргумовъ и нашихъ Евангелій, подробное толкованіе внѣшнихъ законовъ, постановленій и правилъ, выискивая и въ прочихъ Писаніяхъ большею частію практическія правила своей дѣятельности. Фарисеи, секта съ обширнѣйшимъ вліяніемъ, изслѣдовали только τὰ νομικὰ, какъ выражается Флавій.— Путь, которымъ они шли при этомъ, было *Преданіе*, путь самъ по себѣ безопасный, но искривленный у нихъ ложнымъ, вымышленнымъ и мелочнымъ преданіемъ, изъ котораго незамѣтно составилась своя собственная система и съ такимъ огромнымъ авторитетомъ, что независимо отъ Писанія встала на ряду съ нимъ, даже чуть-ли не выше его. Господь говорилъ фарисеямъ объ этомъ такъ: Мар. 7, 5—13. Вслѣдствіе этого, объясненіе мѣстъ Писанія основывалось исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на преданіи и совершалось при помощи также иносказанія и аккоммодаціи преданія къ словамъ Писанія. Какъ у Александр. іудеевъ стараніе было— свои отъинуду привнесенныя философскія понятія сплотить съ буквой Писанія посредствомъ аллегоріи, такъ здѣсь старались примѣнить къ Писанію систему мелочныхъ и ложныхъ по большей части преданій. Правда, здѣсь простой буквальный смыслъ Писанія стоитъ тверже, но только въ той мѣрѣ, насколько можно соединить съ нимъ преданіе. Потому-то люди съ такимъ направленіемъ не столько изъясняли истинный смыслъ Писанія самостоятельно, сколько занимались развитіемъ или нахожденіемъ въ Писаніи доказательствъ положеніямъ своей системы преданій, такъ какъ точкою отправленія ихъ служило то основоположеніе, что на каждый вопросъ въ этомъ отношеніи, на каждое самое мелочное положеніе можно найти отвѣтъ въ Писаніи или даже въ одномъ Пятокнижіи Моисеевомъ. При развитіи этого направленія, въ немъ для огражденія отъ произвола, который, впрочемъ, все-таки служилъ основаніемъ его, образовались нѣкоторыя герменевтическія правила: тщательно различали смыслъ внѣшній—буквальный отъ внутренняго—таинственнаго; первый опять былъ у нихъ двоякаго рода, поелику писатель самъ или старался свои слова употреблять въ собственномъ смыслѣ, или хотѣлъ выражаться метафорически,—какъ-то: въ притчахъ, символахъ, образахъ; таинственный же смыслъ по большой части былъ не болѣе, какъ произвольная мысль

произвольнаго преданія, вложенная посредствомъ различныхъ натяжекъ въ букву Писанія,—выходило, что такихъ таинственныхъ смысловъ было въ иномъ мѣстѣ довольно, даже очень.—Само собою разумѣется, что при такомъ пониманіи и методѣ толкованія, можно было сохранить, держась тверже буквальнаго смысла, истинный смыслъ словъ и мѣстъ Писанія; но, къ несчастію, этотъ буквальный смыслъ, хотя имѣлъ твердыя основанія, былъ въ пренебреженіи; ему не придавали почти никакого значенія, а старались только отъискивать и усвоять себѣ смыслы таинственные, при чемъ истина пониманія и толкованія страдала въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и очень вѣроятно, была часто забываема, а подъ вліяніемъ иносказанія — и извращаема. Сверхъ этого, въ толкованіи Писанія, состоящемъ подъ вліяніемъ цѣлой системы преданій, образовались мелочность и скрупулезность, казуистика, діалектическія тонкости, образцы которыхъ мы видимъ въ вопросахъ разныхъ сектъ Христу, какъ это указывается въ Евангеліи [1]). Животворный духъ Писанія изъ-за этихъ мелочей совсѣмъ почти не являлся.—Главнымъ предметомъ толкованій былъ Мессія; но эта внѣшняя буква, эта мелочность и скрупулезность, эта система чуждыхъ преданій, по которой измѣряли смыслъ Писаній, довела до того, что Евреи не узнали своего Мессію. Іисусъ, напримѣръ, творитъ чудеса въ субботу, а Моусей повелѣлъ праздновать субботу, слѣдовательно, Іисусъ не есть Мессія, не отъ Бога. Вотъ образчикъ толкованія закона! Не это ли составляетъ то покрывало, которое лежало на глазахъ Евреевъ всегда, какъ они читали свои свящ. книги?

Такъ въ древнемъ іудействѣ образовались въ пониманіи и толкованіи Писанія два, частію противоположныя, частію сходныя направленія: направленіе Александрійско-философское, которое изъ спекулятивныхъ цѣлей и интересовъ результаты чужой философской отвлеченности видѣло существенно заключенными и изложенными въ Писаніи, разсматривало и Писаніе и чуждую философію какъ единое нераздѣльно-соединенное,—направленіе, для котораго, слѣд., Писаніе и его изложеніе потолику имѣетъ достоинство и значеніе, поколику оно стоитъ въ соотвѣтствіи съ философскими идеями и философскимъ образомъ воззрѣнія Александр. Іудея; другое—Палестинско-фарисейское, которое, болѣе обращая вниманія на

[1]) Ср. напр. Матѳ. 22, 24 и д.

буквальный смыслъ Писанія, толковало и понимало его подъ призмою ложнаго преданія и старалось различными натяжками сплотить ихъ, но такъ, что при этомъ страдало не преданіе, а истина Писанія, которому вездѣ, гдѣ оно не подходило подъ преданіе, придавали произвольный таинственный смыслъ,—такъ что, можно сказать, для этихъ толкователей Писаніе потолику имѣло значеніе и достоинство, поколику оно служило, при натянутыхъ объясненіяхъ, опорою ихъ системѣ преданія,—хотя они и старались не сознавать этого, благоговѣя, по видимому, къ буквѣ Писанія. Полнѣйшимъ выраженіемъ этого мертваго толкованія Библіи явился съ теченіемъ времени Талмудъ,—сборникъ всяческихъ преданій, подъ призмою коихъ понималось Божественное Писаніе.

Со временемъ явилось-было каббалистическое толкованіе, основанное на счетѣ буквъ, на ихъ перестановкѣ и различныхъ варіаціяхъ,—направленіе въ высшей степени странное и дикое, такъ что о немъ не стоитъ и говорить, тѣмъ болѣе, что оно не имѣло никакого значенія для послѣдующей исторіи.

г) Между тѣмъ, какъ болѣе и болѣе развивались эти два направленія въ пониманіи и толкованіи Ветхозавѣтныхъ книгъ Писанія, Христосъ и Его Апостолы въ своихъ устныхъ проповѣдяхъ, а послѣдніе и въ Писаніяхъ раскрыли истинный смыслъ Ветхозавѣтныхъ Писаній вообще, показали значеніе Ветхаго Завѣта, его назначеніе и цѣль, отношеніе къ Новому Завѣту и смыслъ его, или смыслъ строительства спасенія человѣческаго, изображеннаго въ немъ.—Первоначально и прежде всего въ изъясненіи Ветхаго Завѣта они ограничивались указаніемъ прямыхъ пророчествъ о Мессіи и Его царствѣ и показаніемъ ихъ исполненія въ лицѣ Іисуса Христа и событіяхъ Его Церкви; этимъ показаніемъ они объясняли смыслъ пророчества и рѣдко считали нужнымъ доказывать, что такое или другое пророчество относится именно ко Христу или событіямъ въ Его Церкви, даже когда рѣчь шла о пророчествахъ такъ называемыхъ типическихъ. При дальнѣйшемъ развитіи христіанскаго ученія, особенно въ полемикѣ съ іудействующими христіанами, нужно было шире развить воззрѣніе на Ветхій Завѣтъ, въ его отношеніи къ Новому, и оно развито довольно въ Писаніяхъ Апостоловъ, особенно великаго Апостола Павла. При разсмотрѣніи Ветхаго Завѣта, поскольку имъ нужно было касаться частныхъ мѣстъ его, они видѣли въ Ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ и

буквальный—историческій, и таинственный смыслы, какъ оно дѣйствительно и есть въ Ветхомъ Завѣтѣ; на послѣдній они указывали тамъ только, гдѣ онъ дѣйствительно есть, и притомъ—*изъ всѣхъ возможныхъ* таинственныхъ смысловъ они указывали преимущественно только *прообразовательный* и притомъ такъ, что и при таинственномъ смыслѣ событій или ученія или пророчествъ они утверждали дѣйствительность и историческаго смысла, такъ что эти два смысла не исключались одинъ другимъ, а были дѣйствительно оба въ единеніи, и всѣ событія, имѣющія такое значеніе, оставаясь дѣйствительно историческими, были, какъ выражается Ап. Павелъ—τύποι, существеннымъ отображеніемъ будущаго въ прошедшемъ, таинственнаго въ видимомъ, внутренняго во внѣшнемъ; оттого у нихъ аллегорія только типа (Ср. 1 Кор. 10, 1 д. Гал. 4, 21 д.; подробнѣе изложимъ этотъ взглядъ при толкованіи Евангелій и особенно посланій ап. Павла). Но въ Писаніяхъ Апостольскихъ заключается только основоположеніе этого истиннаго воззрѣнія, пониманія и толкованія Ветхозавѣтнаго Писанія, а не подробное его раскрытіе. Притомъ же, какъ само Богодухновенное, Писаніе Новозавѣтное требовало *объясненія и раскрытія*. Это подробное раскрытіе Апостольскаго истиннаго толкованія Ветхозавѣтныхъ Писаній предстояло преемникамъ Апостольскимъ, пастырямъ и учителямъ Церкви, которую христовъ Духъ, постоянно обитающій въ ней, по слову Христову, будетъ наставлять на всякую истину.

II. Въ первыя послѣ Апостоловъ времена христіанства нельзя было ожидать *появленія* систематическихъ и полныхъ толкованій Библіи съ извѣстными ясно сознанными и выработанными теоретическими началами и правилами, хотя входили въ общества христіанскія люди съ научнымъ греческимъ образованіемъ. Не тѣ были интересы и стремленія въ то время, не тѣ потребности, не то положеніе. Главными преобладающими интересами были интересы практическіе, касающіеся основанія и устройства частныхъ христіанскихъ обществъ, распространеніе вѣры устной проповѣдію, простой и популярной, рѣшеніе практическихъ вопросовъ обыденной жизни, какъ это видимъ часто и въ Писаніяхъ Апостольскихъ. Развиваемы и излагаемы были основные догматы новаго ученія, конечно, на основаніи и Ветхозавѣтныхъ священныхъ, особенно пророческихъ книгъ, особенно же—книгъ Новозавѣтныхъ; но это изложеніе, насколько оно касалось

объясненія Библіи, было изложеніе популярное, простое, такъ сказать, частичное, безъ изложенія теоретическихъ началъ и правилъ толкованія, не систематическое и не научное, въ чемъ первыя простыя общества еще и не нуждались, можетъ быть. Немногія, дошедшія до насъ, писанія первыхъ, послѣ Апостоловъ, христіанскихъ писателей, вполнѣ подтверждаютъ это. Въ нихъ преобладаютъ практическіе популярные интересы и вопросы и—изложеніе популярное. Что касается до направленія толкованій въ это время, насколько писателямъ приходилось заниматься ими, или лучше сказать—касаться ихъ: то замѣтна сильная наклонность къ аллегорическому толкованію, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ,—по образу и подобію толкованій Павловыхъ. Это происходило, безъ сомнѣнія, отъ стремленія этихъ мужей обнять шире и понять глубже связь и взаимное отношеніе всѣхъ Божеств. откровеній; но такъ какъ духа Павлова во всей его глубинѣ и широтѣ въ нихъ не было: то не вездѣ ясно отдавали они себѣ отчетъ въ этомъ соотношеніи Бож. откровеній, и, сопоставляя подчасъ несопоставимое и видя противорѣчіе себѣ въ буквѣ Писанія, искали въ этой буквѣ, въ простой исторіи, иносказательнаго смысла, устраняя историческій. Къ тому же въ полемикѣ съ Іудеями и появлявшимися еретиками, иносказаніе было, или казалось по крайней мѣрѣ, выгоднымъ, какъ орудіе гибкое, удобное для полемическихъ цѣлей, хотя конечно и хрупкое и небезопасное. Оно же наконецъ было обильнымъ источникомъ для назидательности и удовлетворенія нѣкоторымъ темнымъ, полумистическимъ наклонностямъ, какія всегда обнаруживаются въ нѣкоторыхъ членахъ молодаго, болѣе или менѣе экзальтированнаго общества, которому всегда нравится загадочное, темноватое, мудреное.—Примѣры подобнаго направленія въ объясненіи Ветхозавѣтнаго Писанія мы видимъ въ такъ называемомъ посланіи *Варнавы* и отчасти посланіяхъ *Климента Рим.* и у *Іустина*, который былъ представителемъ этой ранней эпохи и этого направленія въ ту его пору. Посланіе Варнавы наполнено аллегорическими воззрѣніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно касается Ветхаго Завѣта. Въ немъ, напримѣръ, отвергается буквальный смыслъ и значеніе Моусеевыхъ законовъ о пищѣ, и дается имъ духовное значеніе; утверждается, что и для Іудеевъ въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ важенъ былъ смыслъ только идеально—типическій, и они его только должны держаться, а законы, наприм., объ обрѣзаніи плоти, если ихъ понимать

только буквально, надобно почесть демонскимъ, а не Божественнымъ изобрѣтеніемъ; приводится странно аллегорическое толкованіе числа 318 рабовъ Авраама, какъ прообразованіе креста Христова. Ту же склонность къ аллегоріи, хотя гораздо меньшую, чѣмъ въ посланіи Варнавы, видимъ въ письмахъ къ Коринѳянамъ Климента Рим. и во многихъ мѣстахъ сочиненій Іустина, особенно въ разговорѣ съ Трифономъ.—Но, впрочемъ, это направленіе было тогда еще весьма не развито, въ неотчетливой общности представленій; это были только начатки этого направленія, приготовленіе къ дальнѣйшему развитію его, аллегорія безъ опредѣленныхъ теоретическихъ началъ въ основаніи и приложеніи, безъ правилъ ея примѣненія, при чемъ единственнымъ, кажется, началомъ была только возможность видѣть тутъ или тамъ такую или иную аллегорію. Теоретически выработанныхъ началъ для объясненія Библіи вообще тогда, въ юномъ обществѣ, еще не было и быть не могло,—они развились, опредѣлились и выяснились съ теченіемъ времени.

а) Первымъ *внѣшнимъ* побужденіемъ къ болѣе теоретическому и научному изслѣдованію Библіи было появленіе и развитіе лжефилософскаго направленія въ воззрѣніи на христіанство, которое извѣстно подъ именемъ гностицизма, въ разныхъ его видахъ, опредѣлившихся ясно около половины 2 в.; а равно и появленіе другихъ еретиковъ съ болѣе развитымъ раціональнымъ и теоретическимъ направленіемъ, чѣмъ лжеучители 1-го вѣка. Извѣстно, что всѣ еретическія общества себя считали правовѣрующими и видѣли у себя ту или другую истины религіи сохраненными въ чистотѣ и неповрежденности, или правильно понятыми и развитыми. Потребность найти опору и основаніе для своихъ ученій, разногласившихъ съ ученіемъ Церкви, потребность доказать свое правовѣріе, заставляла ихъ обращаться къ книгамъ, считавшимся руководствомъ къ правильному ученію, и изыскивать въ нихъ такія мѣста и съ такимъ смысломъ, которыя бы служили опорой и основаніемъ ихъ системы ученія и вѣрованій, и такія, которыя бы служили опроверженіемъ противопоставляемаго имъ церковнаго ученія и вѣрованій. Здѣсь должно было явиться болѣе раціональное изслѣдованіе Библіи (хотя и съ ложнымъ одностороннимъ направленіемъ): ибо недоказательнымъ, не имѣющимъ въ основаніи теоретическихъ началъ методомъ нельзя было здѣсь достигнуть никакой цѣли. Нужно было изыскивать теоретическія общія начала для

убѣжденія въ правильности такого или другаго толкованія той или другой книги, того или другаго мѣста. Многосторонности, полноты и вѣрности началъ и правилъ здѣсь не могло быть, такъ какъ каждая секта приступала къ дѣлу съ задней мыслію секты, съ цѣлью доказать вѣрность *своего* ученія, а не съ безпристрастнымъ желаніемъ разъяснить, какое именно ученіе тутъ или тамъ въ Библіи, какой именно смыслъ такого или другого отдѣленія книги или текста и проч. Но стремленіе найти общія, теоретическія научныя начала и правила для толкованія было необходимо. Къ тому же самая натура Гносиса, какъ (мнимо) болѣе глубокаго познанія и уразумѣнія религіозныхъ истинъ, чѣмъ обыкновенное, простое, общедоступное, требовала, чтобы этотъ Гносисъ, какъ разрѣшитель всякихъ глубокихъ загадокъ и тайнъ вѣры, болѣе углублялся въ Писанія и изучалъ ихъ и толковалъ ихъ шире и глубже, чѣмъ сколько нужно было для популярнаго простаго изложенія. Въ этомъ изученіи опять необходима была односторонность и ложь школы или секты, но мы и говоримъ не о правильности теоретическихъ началъ толкованія Библіи у нихъ, а только о пробудившихся стремленіяхъ найти, раскрыть и выяснить таковыя начала. Таковъ уже обычный ходъ развитія всякой идеи, религіозной ли или философской, что простая, въ непосредственности принятая, она распадается на противоположности, какъ положеніе и отрицаніе въ философской, какъ правовѣріе и ересь въ религіозно-церковной сферѣ, и—во взаимной борьбѣ противоположностей она выясняется, развивается, оразумливается такъ сказать, пока эти противоположности не достигнутъ объединенія, чтобы снова распасться, или пока ложное въ отрицаніи не будетъ открыто и отвергнуто. Такъ и здѣсь: ереси—тотъ же отрицательный моментъ, изъ борьбы котораго съ положительнымъ развивается и выясняется истина, а въ этой борьбѣ раждаются, раскрываются и выясняются теоретическія общія научныя начала для открытія истины.—О такомъ направленіи толкованія или перетолкованія Писанія у еретиковъ находимъ свидѣтельства весьма рано. Св. Ириней говоритъ: „еретики признаютъ Писанія, но повреждаютъ смыслъ ихъ ложными толкованіями“. Тертулліанъ: „одинъ еретикъ (Маркіонъ) исказилъ Писаніе рукою (разумѣется поврежденіе текста Маркіономъ), другой (Валентинъ)—изложеніемъ смысла. Валентинъ не пользовался Писаніемъ для раскрытія матеріи, а измыслилъ самую матерію для Писа-

нія, а потому извратилъ смыслъ не только словъ, но и цѣлыхъ рѣченій". Евсевій: „Северіане пользуются Евангеліями, но толкуютъ по своему смыслъ (этихъ) священныхъ Писаній". Епифаній: „Монтанисты пользуются Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, но толкуютъ ихъ по своему уму и находятъ въ нихъ свое" и пр.—Примѣры гностическихъ толкованій или перетолкованій собрали Ириней и Оригенъ.—Въ особенности часто упоминаются у древнихъ писателей толкованія гностиковъ: Василида—ἐξηγητικὰ ἐις τὸ Ευαγγέλιον; Гераклеона—комментарій на Луку и Іоанна; ἐπιτομαὶ ἐκ τῶν Θεοδότȣ, и—ἐκ τῶν προφητικῶν ἐκλογαί. Валентиніанинъ *Птоломей* раздѣлялъ законъ на части—Божественную, Моvсееву и—заключающую въ себѣ преданія древнихъ, и различалъ такія мѣста въ законѣ, которыя Христосъ пришелъ исполнить, такія, которыя, какъ смѣсь лжи съ истиною, Онъ пришелъ отвергнуть, наконецъ, типическія и символическія, въ которыхъ Онъ подъ чувственнымъ и видимымъ открылъ духовное и невидимое.—Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ еретиковъ, сколько можно заключать по отрывкамъ изъ нихъ у древнихъ писателей и изъ свидѣтельствъ самихъ этихъ писателей, видно стремленіе къ общимъ теоретическимъ изслѣдованіямъ Библейскихъ книгъ, но съ точки зрѣнія ихъ собственной системы, слѣд.—односторонней. Но важно здѣсь возбужденіе мысли къ раскрытію и разъясненію этихъ общихъ теоретическихъ началъ. Это направленіе къ болѣе научному и теоретическому изслѣдованію Библіи отразилось и началось и въ нѣдрахъ самой Церкви, разумѣется съ другой точки зрѣнія.

б) Въ нѣдрахъ Церкви и само собой должно было явиться и развиться стремленіе къ общему теоретическому толкованію Библіи,—по мѣрѣ того, какъ Церковь входила въ другое положеніе. Чисто практическіе интересы, когда основы ея выяснились, и установилась она твердо, такъ что могла противостать всѣмъ гоненіямъ, не могли занимать всего вниманія представителей ея; потребность болѣе глубокаго теоретическаго изъясненія предметовъ вѣры и жизни должна была почувствоваться сильнѣе, чѣмъ въ первое время непосредственности и восторженности общей вѣры, а это вело къ болѣе подробному, точному и систематическому изученію основы ученія и вѣры,—Библіи. Принятое въ популярной формѣ отъ свящ. писателей слово и разъясняемое пока въ той же популярной формѣ, соотвѣтственно потребностямъ, оно должно было быть изслѣдовано теоретически и научно, ибо должно

было встать лицемъ къ лицу съ выросшею на другой почвѣ спекуляціею лжеученій и съ результатами ея. Научнымъ стремленіямъ еретическихъ толкованій со стороны апологетовъ должно было быть противопоставлено таковое же въ интересѣ болѣе дѣйственной апологетики, и въ интересѣ предохраненія вѣрующаго отъ увлеченія неправильной теоріей и внѣшне глубокимъ пониманіемъ Библіи, хотя и неправильнымъ; нужно было замѣнить это своимъ, столь же глубокимъ, столь же теоретически научнымъ, но правильнымъ.—Наконецъ, въ христіанскихъ обществахъ начали появляться люди, особенно богатые духовными дарованіями, съ философскимъ греческимъ образованіемъ, съ потребностію отчетливой, систематической, научной мысли,—люди, которые и безъ посторонняго интереса, по внутреннему требованію развитой мысли, могли и должны были привнести научные интересы въ изученіе Библіи, ради уясненія для себя предметовъ вѣры и вѣдѣнія, и которые съ энергіей и жаромъ принялись за это дѣло особенно когда были еще внѣшнія къ тому побужденія,—польза другимъ, борьба съ еретиками, апологетика и пр. Такъ, и въ нѣдрахъ самой Церкви съ послѣдней половины 2-го в. явились болѣе или менѣе обширные труды по части толкованія Библіи, имѣвшіе болѣе или менѣе научный характеръ, основанные на развившихся и опредѣлившихся, болѣе или менѣе ясно сознанныхъ, общихъ теоретическихъ началахъ и правилахъ толкованія. Къ сожалѣнію, эти труды далеко не всѣ дошли до насъ въ полномъ видѣ; о нѣкоторыхъ знаемъ только изъ отзывовъ древнихъ писателей, изъ нѣкоторыхъ сохранились только отрывки у нихъ же.

III. Средоточіемъ тогдашней образованности научной были: Нижній Египетъ съ Пентаполемъ, Греція и все сѣверное и восточное побережье Средиземнаго моря, но въ особенности—Александрія. Здѣсь еще рано образовалась знаменитѣйшая въ древности христіанская школа, извѣстная подъ именемъ катихизической школы *Александрійской*, изъ которой выходили пастыри и учители христіанскихъ обществъ для всего Востока, и которая так. обр. имѣла обширнѣйшее значеніе для Церкви въ періодъ отеческій. И вотъ, когда явились и развились теоретическіе научные интересы въ изслѣдованіи Библіи, то прежде всего они должны были отозваться и отозвались здѣсь и—здѣсь, особенно въ началѣ этого періода, обширно развилась толковательная христіанская лите-

ратура.—По этому мѣсту ея развитія и процвѣтанія, зная направленіе Александрійской языческой философіи и іудейской экзегетики, можно уже предполагать и не совсѣмъ знакомому съ этой литературой, какой характеръ и направленіе получило здѣсь объясненіе Писанія, или какая сторона въ смыслѣ Писанія должна была здѣсь по преимуществу развиться. Вспомнимъ, что здѣсь и въ языческой философіи, общій характеръ которой волей или неволей долженъ былъ имѣть вліяніе на общее направленіе умовъ, тѣмъ болѣе, что въ общество христіанское вступали люди, получившіе и философское тогдашнее образованіе, и представители церкви не гнушались, а старались изучать и языческую философію, вспомнимъ, что здѣсь и въ языческой философіи и въ іудейской экзегетикѣ, которая относилась къ Ветхозавѣтнымъ свящ. книгамъ, господствовало направленіе аллегорическое, и мы поймемъ, что эта сторона въ смыслѣ Писанія здѣсь должна была особенно развиться и развилась. Любимымъ образцемъ и руководителемъ въ дѣлѣ толкованія Писанія былъ здѣсь св. Ап. Павелъ, и—замѣчательно, что здѣсь постоянно признавали подлинность его посланія къ Евреямъ, самаго аллегорическаго изъ всѣхъ его посланій, тогда какъ въ другихъ обществахъ оно долго еще считалось неподлиннымъ.— Но могъ ли умъ человѣческій такъ глубоко и многосторонне и истинно понять связь аллегоріи и исторіи Писанія, опредѣлить ихъ границы и взаимное отношеніе, раскрыть ихъ смыслъ, какъ умъ Богопросвѣщенный Апостола? Не естественно ли было въ развитіи истины аллегоріи явиться нѣкоторымъ и даже не маловажнымъ крайностямъ? Много сдѣлано здѣсь для выясненія таинственнаго смысла Писанія,—и труды ученыхъ здѣшнихъ—драгоцѣнное достояніе Церкви и науки. Но много явилось и крайностей неумѣреннаго аллегоризма, которыя не имѣютъ цѣны, какъ крайность, хотя эта крайность и полезна и необходима была для выясненія дѣла, т. е. имѣетъ свою хорошую историческую сторону.

а) Слѣды неумѣреннаго аллегоризма весьма замѣтны въ сочиненіяхъ *Климента* Александрійскаго († 217), главы Александрійскаго училища и преемника Пантена, который вѣроятно также держался аллегоріи въ изъясненіи Писанія. У Климента высказываются ясно слѣдующія основныя воззрѣнія его на смыслъ Писанія, какъ Божественнаго откровенія: „все Писаніе изречено какъ бы въ притчѣ“ (*πᾶσα γραφὴ ὡς ἐν παραβολῇ εἰρημένη*); еще: „ни пророки, ни Христосъ не

изрекали просто (ἁπλῶς) Божественныхъ таинствъ, но въ притчахъ" (ἐν παραβολαῖς). Еще: „Въ Писаніяхъ смыслъ сокровенъ, дабы мы были испытателями" (ζητηκοί). Еще: „избраннымъ изъ людей, стремящимся отъ вѣры къ вѣдѣнію (ἐκ πίςεως ἐις γνῶσιν), свящ. тайны, сокровенныя въ притчахъ, открываются" и пр. т. под. Взявъ въ основаніе изъясненія вѣру и вѣдѣніе (πίςις καὶ γνῶσις), онъ основываетъ на нихъ двоякій способъ толкованія—толкованіе по буквальному смыслу—для вѣры простыхъ христіанъ, и—по сокровенному таинственному смыслу—для болѣе совершенныхъ и имѣющихъ совершеннѣйшее вѣдѣніе (γνοςικοί). Все ли Писаніе онъ понималъ въ двоякомъ смыслѣ, и какъ далеко простирался аллегоризмъ его въ частности, опредѣлить нельзя, потому что его ὑποτύπωσις не дошло до насъ. А судя по вышеизложеннымъ его основнымъ правиламъ при взглядѣ на Писаніе, нельзя не заключить, что аллегорія имѣла у него обширнѣйшее приложеніе.

Но главнымъ представителемъ этого аллегорическаго направленія въ изъясненіи Библіи былъ Оригенъ († 263). Онъ былъ истинный представитель, даже законодатель этого направленія, потому что онъ вполнѣ обнялъ теоретическія, герменевтическія правила аллегоріи, выяснилъ, развилъ ихъ и заключилъ въ систему, оправдавъ ее рядомъ обширныхъ самостоятельныхъ экзегетическихъ трудовъ, которымъ справедливо можетъ удивляться потомство, по ихъ разнообразію, количеству, единству проведенной идеи и выдержанности. Вообще, въ развитіи экзегеза онъ имѣлъ громадное значеніе, частію потому, что его экзегетика основана была на теоретическихъ началахъ герменевтики, частію по величію и громадности его экзегетическихъ трудовъ, частію потому, что онъ былъ первый такой великій экзегетъ (а примѣръ тогда, какъ и всегда, имѣлъ великую силу), частію потому, что онъ вообще былъ очень даровитъ и многосторонне образованъ, такъ что вѣкъ дивился ему и не находилъ ему равнаго, восхищался его широко-развитой и пламенной фантазіей, какъ вѣнцомъ высшей мудрости. Въ этотъ и послѣдующіе вѣка у всѣхъ было на языкѣ имя Оригена, и даже послѣ, когда уже направленіе Оригена вызвало сильное противодѣйствіе, лучшіе представители Церкви съ любовію изучали его творенія. Примѣръ - Василій Великій и Григорій Богословъ, въ уединеніи монастырской кельи составлявшіе филокалію по твореніямъ Адамантоваго мужа. Какъ очень способный и обра-

зованный человѣкъ онъ умѣлъ увлекательно излагать свои идеи, облекать въ прекрасную форму, и всякой степени образованія давалъ то, что было по силамъ ей.—Удивительно ли, что этотъ, какъ его называли, оракулъ Церкви, имѣлъ огромное вліяніе на экзегезъ и нашелъ себѣ множество поклонниковъ и подражателей даже въ лучшихъ представителяхъ Церкви и въ такихъ людяхъ, которые менѣе всего способны къ живой игрѣ фантазіи и смѣлой спекуляціи. Сочиненій Оригена дошло до насъ довольно много, отзывовъ древнихъ о немъ также много и охарактеризовать его можно опредѣленнѣе и рѣшительнѣе.

Главный пунктъ Оригеновой теоріи о свящ. Писаніи вообще есть различіе троякаго смысла въ Писаніяхъ буквальнаго или прямаго, нравственнаго, и высшаго таинственнаго—духовнаго (sensus litteralis,moralis atque spiritualis). Основаніе такого взгляда на троякій смыслъ Писанія—то, что Оригенъ разсматривалъ Писаніе какъ живой, подобный человѣческому, организмъ, единый и цѣлостный, и какъ человѣкъ состоитъ, по его мнѣнію, изъ трехъ частей, то и въ Писаніи должно быть три смысла. Тѣлу или плоти соотвѣтствуетъ у него буквальный или прямой смыслъ, душѣ—нравственный и духу—высшій, таинственный. Понятно, въ чемъ была опасность для такого воззрѣнія, особенно для древнихъ. Три составныя части человѣка имѣютъ не одинаковое значеніе и достоинство; отсюда и три смысла въ Писаніи также имѣютъ неодинаковое по важности значеніе и достоинство. Тѣло или плоть имѣетъ низшее достоинство, и въ буквальномъ или историческомъ смыслѣ Писанія Оригенъ видѣлъ нѣчто низшее, не стоющее большого вниманія, какъ бы внѣшнюю оболочку истины, которую долженъ открыть и свергнуть читатель, если хочетъ увидѣть Божественную, чистую истину. Эта истина открывается ему въ смыслѣ нравственномъ, который, какъ душа тѣло, проникаетъ всю букву Библіи и сообщаетъ ей жизнь; безъ него она мертва, какъ тѣло безъ души. Но еще выше, какъ духъ выше тѣла и души,—таинственный смыслъ Библіи, который „сокрытъ отъ Іудеевъ и многихъ вѣрныхъ, и открывается только настойчивымъ изслѣдователямъ Писанія и духовнымъ".—Вслѣдствіе этихъ, ясно сознанныхъ, положеній Оригенъ хотя признаетъ дѣйствительность буквальнаго или прямаго смысла Писанія, но не придаетъ ему почти никакого существеннаго значенія, пренебрегаетъ имъ, какъ тѣломъ, или плотью, жертвуетъ имъ, какъ

тѣломъ въ пользу души, а потому или совершенно оставляетъ въ сторонѣ буквальный смыслъ изъясняемыхъ имъ мѣстъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, или же, кратко упомянувъ о немъ, спѣшитъ скорѣе къ раскрытію нравственнаго и таинственнаго смысла, и на нихъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе и вниманіе читателей или слушателей. Въ этомъ пренебреженіи къ буквѣ Писанія и буквальному смыслу лежала уже для Оригена возможность совсѣмъ отвергнуть истину и значеніе его, стоило лишь сдѣлать одинъ шагъ впередъ, и— Оригенъ часто его дѣлаетъ,—прямо отвергая буквальный смыслъ. „Если мы, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, прилѣпимся къ буквѣ и будемъ понимать написанное въ законѣ (Моисеевомъ) такъ, какъ кажется Іудеямъ, или такъ, какъ представляетъ народъ; то я стыжусь выговорить и сознаться, что таковые законы далъ Богъ; ибо мнѣ представляются болѣе разумными и совершенными законы чисто людскіе, наприм., Римскіе или Аѳинскіе или Лакедемонскіе (Praef. Delar. ad t. 11. p. VII). Даже далѣе этого иногда заходитъ Оригенъ въ проведеніи своей теоріи: тѣло или плоть противостоитъ духу, воюетъ противъ духа, оно враждебно ему, оно вредно для него. Нѣчто подобное—и въ буквальномъ смыслѣ Писанія, въ его отношеніи къ духовному.

Во всей широтѣ прилагаетъ Оригенъ къ Писанію слова Апостола: *писмя убиваетъ, духъ животворитъ*. Онъ прямо утверждаетъ, что буквальное пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ сказаній вредитъ истинѣ христіанской религіи (Hom. 5 in Ier. 1), а нѣкоторыя событія, при буквальномъ пониманіи, служатъ соблазномъ для вѣры.—Далѣе, Оригенъ находитъ, что таинственный смыслъ вездѣ въ Библіи, а буквальный не вездѣ,—что въ Писаніи есть небывалыя исторіи, измышленныя съ цѣлію заключить въ нихъ какой-либо нравственный или таинственный смыслъ, къ таковымъ причисляетъ Оригенъ много событій изъ Ветхозавѣтной исторіи и много законоположеній Моисеевыхъ. Въ отношеніи ко всѣмъ таковымъ мѣстамъ Библіи онъ называетъ привязанность къ буквальному историческому смыслу квасомъ фарисейскимъ и покрываломъ, которое лежитъ на глазахъ іудеевъ при чтеніи Ветхаго Завѣта, и чрезъ которое они и люди съ подобнымъ имъ направленіемъ не могутъ узрѣть духа и истины,—и чтобы самому уберечься отъ этого кваса и свергнуть это покрывало, не позволяющее зрѣть духъ и истину, онъ вдается въ странныя аллегоріи и мистику даже тамъ, гдѣ исторія,

разсказъ и ученіе совершенно не требуютъ этого. Множество примѣровъ неумѣренной аллегоріи можно было бы привесть, если бы то было нужно для подтвержденія этой мысли. Мы ограничимся лишь немногими. Укажемъ на осужденное соборомъ аллегорическое объясненіе первыхъ главъ книги Бытія. Или, напримѣръ, разъясняя исторію Авраама съ Авимелехомъ, именно—слова: *помолися же Авраамъ Богу и исцѣли Богъ Авимелеха и жену его и рабыни его и начаша раждати* (Быт. 20, 17), онъ, уберегаясь отъ кваса фарисейка, т. е. отстраняя буквальный смыслъ, говоритъ, что подъ женою Авимелеха разумѣется естественная философія, а подъ рабынями ея обманчивыя заключенія діалектики. Такъ, объясняя, почему Іосифъ въ Египтѣ, при свиданіи съ братьями, во время трапезы далъ меньшему брату Веніамину впятеро большую сравнительно съ другими братьями часть (Быт. 43, 34), онъ говоритъ: ἢ διὰ τὴν Ἱερȣσαλὴμ, ἢ ὡς τύπος τȣ ἀποςόλȣ Παύλȣ. Во всемъ видитъ не то, о чемъ прямо говорится, не такъ понимаетъ, какъ велитъ исторія и буква; это—для него низшая іудейская форма пониманія и толкованія. И всѣ почти Ветхозавѣтныя событія и обстоятельства лицъ и ученіе онъ толкуетъ именно такимъ образомъ. И надобно замѣтить, что это—не простое назидательное примѣненіе; нѣтъ, онъ увѣренъ, что все это именно имѣетъ только этотъ главнымъ образомъ смыслъ; это сущность, это паѳосъ, это истина всего его толкованія. Въ полномъ развитіи этой системы толкованія онъ дошелъ до того, что подъ его призмой нужно смотрѣть и онъ самъ смотрѣлъ на Ветхій Завѣтъ не какъ на самостоятельную исторію, но какъ на движеніе фигуръ и картинъ, не имѣющихъ дѣйствительнаго историческаго самостоятельнаго смысла и значенія для современнаго, а существовавшихъ такъ и потолику, какъ и поколику имѣла строиться будущая судьба христіанства и Церкви, т. е. все историческое, дѣйствительное Ветхаго Завѣта было подчинено таинственному и будущему Новаго Завѣта. Люди жили и дѣйствовали, событія совершались, но у нихъ были не свои мотивы, не самостоятельныя дѣйствія, не современныя потребности, а мотивы будущаго, дѣйствія для будущаго и интересы будущаго. Это—автоматы, которыхъ двигаетъ чужая рука и двигаетъ такъ, чтобы движенія ихъ были отобразомъ будущихъ движеній будущихъ лицъ и событій. Крайность аллегоризма очевидна.

Мы уже упомянули, откуда выродилось это аллегорическое направленіе у Александрійцевъ. Прибавимъ къ тому, что языческій философъ *Порфирій*, современникъ Оригена, говоритъ, будто Оригенъ приложилъ къ книгамъ Ветхозавѣтнымъ толкованія языческихъ таинствъ Платониками и Пиѳагорейцами, чтеніемъ которыхъ онъ много занимался, какъ повѣствуется объ этомъ у Евсевія (hist. eccl. 6. 19); но Евсевій же замѣчаетъ, что Порфирій солгалъ въ этомъ случаѣ и ссылается на самого Оригена, который, по его словамъ, самъ прямо отвергаетъ эту клевету Порфирія (тамъ же). Позднѣйшіе издатели сочиненій Оригена объясняютъ этотъ способъ толкованія его подражаніемъ или Гомеровымъ аллегористамъ, или александрійскимъ іудеямъ Филону и Аристовулу,— о подобномъ направленіи которыхъ мы говорили. Хотя это послѣднее мнѣніе имѣетъ основаніе въ тѣхъ словахъ самого Оригена, гдѣ онъ хвалитъ толкованія этихъ Александрійцевъ; но впрочемъ всякое внѣшнее исключительно выведеніе теоріи Оригена нужно считать не справедливымъ, хотя внѣшнее положеніе и могло, какъ мы видѣли, имѣть вліяніе на это и содѣйствовать развитію этого направленія; пониманіе Ветхозавѣтныхъ книгъ Филономъ и Оригеномъ существенно различны, а также и аллегоріи; тамъ философская отвлеченность—сущность аллегоріи; а здѣсь— христіанство и его дѣйствительность; лишь методъ иносказанія у нихъ одинаковъ; но методы мало ли у кого могутъ быть одинаковы, а методъ иносказанія кажется у всѣхъ въ сущности одинаковъ. Нѣтъ, самъ Оригенъ объ основаніи своего способа изъясненія думалъ иначе: онъ ссылается на апостола Павла, и на основаніи его аллегорій, думаетъ, что онъ справедливо видитъ вездѣ таинственный смыслъ и аллегорію, и что онъ, Оригенъ, только въ подробности провелъ теорію апостола Павла и развилъ ее на основаніи отвлеченныхъ началъ и правилъ, которыя и приложилъ ко *всей* Ветхозавѣтной исторіи, тогда какъ апостолъ Павелъ—только къ нѣкоторымъ событіямъ изъ этой исторіи. И дѣйствительно, очень вѣроятно это сознаніе Оригена; но только онъ ошибся въ обширности аллегорическаго смысла и произвольно постановилъ начало - сравненія Библіи съ человѣческимъ организмомъ и точнѣйшей аналогіи видимаго и невидимаго міра, онъ переступилъ границу истиннаго Апостольскаго ученія, развилъ эту свою теорію до крайности, не соединивъ историческаго съ иносказательнымъ, а уничтоживъ первое въ поль-

зу послѣдняго; ложное начало вездѣприсутствія таинственнаго смысла, подъ вліяніемъ направленія духа времени и мѣста, довело его до ложныхъ результатовъ отрицанія и уничтоженія прямаго историческаго буквальнаго смысла.

в) Какъ бы-то ни было, только противъ крайности аллегоризма Оригенова съ теченіемъ времени поднялись сильные вопли противленія, даже негодованія не только за односторонность, но даже за ложь и вредъ такого пониманія и объясненія Ветхаго Завѣта. Уже самъ Оригенъ упоминаетъ о противникахъ аллегоріи; но послѣ того, какъ онъ вполнѣ развилъ свою теорію о троякомъ смыслѣ Писанія и ихъ отношеніи, и когда въ приложеніи этой теоріи къ толкованію выразилъ всю крайность своего направленія, превративъ почти всю исторію въ движеніе фигуръ и автоматовъ, нѣкоторые рѣшительно возстали противъ такого образа пониманія и способа толкованія Ветхаго Завѣта. Евстаѳій Антіох. называетъ Оригеново толкованіе Моѵсеева сказанія о твореніи миѳическимъ и безбожнымъ, и между 8-ю пунктами ученія Оригенова, осужденія которыхъ требовали Епифаній, Ѳеофилъ, Іеронимъ и др., и которые были дѣйствительно осуждены, 6 и 7-й пункты направлены противъ аллегорій Оригена.—Но этотъ образъ пониманія Ветхаго Завѣта и способъ толкованія его, подъ вліяніемъ духа времени и великой личности Оригена, такіе пустилъ глубокіе корни въ древнюю литературу толковательную, что нѣкоторые даже изъ противниковъ и порицателей Оригена, незамѣтно можетъ быть для себя, подчинялись ему и порой предавались также неумѣренному аллегоризму. Примѣромъ этого служитъ особенно бл. Іеронимъ, съ жаромъ возстававшій противъ Оригена и основательно опровергавшій его способъ толкованія. Онъ обладалъ знаніемъ Еврейскаго языка и значитъ имѣлъ доступъ къ подлиннику, къ veritas haebraica, какъ выражается онъ, подобно и Оригену; возставъ противъ него, онъ рѣшился дать болѣе значенія буквальному историческому смыслу Ветхозавѣтныхъ Писаній и исторической дѣйствительности Ветхозавѣтныхъ событій. Такъ, въ предисловіи къ 5-й книгѣ толкованія на Исаію онъ пишетъ: „я говорю объ Оригенѣ... который носится по свободнымъ областямъ аллегоріи и по своему разуму устрояетъ тайны церкви"—и пр. Толкователь, котораго онъ, при объясненіи 29 гл. Іереміи, называетъ semper allegoricus, et historiae fugiens veritatem,—не кто иной, какъ Оригенъ. Въ противоположность ему свой образъ толкованія Ветхаго

Завѣта Іеронимъ обозначаетъ такъ: „мы слѣдуемъ простой и истинной исторіи, не носясь въ какихъ нибудь облакахъ или волнахъ“ (т. е. аллегоріяхъ). - Изъ этого видно, что Іеронимъ старается имѣть дѣло съ дѣйствительной Ветхозавѣтной исторіей и буквальнымъ смысломъ, отрѣшась отъ неумѣреннаго аллегоризма; но, повторяемъ, сила этого направленія была такъ велика, что не замѣтно подчинялись ему даже противники его, и—Іеронимъ ошибся, думая, что избѣгнетъ его и неуклонно чрезъ все толкованіе проведетъ свое начало. Несмотря на то, что онъ порицаетъ Оригена,—въ душѣ и на словахъ, когда забываетъ его, подчиняется, невольно можетъ быть, его вліянію. Справедливое положеніе, что historiae veritas est fundamentum intelligentiae spiritualis, которое бы, какъ слѣдовало ожидать, онъ будетъ осуществлять въ своихъ толкованіяхъ, онъ держитъ лишь отвлеченно въ мысли, на замѣчаніи, а на самомъ дѣлѣ, подъ другимъ вліяніемъ, выражаетъ свой истинный образъ воззрѣнія такъ: aliud littera sonat, aliud spiritus clavsum tenet. На одно изъ Оригеновыхъ также основоположеній указываютъ слова Іеронима, что только Іудеи, питающіеся еще млекомъ, а не брашномъ, держатся буквальнаго смысла. Неудивительно потому, если онъ иногда вдается также въ аллегорію, какъ и Оригенъ и не менѣе неумѣренную; такъ въ письмѣ къ папѣ Дамасу онъ пишетъ: „Исаакъ носитъ образъ Бога Отца, Ревекка—Духа Святаго; Исавъ—древняго народа и діавола; Іаковъ—Церкви или Христа“.—При разсмотрѣніи 42 становъ Израильскихъ въ пустынѣ, онъ поставляетъ ихъ въ параллель съ 42 лицами въ родословіи Іисуса Христа по Матѳею. Въ письмѣ къ Павлѣ онъ говоритъ объ алфавитѣ 144 псалма и изъясняется такъ: второе отдѣленіе содержитъ въ себѣ he, vaf, zain, chet; этъ значитъ: настоящая и будущая жизнь; третье отдѣленіе содержитъ tet и jod, т. е. доброе начало; когда мы удостоимся быть со Христомъ, тогда увидимъ лицемъ къ лицу доброе начало, какъ есть“.—Этому объясненію онъ придаетъ особенную глубину, продолжая далѣе: „спрашиваю тебя, что̀ сего таинства святѣе, что̀ сего наслажденія пріятнѣе?“—Въ толкованіи на 7 ст. 2-й гл. Екклезіаста онъ пишетъ: „если, какъ прежде мы сказали, такъ и теперь, хотимъ Екклезіаста отнести къ лицу Христа: то можемъ назвать и рабовъ его“ и т. п.—Вообще, Іеронимъ хотя и порицаетъ способъ толкованія Оригенова, но самъ не можетъ совершенно освободиться отъ него и вдается порой въ тѣже крайности. Точно тоже

случилось и съ нѣкоторыми другими. Это показываетъ, какъ глубоко это воззрѣніе пустило корни въ тогдашнюю экзегетику. И у Оригена, какъ мы замѣтили выше, было множество поклонниковъ и подражателей и въ его и послѣдующихъ вѣкахъ, несмотря на сильный протестъ многихъ противъ такого аллегорическаго изъясненія всего Ветхаго Завѣта. Къ таковымъ почитателямъ и подражателямъ Оригеновскаго объясненія Библіи принадлежатъ—*въ третьемъ* вѣкѣ: Ипполитъ († 250), Діонисій Еп. Александрійскій, Піерій—тамошній же пресвитеръ, Θеогностъ ὁ ἐξηγητής,—предстоятель тамошней же школы, Меθодій Тирскій, который впрочемъ въ догматическомъ отношеніи не совсѣмъ согласенъ съ Оригеномъ, и Памфилъ; въ *четвертомъ* вѣкѣ: Евсевій Кесарійскій извѣстный историкъ († 340), Иларій Поатьерскій (368), извѣстный Руфинъ, пресвитеръ Аквилейскій (410), Григорій Нисскій, Кириллъ Алекс. и нѣкоторые другіе. Надобно замѣтить впрочемъ, что у нихъ былъ не такой неумѣренный аллегоризмъ, какъ у учителя ихъ, оракула Церкви и законодателя аллегорическаго толкованія - Оригена. Они болѣе обращаютъ вниманія на историческій буквальный смыслъ и не пренебрегаютъ имъ такъ, какъ Оригенъ, но чрезвычайно при этомъ любятъ аллегорію и стараются прибѣгать къ ней при первомъ удобномъ случаѣ.

г) Но между тѣмъ какъ такъ неполно высказалось противодѣйствіе Оригену со стороны прямой полемики противъ его направленія, какъ это видѣли мы въ примѣрѣ особенно Іеронима, между тѣмъ какъ дѣло шло къ соборному осужденію Оригена,—въ Малой Азіи особенно, частію въ Сиріи и Месопотаміи, возникло направленіе противоположное Александрійскому—Оригеновскому, направленіе, которое можно назвать историко-критическимъ. Представителями его были: Θеодоръ Гераклейскій, Евсевій Эмесскій, Діодоръ Тарскій, который, по свидѣтельству Свиды, написалъ Комментарій на весь Ветхій Завѣтъ, Титъ Бострскій, Дороθей, Лукіанъ, Ива Едесскій, Полихроній Апамейскій, но главнымъ образомъ — его братъ и ученикъ Діодора Тарскаго другъ Златоуста — Θеодоръ Мопсуетскій. Евсевій Эмесскій въ спорахъ своихъ съ Іудеями и еретиками пользовался только такими пророчествами о Христѣ, которыя, по его мнѣнію, не оспоримо и исключительно прямо относятся къ Нему; во всѣхъ же остальныхъ онъ видѣлъ аккоммодацію и аллегорію. Ему послѣдовалъ и еще далѣе пошелъ Θеодоръ Тарскій; онъ различалъ про-

рочества, относящіяся ко Христу *κατὰ ῥητὸν* и *καθ' ἱστορίαν*—отъ тѣхъ, которыя хотя относятся къ Нему *μυστικῶς* но *κατὰ ῥητὸν* и *καθ' ἱστορίαν* относятся собственно къ другимъ, напр. Давиду, Соломону, Езекіи и прочимъ. Вообще, историческій прямой смыслъ былъ у его подражателей первымъ и главнѣйшимъ. Слѣдуя по этому пути еще далѣе—ученикъ Діодора Ѳеодоръ Мопсуетскій всталъ въ совершенное противорѣчіе съ Оригеновымъ аллегорическимъ направленіемъ, и это противорѣчіе развилъ до крайности, такъ что и въ этомъ случаѣ одна крайность вызвала другую. Онъ написалъ пять томовъ contra allegoricos и Ad Lerdonem de allegoria et historia contra Origenem (Фабриц. Bibl. X. p. 361); но эти сочиненія не дошли до насъ, равно какъ и его комментаріи на Бытія, псалмы, Іова, бóльшихъ пророковъ, Екклезіаста, Пѣснь пѣсней, Евангелія и посланія Павла,—гдѣ онъ прилагалъ свой историко-критическій методъ, противоположный Оригенову. До насъ дошелъ только комментарій Ѳеодора на малыхъ пророковъ; но и изъ него ясно видно отношеніе его къ Ветхозавѣтному Писанію, воззрѣніе вообще на Ветхій Завѣтъ въ его отношеніи къ Новому, его способъ пониманія Ветхозавѣтныхъ событій и способъ толкованія. Изъ этого комментарія можно видѣть, что толкователь питаетъ какъ будто непріязнь не только къ аллегоріи, но даже къ прямымъ и яснымъ пророчествамъ и не видитъ въ нихъ пророческаго о Христѣ и Его Церкви. Даже такія пророчества, которыя очевидно и ближайшимъ образомъ относятся ко Христу и всѣми признавались за Мессіанскія (какъ напр. Мих. 5, 2. Зах. 9, 9. Іоил. 2, 28), онъ объясняетъ такъ, что они относятся къ лицамъ и происшествіямъ, которыя были во времена ближайшія къ пророкамъ, напр. къ Зоровавелю, къ возвращенію изъ плѣна. Новозавѣтныя указанія на такія мѣста, какъ на пророчества о временахъ христіанскихъ, онъ существенно отрицаетъ, отнимая у нихъ силу прямого отношенія къ указываемымъ событіямъ; онъ говоритъ, что эти пророческія выраженія могутъ относиться и ко Христу и къ Церкви только *μεταφορικῶς καὶ ὑπερβολικῶς*, и—какъ кажется—только этимъ и оправдываетъ подобныя указанія. Такимъ образомъ, отвергая аллегоризмъ въ Ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ и утверждаясь на точкѣ зрѣнія чисто исторической, онъ отвергъ всякій таинственный, прообразовательный смыслъ вездѣ, даже въ пророчествахъ и - ограничился лишь однимъ смысломъ буквальнымъ, прямымъ, историческимъ. Вмѣсто

соединенія буквальнаго съ таинственнымъ, историческаго съ прообразовательнымъ тамъ, гдѣ это есть дѣйствительно, онъ уничтожилъ послѣдній всюду; и какъ Оригенъ почти вездѣ прямымъ буквально-историческимъ смысломъ Писанія жертвовалъ аллегорическому-таинственному, такъ Ѳеодоръ всюду пожертвовалъ послѣднимъ въ пользу перваго.—Новая крайность!—Само собою разумѣется, что это направленіе было несравненно опаснѣе для правой вѣры, чѣмъ Оригеново—аллегорическое, и несравненно болѣе ложно, чѣмъ то; оно подрывало, хотя непрямо, Божественный авторитетъ Писанія, особенно Новозавѣтнаго, въ которомъ приводится множество пророчествъ о Христѣ и Его Церкви и много прообразованій, и признается несомнѣннымъ таинственный смыслъ во многихъ мѣстахъ Ветхозавѣтныхъ Писаній, Ветхозавѣтной исторіи и ученія; подрывало оно основанія догматики—во многихъ отношеніяхъ и главное—совершенно противорѣчило Апостольскому воззрѣнію на Ветхій Завѣтъ,- и способу его объясненія. Вслѣдствіе сего, такое пониманіе Ветхаго Завѣта и такое толкованіе его было соборомъ осуждено, какъ іудейское, какъ еретическое, равно какъ и крайности Оригеновскаго чрезмѣрно аллегорическаго объясненія, и защитникъ Ѳеодора Ѳакундъ ничего не могъ сказать противъ этого обвиненія, кромѣ только того, что Ѳеодоръ 44-й псаломъ относилъ не къ человѣку, но къ Сыну Божію, что однакожь совсѣмъ необъяснимо при Ѳеодоровомъ методѣ толкованія, и едвали вѣрно.—Впрочемъ не всѣ помянутые послѣдователи этого направленія дошли до *такой* крайности, какъ Ѳеодоръ Мопсуетскій. А не въ крайности это направленіе было благодѣтельно, особенно какъ противодѣйствіе неумѣренному аллегоризму Оригеновской школы. Въ историко-критическихъ изслѣдованіяхъ здѣсь бросался ясный свѣтъ на исторію, возстановлялось ея значеніе, и событія освобождались отъ фантастической игры аллегористовъ. Экзегезъ, любимое занятіе этихъ мужей, основывался на филологіи и строгомъ критическомъ разборѣ отношеній писателя ко времени и потребностямъ и особенностямъ времени. Правда, крайность просвѣчивала и у нихъ довольно часто. Въ общемъ воззрѣніи на отношеніе Ветхаго Завѣта къ Новому они хотя и признавали и цѣнили связь и единство Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и вѣрны были основоположеніямъ Апостольскаго воззрѣнія на типы и пророчества Ветхаго Завѣта, осуществившіяся и исполнившіяся въ Новомъ, но эту связь и это

отношеніе они считали несущественными, не основанными на самой сущности того и другаго Завѣтовъ, а произведеніемъ благочестивой религіозной рефлексіи.—Осторожно и нерѣшительно высказываются они въ этомъ смыслѣ; но нельзя не замѣтить въ нихъ этого воззрѣнія, которое ради факта исторіи готово жертвовать высшими религіозными идеями.— Но со всѣмъ тѣмъ въ произведеніяхъ этихъ людей много драгоцѣнныхъ частностей для осмысленія исторіи Ветхаго Завѣта.

д) Но въ то же самое время, какъ до указанныхъ крайностей развивались эти направленія въ изъясненіи Ветхаго Завѣта, вышедшія хотя изъ вѣрныхъ основаній, но въ увлеченіи любимыми идеями развивавшихъ ихъ и въ полемикѣ частію между собою, частію съ другими направленіями, доходившія до ложныхъ крайнихъ результатовъ,—развивалось еще направленіе, которое въ пониманіи и толкованіи Ветхаго и Новаго Завѣта держалось по возможности вдали отъ этихъ двухъ крайностей, слѣдовало среднимъ между ними путемъ, держась довольно строго границъ своихъ, и развиваясь на тѣхъ основоположеніяхъ во взглядѣ на Ветхій Завѣтъ, какія заключались въ писаніяхъ Апостольскихъ и въ болѣе чистомъ преданіи.—Это направленіе постепенно развивалось у святыхъ Иринея Ліонскаго, Кupріана Карѳагенскаго, Тертулліана частію, особенно же у Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Златоустаго, Ѳеодорита, частію Ефрема Сирина и другихъ. Всѣ они допускали историческій буквальный и таинственный смыслы; но область послѣдняго ограничивали и старались видѣть его только тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ; и при немъ они отнюдь не отрицали и истинности буквальнаго, историческаго смысла, а именно, строго, по возможности, держались того правила, что veritas historiae fundamentum est intelligentiae spiritualis. Вслѣдствіе того въ ихъ толкованіи преобладаетъ воззрѣніе историческое на Библію и ея содержаніе и потомъ уже, при немъ и на основаніи его, раскрывается смыслъ таинственный, большею частію типическій, тамъ, гдѣ на присутствіе его указываетъ смыслъ буквально-историческій и самый ходъ исторіи. Хотя, конечно, были и здѣсь исключенія въ пользу таинственнаго смысла, который иные видѣли иногда и тамъ, гдѣ не совсѣмъ удобно было для другихъ видѣть его. Но это—частности; мы говоримъ объ общихъ направленіяхъ толкованія, или о преобладающемъ только, а не объ исключеніяхъ у тѣхъ или дру-

гихъ толкователей, въ той или другой школѣ;— исключенія могутъ быть вездѣ.—Это весьма важное начало при пониманіи и толкованіи Писанія, внесенное и развиваемое этимъ направленіемъ,— что смыслъ таинственный можно и нужно находить только при раскрытіи дѣйствительнаго историческаго или буквальнаго смысла и по его указанію, имѣло весьма важныя слѣдствія въ своемъ приложеніи и оказало благодѣтельное вліяніе на экзегезъ: съ одной стороны—оно предохранило толкователей отъ неумѣреннаго и неумѣстнаго аллегоризма, такъ какъ смыслъ историческій, при глубокомъ знаніи Ветхозавѣтныхъ Писаній, удерживалъ ихъ отъ этого; съ другой—не останавливало оно ихъ и на чисто историческомъ смыслѣ и значеніи тамъ, гдѣ самая исторія и самый этотъ буквальный смыслъ указывалъ имъ на другое, высшее значеніе, на другой, таинственный смыслъ. Отсюда произошло естественно то, что видя таинственный смыслъ тамъ, гдѣ слѣдовало, они развивали его полно и опредѣленно, избѣгая всѣхъ тѣхъ натянутостей, которыя необходимо употреблять, чтобы открыть и раскрыть таинственный смыслъ тамъ, гдѣ его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ лицахъ и событіяхъ Ветхозавѣтныхъ они видѣли не фигуры и картины, которыя двигались и группировались потому, что имъ нужно было такъ двигаться и группироваться для того, чтобы предъобразить то или другое въ Новозавѣтной Церкви, но— дѣйствительныя, живыя лица и дѣйствительно историческія событія, которыя были и должны быть именно таковы для своего времени, но которыя въ то же время, въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ, въ тѣхъ или другихъ чертахъ, а не во всѣхъ, предображали событія Новозавѣтныя. Все это направленіе въ этомъ отношеніи характеризуется выраженіемъ св. Григорія Богослова, что „должно въ толкованіи Писанія идти среднимъ путемъ между *παχυτέροις τὴν διανοίαν* (т. е. толкователями, приверженными къ буквѣ) и *ἄγαν θεωρητικῶς*“ (т. е толкователями, вдающимися въ неумѣренную аллегорію). Въ этомъ смыслѣ составлены комментаріи на библейскія книги знаменитѣйшими представителями этого направленія. - Мы уже сказали, что и помянутые толкователи не всегда держались строго границъ своихъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видна наклонность къ *излишней* аллегоріи. Но здѣсь то великое различие отъ аллегорій Оригеновскихъ, что тогда какъ у Оригена аллегорическій смыслъ—главный истинный смыслъ,—у нихъ аллегорія въ излишнихъ случаяхъ не болѣе, какъ про-

стое примѣненіе, болѣе или менѣе назидательное, болѣе или менѣе благочестивое и полезное, но не вредное. Къ этому же направленію частію принадлежатъ и западные отцы и учители—Иларій Пиктав., Амвросій, Августинъ, Іеронимъ и Григорій Великій. Впрочемъ послѣдній, какъ кажется, болѣе прочихъ склоненъ былъ къ аллегоріи; это видно частію даже изъ заглавія, какое, онъ далъ своему комментарію на книгу Іова: Moralia, sive expositio in librum beati Iobi; и изъ тѣхъ аллегорій, какія находятся въ этомъ комментаріи.

е) Чтобы избѣгнуть крайностей въ направленіи толкованія свящ. книгъ, нужно было неуклонно слѣдовать какимъ либо общимъ началамъ правильнаго изъясненія, которыя бы болѣе или менѣе ограждали отъ произвола въ объясненіи. Мы разумѣемъ не одни отвлеченныя правила экзегеза, которыя не спасли Оригена и Θеодора М. отъ крайностей, но—болѣе общія и практическія гарантіи правильности, которымъ бы подчинялись и которыми бы направлялись самыя отвлеченныя правила экзегетики. Такими общими началами объясненія св. книгъ, которымъ слѣдовало разсматриваемое направленіе и которыя предохраняли его отъ произвола и дали ему такое великое значеніе въ исторіи Церкви—были:

1) Начало—объясненія Библіи самою Библіею.—Книги священнаго Писанія написаны различными писателями, но стоявшими подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ одного Духа Божія; въ ихъ ученіи, слѣдовательно, должно быть единство, при различіи содержанія и формы, и значитъ ими можно объяснять другъ друга; неясное у одного писателя можетъ быть объяснено другимъ, недостающее восполнено, правильное и ясное подтверждено; а при устахъ двоихъ или троихъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ Вотъ почему всегда было правиломъ—искать объясненія темнаго мѣста или подтвержденія прежде всего въ самой Библіи; это видимъ мы у всѣхъ древнихъ экзегетовъ.

2) Вторымъ началомъ было начало преданія. Еще рано указано было на это начало толкованія священныхъ книгъ, которымъ не совсѣмъ вѣрно руководствовались представители помянутыхъ крайнихъ направленій. Два древнихъ и сильныхъ противника гностическаго и философскаго направленій—Ириней и Тертулліанъ стояли подъ исключительнымъ вліяніемъ этого начала въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имъ толковать мѣста Писанія. „Если о какомъ либо вопросѣ зайдетъ споръ, писалъ Ириней, говоря о книгахъ

священнаго Писанія въ особенности Новаго Завѣта: то ненужно ли прибѣгнуть къ Церквамъ древнѣйшимъ, въ которыхъ обращались сами Апостолы, и отъ нихъ узнать объ этомъ вопросѣ, что истинно и что ложно". „То вѣрнѣе, говоритъ Тертулліанъ, что прежде, то прежде, что отъ начала, то отъ начала, что отъ Апостоловъ, а отъ Апостоловъ то, что освящено въ Церквахъ Апостольскихъ и содержится въ нихъ". „Въ священномъ Писаніи много такихъ мѣстъ, въ которыхъ можно находить или изъ которыхъ можно извлекать смыслъ какой угодно. Потому нужно учиться пониманію Писанія у тѣхъ, кто сохраняетъ твердо преданное отъ предковъ"—слова писателя такъ называемыхъ Recognotiones, которыя извѣстны подъ именемъ Климента Рим.; но если это сочиненіе и не ему принадлежитъ, во всякомъ случаѣ оно очень древне. Святой Василій Великій указываетъ на это начало толкованія подъ именемъ: παράδωσις 'Αποςόλων. Этого правила держались, по возможности строго, и всѣ экзегеты этого направленія. И въ апологетическихъ толкованіяхъ противъ перетолкованія лжеучителей часто прямо ссылались на то, что такого толкованія не было у предковъ, не могло быть, а потому оно ложно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вѣсу и значенія получало это начало, такъ что послѣдующіе толкователи ссылались на предшественниковъ своихъ, а со временемъ, какъ увидимъ, оно взяло почти исключительную силу. И оно дѣйствительно ограждало отъ неумѣстнаго произвола въ дѣлѣ толкованія,—и было противодѣйствіемъ крайностямъ; нужна была осторожность не встать въ противорѣчіе съ преданіемъ и строго взвѣшивать толкованіе извѣстныхъ мѣстъ или книгъ.

3) Со временемъ, когда все точнѣе и подробнѣе развивалась система догматовъ, когда всѣ частные пункты вѣроученія опредѣлялись и разъяснялись, постепенно получало все бо̀льшую и бо̀льшую силу въ экзегезѣ начало догматическаго преданія или обширнѣе—аналогія вѣры--regula fidei—твердость, философское единство идеи,—начало, которое въ соединеніи съ предшествующимъ еще болѣе ограждало отъ произвола въ дѣлѣ объясненія Писанія и давало экзегезу строго правильное направленіе. Фантастическое въ аллегоріи уступало мѣсто буквально-историческому и крайность историческаго должна была подчиниться аллегорическому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовала того буква исторіи, догма и аналогія вѣры. Это начало толкованія обозначали также выраже-

ніями—ἀληθεία τῦ Ἐυαγγελίυ, ἀληθεία τῆς πίςεως, κανῶν τῆς πίςεως, и др.

4) Новое начало—sensus communis Ecclesiae. Что̀ принимала вся Церковь или покрайней мѣрѣ большинство, то несомнѣнно истинно и вѣрно; чего большинство не принимало, то̀, если не ложно, во всякомъ случаѣ, подлежитъ изслѣдованію. Чтобы узнать это, нужно имѣть подъ руками и сличить творенія предстоятелей Церкви, ибо въ этомъ только случаѣ можно было рѣшить вопросъ такъ или иначе. Викентій Лиринскій (въ пол. 5 в.) писалъ, что при разнообразіи толкованій и извращеніи смысла (еретиками) нормою толкованія пророческихъ и апостольскихъ книгъ должно быть церковное и каѳолическое пониманіе,- т. е. sensus communis Ecclesiae,—а для этого, говоримъ, нужно имѣть подъ руками и сличить толкованія представителей Церкви.- Іеронимъ писалъ, что дѣло комментарія показать, ка̀къ понимали извѣстное мѣсто другіе, и—тогда читатель рѣшитъ самъ, какого мнѣнія слѣдуетъ держаться относительно того или другого мѣста и вопроса.

Подъ вліяніемъ этихъ основныхъ началъ, при выясненныхъ и опредѣленныхъ герменевтическихъ правилахъ, составлены лучшія толкованія на отдѣльныя мѣста книгъ и цѣлыя книги знаменитѣйшихъ догматиковъ 4 и 5 в. Аѳанасія, Василія Великаго, Григорія Богослова, Дидима Александр., Ефрема Сирина, Амвросія Миланскаго, Іеронима, Августина, Григорія Великаго, Исидора Пелусіота, и въ особенности знаменитые комментаріи Златоустаго и Ѳеодорита. Это былъ блестящій рядъ и періодъ великихъ экзегетовъ, которые по вѣрности Библейскому воззрѣнію, по заботливости о сохраненіи истиннаго преданія, по глубинѣ объясненія священныхъ книгъ и безпристрастію, составляютъ сокровищницу истинной экзегетики.—Не на всѣ мѣста и книги сохранились ихъ толкованія, но главное здѣсь—духъ и направленіе экзегеза, его истина.—Мы не имѣемъ нужды входить въ подробности о каждомъ изъ помянутыхъ экзегетовъ и ихъ комментаріяхъ, мы обозрѣваемъ только направленія, какія принималъ экзегезъ тогда, а для этого и сказаннаго пока довольно. Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, что и изъ послѣдователей указанныхъ выше одностороннихъ направленій далеко не всѣ были въ крайности Оригена или Ѳеодора, но были умѣреннѣе, а чрезъ это болѣе или менѣе близко подходили къ

направленію среднему, и потому комментаріи послѣдователей ихъ составляютъ также во многихъ отношеніяхъ истинную сокровищницу истиннаго толкованія. Позднѣйшимъ поколѣніямъ можно уже легко отличить крайность, а остальнымъ пользоваться съ величайшей пользой.

IV. а) Въ общемъ видѣ, несмотря на крайнія увлеченія нѣкоторыхъ частныхъ лицъ,—этотъ періодъ толкованія—отеческій, былъ блестящій періодъ экзегетики. Въ изумленіи остановился слѣдующій вѣкъ предъ этими громадными трудами, предъ этой мудростью предпринявшихъ эти труды и—изучая книги священнаго Писанія, обращался для пособія въ изученіи ихъ къ этой сокровищницѣ толкованія и—явленіе печальное—самостоятельное изученіе Библіи, дальнѣйшее продолженіе дѣла помянутыхъ экзегетовъ, подъ вліяніемъ духа времени—пріостановились. Настал ъ періодъ такъ называемыхъ *катенъ*,—собранія отеческихъ толкованій по порядку библейскихъ текстовъ частныхъ книгъ, и—извлеченій изъ отеческихъ твореній.—Благоговѣніе предъ великими экзегетами 3-го, особенно 4 и 5-го вв. заставляло по ихъ твореніямъ изучать Библію, неблагопріятныя обстоятельства Запад. и Вост. Римской Имперіи и внутреннія и особенно внѣшнія, опасности отъ грозныхъ варваровъ, разрушившихъ Западную Имперію и постоянно безпокоившихъ Восточную, и потомъ-отъ магометанъ, обагрившихъ кровью весь востокъ, эти неблагопріятныя обстоятельства, въ соединеніи съ упадкомъ духа разлагавшихся Имперій, имѣвшія огромное вліяніе и на внутреннее положеніе Церкви,—остановили самостоятельное и энергическое развитіе богословской науки вообще и въ частности экзегеза, и—вотъ, вмѣсто самостоятельныхъ трудовъ и дальнѣйшаго развитія экзегеза, появились отрывочныя собранія отеческихъ толкованій, извлеченія изъ нихъ и компиляціи по нимъ. Прекрасное это дѣло—изучать книги священнаго Писанія по твореніямъ великихъ толкователей отцевъ и—по нимъ составлять свои книги толкованій, но это—матеріалъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ трудовъ по этой части, для продолженія ихъ великаго дѣла; а этой самостоятельной дѣятельности не было тогда, и оттого экзегезъ постоянно получалъ какой-то мертвенный характеръ. Новаго не было ничего привнесено; былъ перечень, что такой-то такъ объяснялъ извѣстное мѣсто, такой-то такъ, а такой то такъ; или же брали какого-нибудь одного изъ знаменитыхъ толкователей и компилировали его.—Извѣстны труды по этой

части *Кассіодора* (въ пол. 6 в.), который составилъ катены на псалмы, потомъ Complexiones in Epistolas, acta et Apocalypsin, преимущественно изъ твореній Августина; *Примазія* Еп. Адруметскаго (550), который изъ твореній же Августина, съ присоединеніемъ и нѣкоторыхъ другихъ толкователей, даже еретика Пелагія, составилъ комментарій на посланія Павловы; *Андрея Кесарійскаго*, составившаго толкованіе на Апокалипсисъ (въ нач. 6 в.), *Прокопія Газскаго* (въ 7 в.)—комментарій на бо̀льшую часть Ветхаго Завѣта, изъ котораго впрочемъ дошли до насъ только книги царствъ и Паралипоменонъ; *Олимпіодора Александрійскаго* (7),—катены на Экклезіаста, Іова и Іеремію; *Исидора Севильскаго* (7 в.) аллегорическія толкованія священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, Quaestiones de Vet. et N. T. и мн. др. сочиненія его.—Изъ сочиненій Григорія Великаго собралъ explanationes in obscura loca utriusq. Test. *Патерій Еп. Брестскій* (7 в.) и монахъ *Алулфъ* (въ 8 в.) подъ заглавіемъ Gregoriale, sive expositio V. et N. T. Даже знаменитѣйшіе предстоятели и представители Церкви держались этого направленія, и составляли катены или компиляціи. Отъ *Іоанна Дамаскина* остались извлеченія изъ толкованій Златоустаго на посланія Павловы. Сюда же принадлежитъ ученый патріархъ *Фотій*, отъ котораго хотя не осталось какого-либо экзегетическаго труда, но который въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ о различныхъ библейскихъ предметахъ собралъ много мнѣній отцевъ и сдѣлалъ много извлеченій изъ нихъ;—*Беда Достопочтенный* (732), составившій комментарій на многія книги Ветхаго Завѣта изъ твореній отцевъ древнихъ и прибавившій къ тому nonnulla propria, гдѣ это нужно.—Единственное его нововведеніе—то, что онъ на поляхъ обозначалъ и источники, изъ которыхъ черпалъ свои комментаріи, чего у прежнихъ собирателей катенъ и компиляторовъ не было;—*Клавдій* Туринскій, *Седулій* Шотландскій, Лафранкъ, архіепископъ Кэнтербюрійскій и др. все того же направленія.

б) Карлъ Великій, собиравшій вокругъ себя ученостей и знаменитостей, думалъ положить зерно новой духовной жизни и возрастить многоплодовитое дерево науки, думалъ пробудить потребности научнаго изученія богословія и экзегетики; но онъ ошибся въ расчетахъ, онъ не нашелъ для этого ни средствъ, ни людей, время было не то; онъ хотѣлъ прославить тѣмъ и возвеличить свое время, но онъ имѣлъ ложное представленіе о томъ, что ему нужно и чего ему не достаетъ

въ этомъ отношеніи. Собравъ вокругъ себя и возвысивъ людей любившихъ науку и имѣвшихъ стремленія къ болѣе научнымъ изслѣдованіямъ, онъ *заставлялъ* другихъ подражать имъ; но указы и приказы не создаютъ и не возбуждаютъ духовныхъ и научныхъ потребностей тамъ и *тогда*, гдѣ и когда онѣ или не развиты, или упали и заглохли, когда и гдѣ на нихъ не обращаютъ серьезнаго вниманія, или когда водятся другими интересами, и зёрна, которыя посѣялъ Великій, не возрасли въ деревья, а которыя и возрасли, тѣ не были не только многоплодовиты, но даже и мало плодовиты. Онъ самъ занятъ былъ болѣе политическими интересами и дѣлами, а время его совпадало съ началомъ развитія неограниченнаго господства папизма и началомъ феодализма, которыя постепенно, мало по малу, но вѣрно губили всѣ живыя, свѣжія силы духа и—къ сожалѣнію—долго не вызывали никакой реакціи. Къ тому же, послѣ Карла, не было уже такихъ преемниковъ его, которые бы, какъ онъ, стояли выше своего вѣка, и болѣе ясно понимали подробности его Представителями главными того времени въ области экзегетики были: извѣстнѣйшій *Альуинъ* (*804*), написавшій комментаріи на многія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта,—magis Patrum sensibus utens et verbis, quam meae quidpiam praesumtioni committens, cavtissimo stylo providens, ne quid contrarium ss. Patrum sensibus ponerem, какъ выражается онъ самъ о характерѣ и направленіи своихъ экзегетическихъ трудовъ.— Этими словами характеризуется *все* направленіе того времени, которое хотѣли сдѣлать временемъ возрожденія науки и экзегетики, —и тѣхъ экзегетовъ, которые подвизались тогда и изъ которыхъ болѣе замѣчательны и извѣстны: *Павелъ Варнэридъ*, діаконъ Аквилейскій, *Гаймонъ* Галберштадскій, *Рабанъ Мавръ*, знаменитый архіепископъ Майнцкій, написавшій комментарій на весь Ветхій и Новый Завѣтъ, *Пасхазій Радбертъ*, *Енгельманнъ* и др.—(всѣ первой половины 9 вѣка).—Не изъ живыхъ потребностей времени и духа произошли всѣ эти труды, а изъ внѣшнихъ условій времени, приказовъ Императора и искуственныхъ возбужденій, а потому и прекратились они скоро на самомъ же западѣ. Обратились къ мелочной работѣ надъ такъ называемыми глоссами и глоссемами: безъ связи, безъ мысли большею частію, собирали замѣчанія о томъ или другомъ словѣ, о томъ или другомъ выраженіи и вписывали ихъ на поляхъ или между строками своихъ экземпляровъ Библіи, или помѣщали ихъ въ видѣ схолій на тѣ или другія

отдѣленія, схолій, которыя поражаютъ своею безсвязицей, противорѣчіями, безсмысліемъ; что кому нравилось, тотъ то и записывалъ безъ всякой критики. Направленія, разумѣется, при этомъ никакого не было,—явилось множество смысловъ—буквальный, нравственный, аллегорическій, аналогическій, тропологической и пр. и пр. Къ тому же еще живое знаніе латинскаго языка, бывшаго литературнымъ языкомъ на Западѣ, нáчало вымирать и много глоссъ относилось собственно къ языку и словамъ; и если посмотрѣть, что̀ это были за глоссы, какой ничтожный интересъ руководилъ ими: то подивиться можно, кàкъ такъ глубоко въ продолженіе не очень долгаго времени могли упасть всякіе болѣе высокіе научные интересы богословскіе даже въ духовномъ званіи.— Извѣстны съ этимъ направленіемъ сочиненія—*Вальфрида Страбона* (въ пол. 9 в.), *Анзельма* Ліонскаго (12 в.), *Петра Ломбарда*, Еп. Парижскаго (12 в.), и особенно *Гугона* Каронскаго (12 в.) и нѣкоторыя др.

в) Въ восточной Греческой Церкви также составлялись въ это время филологическія и грамматическія глоссы и глоссемы,—бóльшею частію извлеченія изъ древнихъ комментаріевъ, и вписывались на поляхъ экземпляровъ ихъ владѣтелей. Съ теченіемъ времени они составили особыя собранія, расположенныя по алфавиту, въ родѣ лексиконовъ; съ этою же цѣлію—составлять глоссы и глоссемы—изучали и свѣтскихъ писателей, и изъ нихъ выбирали что̀ относилось къ поясненію тѣхъ или другихъ словъ и изреченій, историческихъ, географическихъ, хронологическихъ. Подобными трудами пріобрѣли извѣстность здѣсь *Исихій* Александр., *Свида*, *Фаворинъ*, *Зонара*, *Георгій* Трапезундскій, *Мануилъ* Хризолерасъ и нѣкоторые другіе въ продолженіе 11, 12, 13 и 14 вв. Но любимымъ занятіемъ въ Греческихъ монастыряхъ, куда укрылись остатки науки въ это тяжелое время,—были катены и компиляціи по образу и подобію прежнихъ Кассіодоровскихъ и Прокопіевскихъ, съ тѣмъ только небольшимъ различіемъ, что здѣсь уже не было никакого притязанія на какую-либо самостоятельность; просто нисколько не перерабатывая, не парафразируя, не соединяя ничѣмъ, выписывали тираду за тирадой изъ того, другого, третьяго изъ древнихъ толкователей, сколько было ихъ подъ руками у того или другого собирателя катенъ. Таковыя собранія имѣютъ только то значеніе, что въ нихъ встрѣчаются цитаты изъ не-

извѣстныхъ нынѣ писаній древнихъ комментаторовъ,—и нѣкоторые еще тѣмъ, что сдѣланъ хорошій выборъ.—Но, конечно, это свидѣтельствовало о глубокомъ упадкѣ научныхъ стремленій къ самостоятельному изученію Библіи и дальнѣйшему развитію дѣла, начатаго и во многихъ, но не во всѣхъ отношеніяхъ исполненнаго древними великими комментаторами. Большая часть этихъ собирателей неизвѣстны по именамъ; можно указать только на *Никифора*, *Никиту* и *Виктора* Антіохійскихъ,—остальные неизвѣстны, хотя собранія ихъ подъ названіями: catenae Patrum, Ζεῖραι τῶν πατέρων, συλλογαί, συναγογαὶ τῶν ἐξηγήσεων, ἐπιτομαὶ ἑρμηνεῶν, сохранились и изданы трудолюбивыми западными учеными новыхъ временъ. Были здѣсь и болѣе самостоятельные опыты толкованій, но ихъ весьма мало, и притомъ они самостоятельны только относительно, сравнительно съ другими трудами того времени, а въ самомъ дѣлѣ не очень самостоятельны. Таковы экзегетическіе труды *Экуменія* (11 или 12 в.) на Дѣянія и посланія Павла, проникнутые подражаніемъ св. Златоусту съ буквальными выписками изъ него, *Θеофилакта*, еп. Болгарскаго (12 в.), толкованія на бо́льшую часть Н. Завѣта, которыя не что иное, какъ сокращеніе толкованій Златоустаго, сдѣланное впрочемъ очень разумно, и труды Константинопольскаго монаха *Евθимія Зигабена* на Евангелія, посланія и псалмы, составленные тоже лишь относительно самостоятельно,—почти исключительно сокращенія древнихъ комментаторовъ. Но это были уже послѣдніе экзегетическіе труды еще хоть съ малыми научными интересами въ Восточной Церкви. Наука, хотя въ самомъ жалкомъ видѣ, надолго переселилась отсюда на западъ и здѣсь пока прозябала до времени реформаціи.

г) Когда, такимъ образомъ, самостоятельный научный экзегезъ постепенно болѣе и болѣе замиралъ и замиралъ, когда изученіе Библіи теряло и почти потеряло самостоятельный характеръ, подъ вліяніемъ многоразличныхъ политическихъ обстоятельствъ государствъ и внутренняго и внѣшняго положенія христіанскихъ обществъ, при упадкѣ энергіи духа, экзегезъ могъ и долженъ былъ подчиниться всякой посторонней, внѣшней силѣ, которая была сильнѣе его и—онъ подчинялся. Являются и выработываются схоластика и мистика, —два великіе дѣятеля духовной жизни среднихъ вѣковъ, и—экзегезъ поступаетъ покорно въ услуженіе имъ,—они собираютъ съ него богатую дань для себя,—все, сколько онъ

могъ дать имъ. Схоластическіе пріемы, начала и правила, подъ вліяніемъ которыхъ и стояло богословіе, приложены были сполна къ Библіи, и—въ странномъ и поучительномъ—во многихъ отношеніяхъ- положеніи очутился экзегезъ. Ко всему, что относится къ исторіи и что должно было и понимать и трактовать какъ исторію, люди этого направленія были глухи и не имѣли вкуса.—Они служили исключительно формализму и логикѣ своей и обращались къ Библіи не за тѣмъ, чтобы изучать библейское воззрѣніе, библейскія истины, знать то, что́ даетъ она, но для оправданія своихъ отъинуду привнесенныхъ категорій и діалектическихъ тонкостей,—они не могли потому замѣтить и принять живаго духа Писанія. Сравняли Моисея и Христа и обоихъ силились во что бы то ни стало примирить съ Аристотелемъ,—идоломъ мысли тѣхъ вѣковъ. Подъ вліяніемъ этого примиренія Богъ-знаетъ откуда занесенныхъ категорій съ Библейскимъ воззрѣніемъ, въ экзегезѣ явилась игра въ отвлеченныя понятія, самыя по временамъ нелѣпыя. Повторилось, только въ другой формѣ соотвѣтственно другимъ условіямъ времени, то, что было во времена оны въ Александріи въ экзегетикѣ Филона; тамъ, кажется, разумнѣе велось дѣло, но въ сущности то же: вмѣсто того, чтобы вполнѣ раскрывать смыслъ Писанія, для уразумѣнія истинности его, къ нему приступили съ готовой, чуждой ему системой понятій и представленій, отвлеченныхъ категорій и мертвыхъ положеній, и старались примирить ихъ, или найти оправданіе истинности первыхъ въ Библіи. Перенесены были въ комментаріи всевозможныя діалектическія тонкости и догматическіе споры, а непосредственный прямой смыслъ Библіи оставленъ въ сторонѣ. Движеніе мысли было и сильное, и горячая энергія, но экзегезу истинному отъ этого мало было пользы; рѣдко, развѣ случайно, выяснялось то или другое понятіе библейское; но что же это за плодъ отъ многолиственнаго древа схоластики? Къ знаменитѣйшимъ, собственно такъ называемымъ схоластическимъ, экзегетамъ принадлежатъ: *Петръ Абелярдъ* (12 в.), *Іоаннъ Салльсбюрійскій* (12 в.), *Альбрехтъ В.*, еп. Регенсбургскій (13 в.), *Бонавентура* Миланскій (12 в.). При фантастической игрѣ въ отвлеченныя понятія и категоріи, необходимо находили въ буквѣ Библіи множество смысловъ. Сколько смысловъ въ Писаніи, по словамъ Бонавентуры, нельзя и исчерпать и опредѣлить;—кромѣ прежнихъ явились: иперволическій, си-

некдохическій, парадоксическій и пр. др.; кто сколько могъ придумать, тотъ столько и видѣлъ, и все это прикрывалось величіемъ фразы, въ родѣ слѣдующей, характеристической для тѣхъ временъ, фразы, которую изрекъ упомянутый Бонавентура, и которую мы сообщаемъ въ подлинникѣ, потому что въ переводѣ она потеряла бы весь свой букетъ: „Sacrae scripturae est inattingibilis altitudo prôpter' avctoritatem inviolabilem, inexhavsibilis plenitudo propter profunditatem imperscrutabilem, infallibilis certitudo propter processum irrefellibilem, impretiabilis valetudo propter fructum inestimabilem, incontaminabilis pulchritudo propter puritatem impermixtibilem et caet. et caet.—слова, слова и слова,—для того, чтобы дать видъ основательности самымъ произвольнымъ и натянутымъ толкованіямъ различныхъ смысловъ Писанія.

д) Въ этомъ пунктѣ многосмысленности Библіи при экзегезѣ встрѣтилась и слилась съ схоластикою другая главная сила средневѣковая—мистика и, во всемъ противоположная первой, подала ей братскую дружескую руку при этомъ случаѣ. Для мистики многосмысліе Писанія такъ же необходимо, какъ воздухъ для человѣка, вода—для рыбы. Но надобно сказать, что мистики не злоупотребляли такъ Писаніемъ, какъ схоластики. У нихъ была по крайней мѣрѣ сердечная теплота, даже задушевность, хотя выродившаяся изъ мечтательности, и это спасало ихъ отъ множества нелѣпостей схоластическихъ. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: *Бернардъ* Клервонскій, *Ричардъ* Викторъ, *Радульфъ* (12 в. всѣ) и особенно *Іоакимъ* Калабрійскій (13 в.) и др. Это мистическое направленіе даже не осталось безъ добрыхъ плодовъ. У мистиковъ преобладалъ такъ называемый нравственный элементъ или смыслъ Писанія; это имѣло приложеніе къ нравственной сторонѣ жизни, къ очищенію сердца и совѣсти, къ укрѣпленію воли, хотя часто оставалось просто созерцаніемъ. Они и избирали такія мѣста въ особенности, которыя преимущественно служили къ возбужденію созерцательнаго настроенія. Ветхій Завѣтъ, разумѣется, пользовался здѣсь преимуществомъ, такъ какъ здѣсь болѣе предметовъ, могущихъ воспламенить фантазію. Но изъ всего Ветхаго Завѣта ни одна книга не пользовалась такимъ уваженіемъ у нихъ, какъ глубоко таинственная книга Пѣснь Пѣсней, и на нее написано болѣе комментаріевъ, чѣмъ на всякую другую книгу. Изъ Новозавѣтныхъ книгъ особенно любили комментировать Апокалип-

сисъ.—Не смотря на всѣ недостатки, въ этомъ мистическомъ толкованіи высказались лучшія и послѣднія мысли среднихъ вѣковъ о Библіи.—Конечно, существо Библіи, исторія и связь Божественныхъ откровеній, законъ и Евангеліе, при кажущейся глубинѣ, не глубоко понимались,—особенно жаль, что не обращались почти въ этихъ трудахъ къ трудамъ великихъ экзегетовъ древности, и—Моисейское покрывало плотно лежало на ихъ глазахъ при чтеніи не только Ветхаго Завѣта, а и Новаго; но они жили по крайней мѣрѣ въ радостной увѣренности въ неисчерпаемомъ богатствѣ Откровеній и находили назиданіе и нравственную пищу своей душѣ; нравственный элементъ былъ здѣсь сильно развитъ, и если восторженность и экзальтація лишали эту нравственность спокойствія и важности и увлекали въ фантастическій міръ, то все же однако былъ здѣсь нравственный мотивъ, а не холодныя категоріи и игра діалектики.

е) Оканчивая обозрѣніе экзегеза въ средніе вѣка, въ его главныхъ направленіяхъ и проявленіяхъ, мы не можемъ не остановиться и не сказать нѣсколько словъ объ одномъ замѣчательномъ явленіи въ этой области внѣ христіанства, именно о пробужденіи экзегеза Ветхозавѣтной Библіи у Іудеевъ къ концу среднихъ вѣковъ.—Труды ученыхъ Евреевъ, послѣ періода талмудистовъ, направлены были исключительно на текстъ Ветхозавѣтныхъ свящ. книгъ (Мазареты). Съ окончаніемъ работъ по той части, у нихъ пробудилась вновь потребность обстоятельнаго и правильнаго экзегеза, и вышли такіе труды по этой части, которые обращали на себя вниманіе даже ученыхъ временъ такъ называемаго возрожденія, да и доселѣ небезполезны, даже положительно важны во многихъ отношеніяхъ.—Имѣли ли въ виду эти ученые, энергическіе Іудеи—воспользоваться печальнымъ положеніемъ христіанскаго экзегеза для цѣлей своей религіи, чтобы выставить ее въ особенно благопріятномъ свѣтѣ, какъ полагаютъ многіе и какъ объ этомъ можно заключать изъ жаркой и живой полемики многихъ изъ нихъ съ христіанскими экзегетами того времени,—имѣли ли они это въ виду, или нѣтъ,—какъ бы то ни было, только съ половины 12 в. въ Испаніи сначала, а потомъ и въ сосѣднихъ странахъ, ученые раввины обратились къ трудамъ толкованія своихъ священныхъ книгъ, и много сдѣлали для экзегеза.—Совершенное знаніе языка, на которомъ написаны были Ветхозавѣтныя свящ. книги, основательное грамматическое и лексическое образованіе, отчет-

ливое пониманіе своей исторіи и жизни своего народа,—вотъ средства, съ которыми они принялись за это дѣло, средства такія, которыми едва ли кто изъ тогдашнихъ христіанскихъ экзегетовъ обладалъ не говоримъ вполнѣ, но даже отчасти. Схоластика ихъ не обуяла, отъ аллегоріи и мистики спасали, ихъ хоть не всегда, помянутыя средства, съ которыми они взялись за дѣло. Поименуемъ только замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ, такъ какъ они не остались безъ вліянія на пробужденіе со временемъ и христіанскаго экзегеза. *Абенъ-Езра* Толедскій (въ пол. 12 в.); онъ противопоставилъ толкованіе Ветхаго Завѣта методомъ историко-филологическимъ и грамматическимъ отвлеченному схоластическому направленію, которымъ скорѣе уничтожался, чѣмъ развивался экзегезъ; но съ другой стороны онъ противопоставилъ этотъ методъ и толкованію, основанному на преданіи,—на толкованіяхъ древнихъ по катенамъ и сирамъ и т. под. вещамъ. Комментарій Абенъ-Езры вообще самостоятельный ученый трудъ, который въ грамматическомъ отношеніи доселѣ имѣетъ свою цѣну. *Саломонъ Исаакъ Ярхи* (12 в.) составилъ толкованіе на весь Ветхій Завѣтъ съ тѣмъ же направленіемъ и тѣмъ же методомъ; отличается только тѣмъ, что вступаетъ въ жаркую полемику съ христіанскими толкователями и христіанствомъ самимъ. Это у Іудеевъ доселѣ любимый экзегетъ, котораго они ставятъ очень высоко. Кромѣ нихъ, знаменитости *Давидъ Кимхи* (к. 12 в), составившій комментарій на пророковъ и агіографы, *Исаакъ Абарбанель* Лиссабонскій, *Маймонидъ*, *Тайхумъ* и др.—13 и 14 в. съ тѣмъ же направленіемъ—историко-филологическимъ.

Вотъ что оставилъ потомству періодъ послѣ—отеческій или періодъ среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ экзегетикѣ, т. е. не оставилъ почти ничего самостоятельнаго и жизненнаго. Съ одной стороны, въ продолженіе всего этого длиннаго періода, мертвые экзегетическіе труды катенъ и компиляцій, глоссъ и глоссемъ и т. под., съ другой стороны, подчиненіе экзегеза отвлеченнымъ и отъинуду привнесеннымъ правиламъ схоластики и фантастическимъ грезамъ мистики.

V. Но вотъ настало время, когда новыя политическія и церковныя потребности измѣнили общественную и духовную жизнь въ Запад. Европѣ,—новый духъ повѣялъ тамъ, новое время настало. Мы говоримъ о Реформаціи, которая составила новую эпоху въ исторіи Запад. Церкви и дала новое направленіе духовнымъ силамъ нѣкоторыхъ народовъ, возбу-

дила къ жизни и дала новое направленіе и экзегезу, какое,— это увидимъ. Не вдругъ и не внезапно произошла эта перемѣна, имѣвшая такое роковое значеніе для Европы; долго пробуждались отъ этого тяжелаго сна, и нигдѣ можетъ быть такъ долго, какъ въ той области, которую мы обозрѣваемъ.

а) Еще нѣсколько прежде великаго переворота въ Запад. Церкви образованные, лучшіе люди, занимавшіеся изученіемъ Библіи, чувствовали и болѣе или менѣе ясно сознавали, что имъ душно въ этой атмосферѣ катенъ, компиляцій, глоссъ и глоссемъ, схоластики и мистики, и искали выхода изъ этого положенія. Ихъ природный критическій тактъ угадалъ, что возможно вѣрный и единственный выходъ изъ этой душной атмосферы — исторія и филологія, возвращеніе имъ ихъ правъ, попранныхъ схоластикой и мистикой и забытыхъ мертвыми катенами и компиляціями. Дѣло доброе: исторія и филологія— основоположеніе знанія въ этомъ дѣлѣ; обращеніе къ буквальному историческому смыслу Библіи, признаніе его истинности и значенія—твердая основа и опора для научнаго изслѣдованія ея, ограждающая отъ произвола въ дѣлѣ ея изученія. Первые слѣды этого поворота въ толкованіи Библіи къ новому или лучше сказать къ старому, но забытому, началу— исторіи и филологіи замѣтны въ важномъ, но почти не замѣченномъ въ свое время, экзегетическомъ сочиненіи *Николая Лиры*, францисканскаго монаха въ Нормандіи (въ к. 14 в.): Catellae perpetuae, sive commentaria brevia in universam bibliam. На него, кажется, имѣли большое вліяніе экзегетическіе труды помянутыхъ раввиновъ (почему, между прочимъ, и считали его (ложно) обращеннымъ изъ Іудеевъ), и онъ рѣшительно основался на грамматически-буквальномъ смыслѣ библейскихъ книгъ, причемъ допускалъ только типику и пророчества.—Это было возстановленіе, хотя не полное, начала древнихъ великихъ экзегетовъ, и оно обѣщало много въ будущемъ; только подчиненіе типическаго и пророчественнаго смысла находчивости представителей тогдашней Церкви Западной и ихъ авторитету было, можетъ быть, не совсѣмъ хорошимъ признакомъ, когда представители тогдашней и тамошней Церкви были или схоластики или мистики, страстно привязанные къ теоріи о многихъ смыслахъ Писанія. Впрочемъ, и эта опасность, мнимая или дѣйствительная, устранена была нѣсколько въ экзегетическихъ трудахъ знаменитаго тогда человѣка, канцлера Парижскаго университета, *Карла Жерсона* (п. 15 в.), который, основавшись на буквальномъ, исто-

рическомъ смыслѣ Библіи и допуская типологію и пророчества, освободилъ ихъ изъ подъ опеки и авторитета тогдашней Церкви, и основывался въ признаніи и развитіи ихъ только на Писаніи самомъ и на началахъ здраваго смысла. Къ этому же направленію принадлежали *Альфонсъ Тостатъ*, Еписк. Авильскій (пол. 15 в.), и *Діонисій Риккель*—Doctor Exstatiens (посл. пол. 15 в.).—Слѣды подобнаго же направленія видны въ извѣстномъ *Іоаннѣ Гуссѣ*.—Здѣсь должно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое хотя не прямо, но много и сильно содѣйствовало такому обороту въ дѣлѣ изученія Библіи. Это—съ половины 15 в. все болѣе и болѣе распространявшееся и развивавшееся, въ особенности въ Италіи и прирейнскихъ странахъ, знаніе греческаго языка и изученіе классиковъ вообще. Это дало возможность теологамъ и экзегетамъ замѣнить латинскій текстъ Новаго Завѣта единственный, бывшій въ употребленіи, подлиннымъ, а главное—образовало и развило въ нихъ вкусъ, дало возникавшему историко-филологическому направленію новую пищу, и пробудило въ нихъ сознаніе и заставило размыслить объ истинныхъ началахъ правильнаго объясненія Писанія, отъискивать не то, что писатель той или другой книги *хотѣлъ* сказать тѣмъ или другимъ выраженіемъ, и что̀ *можетъ* значить то или другое выраженіе, а стараться узнать отчетливѣе только то, что̀ писатель говоритъ и что̀ именно значитъ и должно значить то или другое выраженіе. Съ такимъ направленіемъ явились труды *Лаврентія Валлы* (15 в.), *Ѳомы де Віо*, Кардинала и Епископа Гаэтскаго, извѣстнаго болѣе подъ именемъ *Кайетана* (16 в. нач.), но особенно многочисленные сочиненія и переводы Библейскихъ книгъ извѣстнаго *Эразма Роттердамскаго* (въ н. пол. 16 в.), каковы: новый Латинскій переводъ Новаго Завѣта, напечатанный безчисленное множество разъ, съ учеными примѣчаніями и апологіей contra morosos ac indoctos, въ родѣ манифеста самостоятельной науки о ея достоинствѣ; его парафразы Библіи, которые, для всѣхъ изучающихъ связь идей въ священныхъ Писаніяхъ, остаются, говорятъ, сокровищемъ доселѣ, и мн. др. сочиненія.—Въ то же время дѣйствовали на этомъ поприщѣ не менѣе знаменитый *Рейхлинъ* и *Гуттенъ*. Такъ еще до реформаціи и почти независимо отъ ея интересовъ передовыми мыслящими людьми сдѣлано было довольно для оживленія экзегеза. Но инціативу кореннаго преобразованія и измѣненія не могли держать въ рукахъ тѣ люди, которые въ *литературномъ* обра-

зованіи видѣли единственный способъ возбужденія духовной жизни,—когда нужно было сломить жизненныя оковы, непозволявшія и проснувшемуся духу встать: у нихъ недостало духу и смѣлости на бóльшее, и они дошли лишь до сознанія, что только вкусъ и научность не сдѣлаютъ міръ лучше. Дѣло кореннаго преобразованія и удовлетворенія пробудившимся уже потребностямъ духа принадлежитъ тѣмъ людямъ, современникамъ ихъ, которые извѣстны подъ именемъ *Реформаторовъ*, съ ихъ основнымъ положеніемъ, что „только Библія есть единственный непогрѣшимый источникъ истинной вѣры и вѣдѣнія". Экзегезъ здѣсь долженъ былъ, по самому этому основному положенію, оживиться и получить другое направленіе.

б) Основное начало реформаторовъ, что Библія есть единственный непогрѣшимый источникъ вѣроученія, и сама по себѣ, безъ посредства преданія, вполнѣ достаточна для вѣры, имѣло огромное вліяніе на характеръ и направленіе экзегеза. Естественно, что изученіе Библіи обратило на себя особенное, исключительное вниманіе людей этого направленія, и изученіе—безъ посредства всякаго авторитета, кромѣ самой Библіи, слѣдовательно, повидимому, совершенно самостоятельный характеръ должно было получить оно,—но это впрочемъ только повидимому. Во первыхъ, быстро развившіеся догматическіе и церковно-практическіе споры между реформаторами и католиками имѣли сильное вліяніе на экзегезъ и подчиняли его по большей части себѣ, т. е. въ основаніи экзегеза реформаторовъ полагалась также цѣлая система вѣрованій, воззрѣній и убѣжденій, несогласныхъ въ извѣстныхъ пунктахъ съ вѣрованіями, воззрѣніями и убѣжденіями господствующей Церкви, и въ истолкованіи Библіи старались отыскивать оправданіе этой системы.—Не такъ еще замѣтно было это подчиненіе экзегеза догматикѣ и системѣ у первыхъ реформаторовъ; но мы увидимъ—къ чему это повело со временемъ. Во вторыхъ, какъ ни силились они освободиться отъ преданія развитіемъ мысли о достаточности (sufficientia) одного Писанія для вѣры и богословской науки, о ясности его въ самомъ себѣ (perspicuitas) и богодухновенности даже самой буквы Писанія, исключающей нужду въ небогодухновенномъ преданіи, но это былъ самообманъ; совсѣмъ оторваться отъ преданія, опустить изъ вниманія, вычеркнуть изъ памяти и исторіи труды цѣлыхъ 15 вѣковъ, было невозможно, и—по теоретическимъ началамъ и по истори-

ческимъ; совершенной свободы, о которой мечтали въ своемъ воодушевленіи эти люди, быть не могло; вышла другая странность: изъ преданія выбирали только то, что нужно было для утвержденія и развитія ихъ системы воззрѣній, и—встали подъ вліяніе неполнаго, односторонняго и искаженнаго преданія; произвольная система отрывочныхъ преданій, взятыхъ для развитія системы особенныхъ воззрѣній, легла также въ основаніе реформаторскаго экзегеза; свобода выродилась въ произволъ. Въ послѣдствіи это начало повело къ весьма несвободнымъ и нераціональнымъ изслѣдованіямъ. *Наконецъ*, съ освобожденіемъ изъясненія Писанія отъ авторитета преданія необходимо было дать огромное значеніе личности экзегета: ибо на авторитетѣ этой личности опиралась вѣра въ вѣрность толкованія; толкователь долженъ былъ стоять выше обыкновенныхъ смертныхъ; ему нужно было особенное содѣйствіе Благодати для правильнаго толкованія вдохновенныхъ Писаній, и представителямъ этого направленія приписано именно это содѣйствіе. Вѣрное само въ себѣ начало, что благочестивые правильно толкуютъ Писаніе, въ приложеніи повело опять къ произволу: въ жаркомъ спорѣ за свое дѣло, которое считаетъ правымъ, и въ экзальтаціи, каждый можетъ приписывать себѣ особенное содѣйствіе Божества, особую благодать для объясненія, какъ бы онъ ни объяснялъ. Давалось широкое мѣсто личному, субъективному произволу, и онъ дошелъ со временемъ, какъ увидимъ, до нелѣпостей: желаніе освободиться отъ истиннаго авторитета довело до рабства авторитетамъ ложнымъ. Вотъ три важнѣйшихъ недостатка того начала, которое легло въ основаніе экзегеза реформаторовъ, и—можно уже было по нимъ предсказать, къ чему поведутъ они экзегезъ. Вначалѣ, когда они не ясно еще были сознаны и поняты, не обнаружились еще крайности ихъ приложенія; но послѣдующее время выказало наружу эти крайности. Особенно важныя послѣдствія имѣлъ одинъ недостатокъ—свобода отъ авторитета въ дѣлѣ объясненія, недостатокъ, развившійся до совершеннаго произвола, подъ разными вліяніями.

Но не смотря на шаткость и неудовлетворительность этого реформаторскаго начала, при тѣхъ недостаткахъ, послѣдствія которыхъ оказались особенно потомъ, направленіе экзегеза реформаторовъ имѣло много добрыхъ, благотворныхъ для послѣдующаго развитія сторонъ. Прежде всего—а) строгое историко-филологическое и грамматическое направленіе въ

толкованіи. Дѣло предшественниковъ реформаціи, о которомъ мы упоминали, продолжалось по возможности строго вездѣ, гдѣ не мѣшали этому догматическіе и прочіе споры, гдѣ менѣе было полемики. Это налагало тяжелую цѣпь на неумѣренный аллегоризмъ, странную игру въ образы, лица и событія,—это главное; потомъ, б) оно вообще было сильнѣйшимъ противодѣйствіемъ тому направленію, которое находило множество смысловъ въ Писаніи. Все это мало по малу отстранялось и выходило изъ моды; на схоластическіе и мистическіе методы толкованія наложены были пока благодѣтельныя оковы. И за это не могутъ быть непризнательны реформаторамъ друзья здраваго экзегеза, особенно если взять во вниманіе, съ какими незначительными средствами взялись за это тогдашніе реформаторы. Грамматически-буквальный, историческій смыслъ былъ у нихъ, какъ въ періодъ знаменитѣйшихъ экзегетовъ отцевъ, на первомъ планѣ. Но этимъ не исключался у нихъ, какъ и въ періодъ отцевъ, другой смыслъ—таинственный тамъ, гдѣ на него указывалъ самый буквальный смыслъ и исторія. Grammatica non debet regere res, sed servire rebus, сказалъ въ этомъ отношеніи Лютеръ.— Потому пророческій и типическій смыслы они признавали вездѣ, гдѣ указывало ихъ или Писаніе Новозавѣтное, или буква Писанія Ветхозавѣтнаго въ снесеніи съ исторіей и— аналогія вѣры христіанской вообще; отсѣкали только произволъ и натяжки, чьи бы они ни были.—Далѣе, в) обращаетъ на себя вниманіе способъ изслѣдованій Библіи у реформаторовъ (первыхъ). Казалось, при грамматическомъ и филологическомъ методѣ удобно можно было впасть въ мелочность и игру въ частныя понятія, въ ущербъ общности системы и суммы всего вѣроученія. Но вѣрный тактъ во многомъ предохранилъ ихъ отъ этого: отношеніе частныхъ мѣстъ къ общему библейскому міросозерцанію, или къ цѣлой области вѣроученія, положено было у нихъ въ основаніе изслѣдованій библейскихъ.—Это было благодѣтельнымъ противодѣйствіемъ мелочной и забавной повременамъ игрѣ схоластики въ отвлеченныя понятія и категоріи, когда, забывая общее, погружались въ бездну мелочности, изъискиванія отношеній между такими понятіями и представленіями, которыя ни какъ не могли быть сопоставлены между собою, и изъ сопостановленія которыхъ выраждались новыя комбинаціи понятій, не менѣе странныя и забавныя и т. д. и т. д.; пока гордіевъ узелъ не разрѣзывался вдругъ ножемъ, какой—нибудь

нечаянной выходкой, или самой почтенной и старой комбинацiей, которая будто бы давала ключъ ко всѣмъ предшествовавшимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не давала.—Возведенiе здравое частныхъ изреченiй къ общности мiросозерцанiя и взаимное разъясненiе ихъ, было, говоримъ, противодѣйствiемъ этой игрѣ и очищало экзегезъ отъ всякой чуждой коры, наростовъ и прививокъ; здѣсь всему давалось свое значенiе;—оттого стройность и отчетливость цѣлой системы толкованiя и отвлеченныхъ герменевтическихъ началъ. Наконецъ, г) нельзя не замѣтить здѣсь и не поставить въ заслугу экзегезу реформаторовъ того, что всѣ ихъ толкованiя были составляемы популярно, на языкѣ народномъ и, при ихъ талантѣ популяризировать, это имъ весьма удавалось. Они, первые реформаторы, не въ примѣръ своимъ преемникамъ, не хотѣли признавать различiя между Церковiю и школой, между каѳедрой проповѣднической—церковной и каѳедрой профессорской; тамъ и здѣсь они видѣли одинаковыя потребности, тамъ и здѣсь и старались одинаково удовлетворять этимъ потребностямъ.—Благодѣтельныя слѣдствiя этого понятны, и—жаль, что это съ теченiемъ времени не удержалось и послѣдовало такое рѣзкое отдѣленiе Церкви отъ школы, какое и доселѣ видимъ мы въ протестантскомъ Западѣ,—да и не только тамъ впрочемъ.—Замѣчательнѣйшими представителями этого новаго направленiя съ упомянутыми его достоинствами и недостатками, были: *Лютеръ* († 1546), который очень много потрудился и для перевода и для комментарiя Библiи. По формѣ впрочемъ его экзегитическiя сочиненiя—не собственно строго комментарiи; въ нихъ очень преобладаютъ догматико-практическiе интересы, и - вообще Лютеръ не по формѣ, но по духу и направленiю реформаторъ и библейскаго экзегеза;—*Меланхтонъ* (1560), котораго многочисленные комментарiи также показываютъ преобладанiе догматическихъ интересовъ, что весьма понятно въ трудахъ этихъ первыхъ образователей новой формы вѣроисповѣданiя; ихъ приверженцы и послѣдователи—Bugenhagen, Iustus Ionas (того же в.), нѣсколько послѣ *Бренцъ*, написавшiй толкованiя въ этомъ направленiи почти на всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и особенно *Мѳ. Флякцiй*,—теоретикъ и представитель герменевтическихъ началъ реформацiи (1575), и горячiй полемикъ противъ тогдашняго схоластическаго и мистическаго экзегеза въ католической церкви.

в) Почти по одинаковымъ, какъ Лютеръ съ братіею, мотивамъ и направленію, противъ злоупотребленій Римской Церкви и въ практикѣ и въ наукѣ—дѣйствовали одновременно съ Лютеромъ, хотя и независимо отъ него, два другія реформатора съ своими приверженцами, это—*Цвингли* (1561) и *Кальвинъ* (1564). Ихъ взгляды и сужденія о Библіи были сходны съ Лютеранскими, а потому и экзегезъ имѣлъ почти тотъ же характеръ и направленіе у нихъ, какъ и у тѣхъ,—съ тѣми же недостатками, относительнымъ достоинствомъ и вліяніемъ. Различие только то, что здѣсь менѣе подчиненъ былъ экзегезъ догматической системѣ, чѣмъ у Лютеранъ,—въ особенности въ отношеніи къ таинственному смыслу, типологіи и пророчествамъ Ветхаго Завѣта; здѣсь преобладалъ чисто историческій штандпунктъ, со всѣми крайностями буквализма, такъ что ихъ экзегезъ прозванъ былъ іудейскимъ (какъ экзегезъ Ѳеодора Мопсуетскаго). Представителями этого направленія были сами реформаторы: *Цвингли* написавшій комментарій на многія книги Ветхаго и Новаго Завѣта, *Эколампадій* Базельскій, *Пелликанъ* (въ пол. 16 в.) и другіе послѣдователи его; *Кальвинъ*, написавшій комментаріи на весь Новый Завѣтъ, кромѣ Апокалипсиса, котораго онъ не любилъ за аллегорію, и—на многія книги Ветхаго Завѣта. Въ немъ особенно выразилось это буквалистически—Іудейское направленіе; его и называли Calvinus Judáizans; *Буллингеръ*, *Вольфгангъ Мускулъ*, *Шастильонъ* и др. его послѣдователи. Судьбы направленія ихъ экзегеза, по самой одинаковости основныхъ положеній съ лютеранскими, были одинаковы съ экзегезомъ лютеранъ.

г) Потрясающее впечатлѣніе произвела реформація на міръ католическій, когда, послѣ глупыхъ недоразумѣній, увидѣли наконецъ, что Лютеръ не шарлатанъ и не матеріалистъ, и поняли, въ чемъ дѣло, и—глубоко призадумался Католицизмъ надъ своимъ положеніемъ. Это отразилось и на богословской наукѣ вообще и въ частности на экзегезѣ. Проходила пора схоластико-діалектическихъ тонкостей и мистическихъ грезъ, ни сколько почти не относившихся къ экзегезу, и насильно вдвинутыхъ въ него. Сила обстоятельствъ отрезвила *нѣсколько* и схоластическихъ и мистическихъ толкователей Писанія. Теорія о неисчерпаемой многосмысленности текста библейскаго значительно видоизмѣнилась, остались только три: буквально-историческій, нравственный и типологическій, и въ раскрытіи ихъ стали руководствоваться болѣе трезвыми на-

чалами, началами исторіи и филологіи, а не мечтательными, кабинетно-апріорическими началами, доведшими до нелѣпостей схоластики и странностей мистики. Болѣе искренно и чистосердечно, и съ меньшимъ количествомъ предразсудковъ и предзанятыхъ идей обратились католики къ древнимъ великимъ экзегетамъ – Отеческаго періода, и по нимъ начали изучать Библію. Въ добрый часъ, можно было бы сказать имъ, но часъ не совсѣмъ былъ добрый, и направленіе это не утвердилось пока, такъ что первые представители этого направленія не оставили, по обстоятельствамъ времени, значительныхъ экзегетическихъ твореній, на которыя съ любовію могло бы посмотрѣть потомство; это было переходное состояніе. Тридентскій соборъ болѣе созналь, выразилъ и формулировалъ потребности Церкви вообще и экзегеза въ частности; хотя и не предохранилъ онъ отъ всѣхъ односторонностей, но поставилъ въ болѣе чистомъ видѣ теорію экзегеза: Sinodus decernit, ut nemo suae prudentiae innixus in rebus fidei et morum, Sacr. Scripturam ad suos sensus contorquens, contra eum sensum, quem tenuit et tenet sancta mater Ecclesia, cujus est judicare de vero sensu et interpretatione S. Scriprtrae, aut enim contra unanimum consensum. Patrum, ipsam S. Scripturam interpretari avdeat (Cons. Trident. Sess. v.), такъ гласитъ одно правило собора,—правило весьма благотворное для развитія экзегеза, если бы оно было поопредѣленнѣе и ограничивало нѣсколько понятіе Церкви. Въ этомъ новомъ духѣ и направленіи католическаго экзегеза подвизались надъ толкованіемъ Библіи, тогда и нѣсколько послѣ, лучшіе богословы—экзегеты Западной Церкви, которые имѣютъ и теперь еще важное значеніе. Правда, нельзя было скоро отрѣшиться отъ оковъ схоластики, и у многихъ замѣтна сильная наклонность къ многосмыслію текста и діалектическимъ тонкостямъ, привнесеннымъ отъинуду; но важно уже и то, что многосмысліе здѣсь—не какъ существо, но какъ нравственное примѣненіе трактуется. Мы поименуемъ здѣсь извѣстнѣйшихъ представителей этого направленія. Это—въ теоретическомъ отношеніи—*Беллярминъ* Кардиналъ и іезуитъ (1621), *Мартинау*—Бенедиктинецъ, Августинъ *Кальметъ* Бенедиктинецъ—аббатъ Зелонскій, *Гербертъ*—Бенедиктинецъ (всѣ нач. 17 в.). Экзегеты и комментаторы собственно, большею частію, были іезуиты. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—*Еммануилъ Са* (1596), составившій комментарій на все Писаніе; испанецъ Іоаннъ *Мальдонатъ* (1583),—комментарій на

большую часть Писанія, поражающій ученостью и начитанностію; *Салмеронъ* (1597).—комментарій на весь Новый Завѣтъ; *Маріанна* и *Мендоза* (пол. 17 в.), — комментарій на весь Ветхій и Новый Завѣты; *Естій* (1613), — комментарій на посланія Павловы, отличающійся тѣмъ, что стоитъ на чисто-историческомъ штандпунктѣ, кромѣ мѣстъ, требующихъ другого объясненія; Іоаннъ *Тиринъ*, составившій комментаріи на всю Библію (1636); *Корнелій фонъ-Штейнъ* (a Lapide) (1637), составившій обширный комментарій на всю Библію, кромѣ Іоанна и Псалмовъ,— особенно любитъ многосмысліе; *Менохіусъ* (1655): Brevis expositio sensus litteralis totius Scripturae, ex optimis auctoribus collecta; *Гардуинъ* Іезуитъ,— комментарій на Новый Завѣтъ, особено выше-поименованный Донъ-*Кальметъ*, составившій огромный Commentarius litteralis Biblium, съ прибавленіемъ различныхъ разсужденій о различныхъ предметахъ, относящихся до Библіи. Этими громадными и трезвыми трудами опредѣлилась и въ нихъ развилась очень полно система католическаго экзегеза этого новаго времени. Въ немъ замѣтенъ сильный поворотъ къ духу и характеру древняго экзегеза, и теперь-то можно было сказать ему: въ добрый часъ! Только странность полемики и схоластика здѣсь оставили еще не совсѣмъ хорошіе слѣды; но первая была необходима въ тѣ времена страстной борьбы съ новымъ вѣроученіемъ, а вторая — наслѣдіе исторіи, отъ котораго не смогли освободиться даже даровитѣйшіе и трудолюбивѣйшіе дѣятели этого направленія. Вообще, католики и протестанты, съ теченіемъ времени во многомъ сошлись было во взглядахъ на экзегезъ, но ихъ раздѣляла непроходимая бездна въ догматическихъ и особенно церковно-практическихъ вопросахъ, и примиреніе между ними было невозможно. Католики, соединясь въ тѣсный строй и строго, по возможности, организовавъ свою систему, очистивъ ее по возможности отъ дичи схоластической и возвратившись, хотя далеко не вполнѣ, къ экзегезу Отцовъ, сильно ратовали противъ протестантовъ, гдѣ только было возможно.

д) А между тѣмъ, какъ такъ усердно работали энергическіе католики и особенно іезуиты на поприщѣ экзегетики,— что происходило съ экзегезомъ протестантовъ? Довольно мрачную картину представляетъ онъ въ продолженіи цѣлаго слишкомъ столѣтія послѣ первыхъ реформаторовъ и ихъ первыхъ послѣдователей,—такую мрачную, какой нельзя было и ожидать, судя по началу этого всего дѣла. Удовлетворен-

ные ли завоеваніемъ себѣ политической независимости, упоенные ли своими побѣдами надъ дряхлымъ, какъ они выражались, католицизмомъ, утомленные ли полемикой, или просто, наконецъ, подвергшіеся нѣкотораго рода апатіи, какая иногда бываетъ вслѣдъ за усиленной и напряженной реакціей,—только послѣдователи первыхъ реформаторовъ, по какому-то непостижимому ослѣпленію, сочли свое дѣло оконченнымъ, между тѣмъ какъ оно только—что было начато, и этимъ показали, что они не понимаютъ вполнѣ своего дѣла. На переворотъ въ области духа, произведенный во имя и подъ знаменемъ свободы, они вздумали наложить цѣпи формулъ, и—тѣмъ показали, что они не вполнѣ разумѣли и силу и смыслъ произведенаго переворота, и не представляли ясно его послѣдней цѣли. Достигнутые результаты въ дѣлѣ вѣроученія они начали теперь оправдывать при помощи утонченной діалектики и всевозможными тонкостями. Все было тонко, учено, пожалуй—умно, съ точки зрѣнія діалектики, но холодно, безъ внутренней жизненной теплоты,—школа мало по малу отчуждалась отъ жизни, Библія отъ народа, каѳедра проповѣдническая—церковная отъ каѳедры профессорской, потеряли лучшее, что завоевала-было реформація. Библейскій экзегезъ въ частности упалъ, погрузился опять въ схоластическія тонкости, отвлеченности, низшелъ до простаго выбора догматическихъ мѣстъ для полемики; составляли изъ нихъ сухіе ряды по счету, достоинству и значенію, и изъ-за нихъ начинали полемику, самую мелочную и задорную, произвольно извращая большею частію ихъ смыслъ. Ссылка въ этомъ случаѣ на озареніе духовное, на внутреннее свидѣтельство Духа, какъ обезпеченіе истинности толкованія, отзывается какой-то гнусной ироніей.—Оставалось живымъ только то, что написалъ докторъ Мартинъ съ своими сподвижниками. Теперешняя полемика была мелочна, бездушна и отзывалась какой-то плачевностію въ соединеніи съ безсильнымъ задоромъ. Самое строжайшее понятіе объ инспираціи, простирающейся на слова и буквы и знаки буквъ, убило возраждавшуюся-было филологическую науку, невѣрность историческаго такта и взгляда породила шаткость и странность въ понятіяхъ объ аллегоріи и типикѣ. Все это испортило вкусъ, и трактовали о маловажныхъ вещахъ съ громаднымъ и смѣшнымъ аппаратомъ педантической учености.—Вообще, это было темное время протестантской богословской мысли и науки. Мы не хотимъ перечислять представителей этого

темнаго направленія, которое ни чѣмъ почти не уступаетъ временамъ схоластики. Можетъ быть, оно такъ нужно было по требованіямъ времени?!

Между тѣмъ на почвѣ протестантизма выросли и развились различныя секты, партіи и малыя вѣроисповѣданія съ болѣе или менѣе свободнымъ, но незрѣлымъ направленіемъ и всѣ они начали употреблять Библію, какъ орудіе и средство для оправданія своихъ воззрѣній и убѣжденій, и—понятно, какой характеръ долженъ былъ получить у нихъ экзегезъ. Прикрываясь идеей свободы въ изъясненіи, они весьма не свободно пользовались Библіей для своихъ цѣлей, – это партіи и секты Социніанъ, Кокцейянъ, Арминіанъ, Піетистовъ, Янсенистовъ, Апокалиптиковъ и др. Представителей этихъ направленій мы не будемъ опять исчислять, потому что они не имѣли положительнаго значенія въ области экзегеза, хотя между ними были люди очень даровитые.

Лучшимъ людямъ тѣхъ временъ опять не могло не показаться душнымъ жить въ этой атмосферѣ, какъ и лучшимъ людямъ временъ предъ реформаціей. Они искали выхода, но пока не находили и бросались въ разныя стороны. Одни пустились въ филологію, но остановились на мелочахъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать спасенія; другіе—въ археологію, но тѣ же мелочи и то же неудовлетвореніе; третьи—къ собранію катенъ, но здѣсь было что-то мертвое; четвертые къ парафразу,—и отсюда ничего не вышло. Обладавшіе болѣе вѣрнымъ тактомъ обратились къ исторіи, единственной спасительницѣ въ этомъ положеніи; но духъ мелочности и отсюда изгналъ въ первое время жизнь. Все это было признакомъ новаго переворота въ области науки и экзегеза, и онъ явился со временемъ, имѣя точкою отправленія исторію. Но наступленіе его было предупреждено вмѣшательствомъ философіи, и подъ вліяніемъ ея дѣло получило другой оборотъ.—А между тѣмъ экзегезъ католиковъ болѣе и болѣе развивался въ духѣ церкви, отрѣшаясь отъ схоластики и діалектическихъ тонкостей, и всталъ сильно во всеоружіи въ виду предстоявшаго новаго переворота.

VI. Философія, родившаяся на Европейской почвѣ, между прочимъ, подъ вліяніемъ реформатской идеи свободы и развившаяся подъ вліяніемъ этой идеи, заявляла еще въ темный періодъ реформатскаго экзегеза, о которомъ мы говорили, свои притязанія—имѣть вліяніе на науку о *Библіи*. *Спиноза* (пол. 17 в.) написалъ Tractatus Theologico—politicus, въ кото-

ромъ въ первый разъ серіозно поставилъ вопросъ о достовѣрности библейскихъ сказаній и соединенные съ нимъ вопросы.—Послѣ, Вольфіанская философія повторила тоже. Но тогда еще не обратили должнаго вниманія на эти вопросы.—Открыто и прямо и рѣзко заявили эти стремленія такъ называемые деисты и натуралисты конца 17 и 18 в.—Судьба экзегеза на долго была этимъ рѣшена; явилось раздѣленіе на супранатуралистовъ и философовъ; Церковь отдѣлилась совсѣмъ отъ школы въ протестантствѣ, и экзегезъ поступилъ въ услуженіе школѣ; и—здѣсь-то его поучительная исторія, когда онъ сталъ въ подчиненіе философскимъ воззрѣніямъ и школѣ. Главное вниманіе обращено было здѣсь на исторію въ двоякомъ отношеніи,—исторію самихъ свящ. Писаній и—содержащіяся въ нихъ повѣствованія. Оттого явились проблеммы критики самыхъ Писаній и критики содержащейся въ нихъ исторіи.—По этимъ двумъ главнымъ русламъ и потекла теперь библейская наука, и по этимъ двумъ основнымъ пунктамъ теперь и нужно слѣдить исторію экзегеза.—Это отличительный характеръ новой исторіи его.

а) Іудейская и первохристіанская древность несомнѣнно вѣровала въ происхожденіе священныхъ Писаній отъ Богодухновенныхъ писателей, а потому вопросовъ объ истинности ихъ и достовѣрности для нея почти не существовало. Подозрѣвать библейскія сказанія въ недостовѣрности исторической никому изъ представителей Церкви не приходило и на мысль,—и не только изъ представителей Церкви, но даже изъ отдѣлившихся отъ нея еретиковъ, въ большинствѣ ихъ. Общій характеръ библейскаго экзегеза былъ догматико-нравственный.—Первые возгласы противъ исторической достовѣрности событій и сказаній библейскихъ и противъ происхожденія Библіи въ частности отъ Богодухновенныхъ писателей раздались со стороны языческихъ писателей—Цельса, Порфирія и Юліана, и—со стороны нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, изъ раннихъ еретиковъ (первыхъ трехъ вѣковъ).—О послѣднихъ, впрочемъ, мало свѣдѣній осталось, и ихъ воззрѣнія въ подробности неизвѣстны; главный же источникъ ихъ возраженій былъ не исторія, а догматическія и предзанятыя мнѣнія сектъ.—И самыя возраженія были такъ слабы и ничтожны, что предстоятели Церкви не считали нужнымъ разбирать ихъ въ подробности, а ограничивались краткими опроверженіями ихъ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, съ показаніемъ и самаго источника, откуда про-

исходятъ эти неблагонамѣренныя возраженія. Болѣе шуму произвели нападенія помянутыхъ язычниковъ и—вызвали болѣе или менѣе подробныя опроверженія со стороны апологетовъ Церкви—Оригена, Евсевія и другихъ.—Впрочемъ, эти возраженія, при чистотѣ и непосредственности вѣры первыхъ христіанъ, никого особенно не тревожили и не соблазняли и—пали сами собою скоро, такъ что съ 5 вѣка мы не видимъ даже слѣдовъ ихъ. Затѣмъ, всѣ возраженія противъ исторіи библейской и противъ книгъ библейскихъ затихаютъ; супранатурализмъ и достовѣрность историческая всѣхъ библейскихъ сказаній не подвергается никакимъ нареканіямъ, и—такъ продолжалось съ немногими исключеніями во всѣ послѣдующіе вѣка до временъ реформаціи. Первые реформаторы отнюдь не думали подвергнуть критикѣ историческую достовѣрность библейскихъ сказаній; она стала въ основаніе новой Церкви; но шагъ къ отрицанію былъ сдѣланъ отверженіемъ преданія, какъ обезпеченія истиннаго пониманія св. Писанія,—и поставленіемъ Писанія или толкованія Писанія подъ руководство личности толкователя, а затѣмъ уже дальнѣйшаго развитія критики и именно *отрицательной* критики, по понятной причинѣ, остановить было нельзя, и—весьма справедливо замѣчаніе, что изъ-за плечъ строгаго, суроваго протестанта Лютера уже выглядывало насмѣшливое лицо Штрауса.—Съ тѣхъ-то поръ и стали развиваться и рѣшаться въ новомъ духѣ всѣ проблеммы критики библейскихъ писаній и библейской исторіи. И на это-то время мы обратимъ особенное вниманіе, такъ какъ эти проблеммы съ тѣхъ поръ сдѣлались жизненными вопросами въ области экзегеза. Въ подробности и частности намъ, конечно, вдаваться нельзя и мы обозримъ исторію этой отрицательной критики въ главнѣйшихъ ея проявленіяхъ и болѣе общихъ направленіяхъ. Средоточіе Новаго Завѣта—Евангелія, средоточіе Ветхаго Завѣта—Пятокнижіе; и на нихъ-то преимущественно обращена была отрицательная критика: здѣсь центръ движенія экзегеза за все это время.

б) Когда библейскій экзегезъ сталъ подъ исключительное вліяніе разума въ протестантскихъ обществахъ, когда единственнымъ критеріумомъ для сужденія о Библіи стало личное усмотрѣніе: то необходимымъ послѣдствіемъ этого было, особенно при тогдашнемъ застоѣ въ экзегезѣ, подчиненіе воззрѣній на Библію воззрѣніямъ философскимъ, т. е. подчиненіе Библіи философіи. И такъ какъ въ области философіи

одна система смѣняла другую, одно воззрѣніе или міросозерцаніе заступало мѣсто другаго: то эта смѣна необходимо должна была отразиться и на экзегезѣ; въ умѣ философовъ онъ сталъ служебнымъ орудіемъ философіи. А естественнымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого состоянія дѣла было то, что въ основаніе воззрѣній на Библію легла не чисто-историческая критика, а извѣстное философское воззрѣніе, которое въ приложеніи къ религіи было не что иное, какъ догматически предзанятая мысль, т. е. въ Библіи критика искала не чистой истины библейской, а оправданія воззрѣній философіи, подведеніемъ библейскихъ истинъ подъ философскія воззрѣнія; а такъ какъ они сойтись вообще не могли, то—искаженіемъ, перетолкованіемъ библейскихъ истинъ въ пользу философскихъ и—отрицаніемъ всего, что противорѣчитъ извѣстному философскому воззрѣнію на религію. Это нужно замѣтить особенно, т. е., что во всю эту критику легла предзанятая философская мысль о религіи, такая или другая, что къ Библіи стали приступать не съ мыслью искать и узнать то, что въ ней есть, а съ мыслью оправдать предзанятую мысль о ней: ибо это положило особую печать на всю эту историческую критику Библейскихъ книгъ— печать нечистоты. Само собою разумѣется, что это направленіе легло въ основаніе экзегеза не всей реформированной, такъ называемой, Церкви. Строго держащіеся основныхъ началъ протестантизма никогда не сочувствовали этому направленію, были всегда болѣе или менѣе супранатуралистами и - даже лучшими порой дѣятелями противъ этого лжефилософскаго экзегеза. Этому послѣднему привержены были лишь философы—богословы, которыхъ якобы не удовлетворялъ супранатурализмъ христіанскій. - О развитіи супранатуральнаго экзегеза Библейскихъ книгъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь обозримъ исторію этого экзегеза подъ вліяніемъ философіи или исторію *отрицательной* критики, такъ какъ ею возбуждены и развиты помянутые вопросы относительно священныхъ книгъ.

в) Первое нападеніе на Библейскія книги вообще и въ частности на Евангелія, нападеніе открытое и дерзкое, сдѣлано было со стороны деистовъ и натуралистовъ XVII и нач. XVIII вѣка. Два философскихъ воззрѣнія, совершенно противоположныя въ существѣ своемъ, соединились въ одной цѣли—заподозрить и отвергнуть истину библейскихъ сказаній или вообще религіи, проповѣдуемой Библіею. Основная мысль первыхъ—безотносительность Бога къ міру и безу-

частность Его въ правленіи міромъ; основная мысль послѣднихъ— развитіе во всемъ мірѣ одной мировой силы, безсознательной и необходимой. Эти основныя мысли двухъ противоположныхъ философскихъ воззрѣній по необходимости сошлись въ одной общей мысли— о невозможности непосредственнаго откровенія Бога человѣку—та́къ, ка̀къ это проповѣдуется въ Библіи. Понятно, что̀ теперь имъ нужно было сдѣлать съ Библіею, чтобы уничтожить эту противоположность ученія Библіи съ ученіемъ ихъ школъ: отвергнуть достовѣрность ея сказаній, отвергнуть всякое значеніе ихъ и объяснять ихъ иначе, чтобы они не противорѣчили предзанятому воззрѣнію ихъ философіи. И вотъ раздались ихъ ярые возгласы противъ Библіи вообще и Евангелій въ особенности и—появились на свѣтъ Божій уродливѣйшія объясненія фактовъ, содержащихся въ нихъ. Усилія ихъ обращены были на то, чтобы отвергнуть подлинность и Божественное происхожденіе книгъ Библейскихъ и унизить до уровня народныхъ сказаній факты, повѣствуемые ими. Тогда какъ *Толандъ*, *Болинброкъ* и др. назвали Библію собраніемъ апокрифовъ, наполненнымъ сказками,—другіе усиливались лишить лица и факты библейскіе и евангельскіе всего сверхъестественнаго и Божественнаго. Гнусные и насмѣшливые отзывы ихъ о ветхо-завѣтныхъ лицахъ и вообще о ветхо-завѣтной религіи перенесены и на ново-завѣтныя лица; заподозрѣли Апостоловъ въ эгоизмѣ и алчности земной славы, не пощадили характера Самого Іисуса. Чудеса, которыми исполнена жизнь Іисуса и которыя свидѣтельствуютъ о Божественной силѣ Его, были заподозрѣны и отвергнуты. Іисуса считали политикомъ и во всей Его дѣятельности видѣли одни политическіе планы. Это была какая-то бѣшеная вспышка Англійскихъ и Французскихъ деистовъ и натуралистовъ, не хотѣвшая слушать никакой исторіи, уродовавшая безбожно всякую исторію въ защиту своей безбожной (въ собственномъ смыслѣ) философіи, вспышка озлобленная противъ всего святаго и священнаго. Представителями этого направленія въ Англіи, кромѣ помянутыхъ, были особенно *Вульстонъ*, *Шуббъ* и—такъ называемый, великій апостолъ деизма, *Тиндаль*. Во Франціи жаркими поборниками его, какъ и слѣдовало ожидать, были такъ называемые энциклопедисты, которыхъ ученіе было лишь дальнѣйшимъ развитіемъ натурализма, превратившагося въ чистый матеріализмъ, у которыхъ Богъ былъ отвлеченнымъ понятіемъ, порожденнымъ страхомъ и невѣжествомъ, у которыхъ все

производила материя и была последнею цѣлью всего, по понятію которыхъ человѣкъ есть только машина,—душа есть произведеніе матеріальныхъ силъ, мысль—движеніе мозга и пр. и пр. И вотъ, на этой почвѣ еще громче выразились бѣшеныя вспышки противъ всего святаго и священнаго въ Библіи, *о нихъ же не лѣть есть и глаголати.*—Германіи собственно это направленіе мало коснулось пока.—и по серьезному характеру нѣмцевъ не только не имѣло вліянія на нихъ, но принято было на первый разъ съ отвращеніемъ — Понятно, что это страстное воззрѣніе, какъ не естественное, не нормальное и ложное въ своемъ основаніи, не могло долго держаться. Оно возбудило и въ Англіи и во Франціи множество жаркихъ опровер;кеній. Апологеты обличили неразумность такого взгляда на міръ и религію, нелѣпость такого обращенія съ исторіей; указали мутный источникъ этихъ страстныхъ нападокъ и раскрыли, вопреки всему этому, истинность библейскихъ откровеній, дѣйствительность супранатуральнаго, Божественнаго характера исторіи, содержащейся въ Библейскихъ книгахъ народа еврейскаго и древности первохристіанской. Болѣе холодные послѣдователи лжефилософскихъ воззрѣній сами почувствовали нужду выдти изъ такого неестественнаго отношенія къ Библейскимъ книгамъ, и этотъ выходъ найденъ былъ въ такъ называемомъ натуральномъ объясненіи *раціоналистовъ* уже чисто на почвѣ Германскаго протестантизма.

г) Раціонализмъ, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ опредѣленная философская система по своимъ основнымъ началамъ, подобно деизму и натурализму, тоже боится сверхъестественнаго и чудеснаго, а потому и онъ, подобно первымъ, отвергъ супранатуральное въ библейскихъ и въ частности евангельскихъ сказаніяхъ, только пошелъ въ этомъ дѣлѣ другимъ путемъ; чудобоязнь нашла другое средство освободиться отъ сверхъестественнаго.—Раціонализмъ, въ приложеніи къ богословской наукѣ, есть такое воззрѣніе, которое *разумъ* считаетъ высшимъ судьею того, что составляетъ религіозную истину. Онъ, хотя признаетъ въ свящ. Писаніяхъ откровеніе Божества, но откровеніе посредственное, какъ и вообще въ мірѣ и человѣчествѣ, такъ что здѣсь божественная истина изображена въ несовершенныхъ человѣческихъ формахъ представленія. Потому *разуму* предстоитъ рѣшать, что здѣсь вѣчная истина, и что временное, мѣстное, личное, болѣе или менѣе ошибочное мнѣніе. Библейскія книги не есть чистое слово

Божіе, но слово Божіе въ нихъ можетъ открывать *разумъ*. Начала раціонализма первый приложилъ къ критикѣ библейскихъ сказаній извѣстный *Ейхгорнъ*, и вышло слѣдующее.— У всѣхъ народовъ Востока и въ Греціи, говоритъ Ейхгорнъ, все то, чего не понималъ младенчествующій умъ, что было поразительно для воображенія и неожиданно, было относимо къ дѣйствію Божества; мудрецы всѣхъ націй, по народнымъ сказаніямъ, всегда жили въ общеніи съ высшими силами,— съ Божествомъ. Тогда какъ подобныя сказанія, продолжаетъ онъ, въ исторіи Еврейской были понимаемы въ буквальномъ смыслѣ,—внѣ этой исторіи имѣли обычай всѣ такія явленія объяснять предположеніемъ обмана, грубой лжи и шарлатанства. Но очевидно, продолжаетъ онъ, справедливость требуетъ, чтобы о Евреяхъ и не Евреяхъ разсуждали въ этомъ отношеніи одинаково, и всѣ народы наравнѣ съ Евреями или поставляли подъ непосредственное вліяніе высшей силы— Божества, или же отвергли такое вліяніе у тѣхъ и другихъ равно, и все признавали обманомъ, ложью. Но это послѣднее воззрѣніе, продолжаетъ Ейхгорнъ, несправедливо и возмутительно, и затѣмъ онъ сильно вооружается противъ деистовъ и натуралистовъ, которые такъ возмутительно смотрѣли на лица и событія еврейской исторіи и евангельской. Какъ,— восклицаетъ онъ,—эти великіе люди, благодѣтели человѣчества, имѣвшіе такое величайшее благодѣтельное вліяніе на исторію человѣчества, которымъ всѣ послѣдующіе вѣка обязаны своей цивилизаціей, эти люди были обманщики, и всѣ сказанія объ нихъ—ложь и обманъ?! Да это чистое безуміе, дикое ослѣпленіе, а люди, осмѣлившіеся такъ думать— намекаетъ на деистовъ и натуралистовъ—были несомнѣнно ослѣплены и сумасшедшіе.—Рѣзкость отзыва вполнѣ заслуженная! По словамъ Ейхгорна, къ такому ложному и дикому воззрѣнію привело то, что не хотѣли понять духа и характера письменныхъ памятниковъ древнихъ временъ. Намъ кажется, впрочемъ, несомнѣннымъ, замѣтимъ мимоходомъ, что причина этого воззрѣнія лежала не тутъ, а въ желаніи отстранить Библію, какъ противорѣчіе ихъ философскому воззрѣнію,—что потому они и не хотѣли обратить вниманія на духъ и характеръ древнихъ памятниковъ письменности, или лучше—хотѣли ихъ извратить и отвергнуть, чтобы они не мѣшали ихъ философскимъ грезамъ.—Но обратимся къ Ейхгорну, его воззрѣнію, или лучше воззрѣнію раціоналистической философіи на событія библейскія и евангельскія. Безъ

сомнѣнія, говоритъ онъ, обращаясь къ главному пункту, котораго боится раціонализмъ, и который ему нужно объяснить или отстранить, чтобы оправдать свое раціоналистическое воззрѣніе на религію,—безъ сомнѣнія, еслибы писатели Ветхозавѣтныхъ и Новозавѣтныхъ исторій говорили о событіяхъ съ философскою точностью современныхъ намъ писателей: то во всемъ сверхъестественномъ этихъ событій нужно было бы видѣть или дѣйствительно сверхъестественныя дѣйствія Божества, или ложь и обманъ. Но, принадлежа народу, у котораго тогда еще не было философіи, и не имѣя философскаго образованія, они говорили дѣйствительно о сверхъестественномъ по своему убѣжденію и сообразно идеямъ народнымъ; сверхъестественное они видѣли дѣйствительно во всемъ, чего не понимали, что было поразительно и неожиданно и необъяснимо для нихъ. Мы, говоритъ прямо Ейхгорнъ, не удивляемся никакому чуду, но тѣмъ не менѣе не видимъ здѣсь никакого обмана, ни желанія обманывать другихъ; на нихъ дѣйствительно такъ смотрѣли. Такъ какъ тогда еще не разсуждали философски о началѣ всѣхъ вещей: то все необъяснимое приписывали дѣйствію сверхъестественному, непосредственному вмѣшательству Божества: высокія мысли, великія рѣшенія, полезныя изобрѣтенія и нововведенія, сны восточные, полные образной таинственности, все считали сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божества, подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго, они думали, находятся. Энергія и таланты, которыми извѣстныя личности приводили народъ въ изумленіе дѣлами необыкновенными, казались чудесами, знаменіями присутствія сверхъестественныхъ силъ и общенія тѣхъ лицъ съ Божествомъ. И такъ думалъ не одинъ народъ; даже самыя эти лица думали такъ и чистосердечно съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрили, что въ самомъ дѣлѣ въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ Богъ.— Значитъ, чтобы понять сказанія ихъ и о нихъ,—нужно только перевесть на нашъ языкъ этихъ писателей и объяснять ихъ естественнымъ дѣйствіемъ силъ природы и духа, имѣя въ виду общее воззрѣніе тѣхъ временъ.—По этимъ началамъ Ейхгорнъ попытался объяснить многія событія Ветхозавѣтной и Новозавѣтной исторіи. Но увы,—эта теорія въ приложеніи ея на практикѣ—въ самыхъ объясненіяхъ явилась куда какъ уродлива, и многія объясненія ея доходятъ до смѣшнаго! Ейхгорнъ не шутя, напримѣръ, говоритъ, что явленіе славы Іеговы на Синаѣ было не что иное, какъ большіе огни, возженные Моисеемъ на горѣ для воспламененія

народнаго воображенія, къ чему присоединилась еще страшная буря.—Различными *странными глаголы* объясняетъ онъ великія чудесныя событія не только изъ жизни еврейскаго народа, но и изъ жизни Христовой и исторіи апостольской: въ явленіяхъ Ангеловъ видитъ онъ олицетвореніе счастливыхъ случаевъ; въ преображеніи Христовомъ—громъ и молнію; въ обращеніи ап. Павла—тоже,—и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. И оказалось, что къ нему самому вполнѣ можно приложить тоже, что сказалъ онъ о воззрѣніи деистовъ, что онъ не понялъ духа и характера письменныхъ памятниковъ еврейской и христіанской древности,—и его объясненія доходятъ порой до смѣшнаго, что и онъ не менѣе увлеченъ и ослѣпленъ своей системой воззрѣнія, чѣмъ тѣ, и—это ослѣпленіе не позволило ему видѣть не только истину, но и странность его объясненій. Впрочемъ, Ейхгорнъ не оставилъ систематическаго объясненія библейскихъ сказаній въ этомъ родѣ,—онъ бралъ лишь нѣсколько для примѣровъ.—Послѣдователей у него явилось довольно много, но первый, вполнѣ приложившій его теорію къ Новозавѣтнымъ сказаніямъ и написавшій цѣлый комментарій на Евангелія въ духѣ этой теоріи раціоналистическаго натурализма былъ *Павлюсъ*, и вотъ въ этомъ-то комментаріѣ ясно выразилось—что такое эта теорія раціоналистовъ.

Нельзя полагать, чтобы такой трудъ не стоилъ автору большихъ усилій учености и не меньшихъ насилій совѣсти; чтобы изуродовать такъ евангельскую исторію, какъ онъ сдѣлалъ, надо полагать, много нужно было и того и другого; но такова сила предзанятой мысли. Какъ объяснить не чудесно то, что писатели, напримѣръ, Евангелій передаютъ за чудесное? Павлюсъ установляетъ для этого теоретическія начала. Вотъ они: первое дѣло, говоритъ онъ, изучающаго чудесныя евангельскія сказанія—различать въ этой исторіи то, что передается какъ фактъ, и—сужденіе о немъ писателя, прямо ли оно выражено, или въ тонѣ самого повѣствованія о фактѣ. Но, продолжаетъ онъ, эти двѣ составныя части повѣствованія часто такъ соединены и слиты, что ихъ иногда трудно раздѣлить, а иногда и невозможно: ибо и лица, о которыхъ повѣствуется, и лица, которыя повѣствуютъ, стояли подъ вліяніемъ одного міросозерцанія; такъ, напримѣръ, всѣ во времена Іисусовы все непонятное и поразительное приписывали дѣйствію силы сверхъестественной, и—потому на извѣстное событіе и участники этого событія и писатель смотрѣли какъ

на чудо, хотя оно и не было въ самомъ дѣлѣ чудомъ.—Теперь, дѣло историка, хотящаго узнать истину, и состоитъ въ томъ, чтобы строго раздѣлять эти двѣ части разсказа—фактъ и воззрѣніе на него, части такъ тѣсно связанныя между собою, однако же по природѣ своей различныя,—и представить одинъ голый фактъ отдѣльно отъ воззрѣній на него, отдѣлить, по его выраженію, ядро отъ скорлупы. Для этого нужно, разсматривая извѣстное сказаніе, если нѣтъ болѣе краткаго сказанія о томъ же, въ которомъ не выражалось бы никакого сужденія о фактѣ, нужно перенестись воображеніемъ какъ можно живѣе на мѣсто и время событія, встать на точку зрѣнія эпохи и при помощи этого разоблачать первоначальный фактъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, въ которыхъ можетъ выразиться воззрѣніе повѣствователя. При этомъ можно будетъ видѣть, что писатель иногда вовсе и не думалъ повѣствовать о чудѣ, а иногда естественное дѣйствіе, но не совсѣмъ понятное, считалъ чудомъ. На основаніи этихъ-то началъ Павлюсъ и толковалъ событія евангельскія въ своемъ комментаріѣ на Евангелія, а потомъ въ особой книгѣ—о жизни Іисуса. Понятно, что изъ этого вышло: произволъ и натяжки почти вездѣ; считая Іисуса человѣкомъ мудрымъ и добродѣтельнымъ, всѣ чудесныя дѣйствія Его онъ считаетъ дѣломъ Его филантропіи, медицинскихъ познаній, случая и счастія.

Странное впечатлѣніе произвело такое воззрѣніе на событія библейскія вообще и въ частности евангельской исторіи; выразившись вполнѣ, оно никого не удовлетворило, кромѣ самихъ писателей такихъ комментаріевъ, да и ихъ по совѣсти едвали удовлетворило. Не говоря уже о вѣрующихъ супранатуралистахъ, которымъ противны всѣ основанія этой теоріи объясненія и возмутительно самое приложеніе ея,—въ сферѣ самой отрицательной критики, которая могла бы кажется сочувствовать общей теоріи раціоналистовъ, подобные комментаріи встрѣтили странный пріемъ.—Неопредѣленность и неразумность общихъ началъ для сужденія объ историчности факта не могли удовлетворить развитаго ума; они слишкомъ много давали мѣста произволу, и на основаніи ихъ каждый могъ трактовать о событіяхъ по-своему, совсѣмъ несходно съ другимъ,—какъ это и обозначилось въ различныхъ комментаріяхъ этого направленія. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть дѣло, что за критическое начало: надобно фактъ отдѣлить отъ воззрѣнія на него, что иногда невозможно, по-

тому что тогда всѣ смотрѣли на фактъ извѣстнымъ одинаковымъ образомъ? Какіе твердые критеріи для этого отдѣленія, которые бы могли насъ увѣрить, что мы такъ дѣлаемъ дѣло? Ихъ нѣтъ; а потому одинъ можетъ говорить такъ, другой иначе съ одинаковымъ правомъ, и не будетъ ничего твердаго. Отдѣлить воззрѣніе тогдашнее!... Да какъ же мы будемъ отдѣлять его, когда о немъ знаемъ мы только изъ этихъ же сказаній? Какія же другія данныя на это? Отдѣлить сверхъестественное? Но это будетъ не критическое начало, а предзанятая мысль о невозможности сверхъестественнаго. Или—сколько нужно натяжекъ и насилій и тексту, и совѣсти, употребить, чтобы доказать, что евангелистъ не смотрѣлъ на извѣстный фактъ, какъ на чудо, когда весь тонъ, и духъ, и намѣреніе писателя—разсказать чудо или знаменіе,—какъ называютъ чудеса евангелисты? Всѣ эти видимыя натяжки для подведенія факта подъ теорію не могли и не могутъ не оскорбить всякаго, кто не хочетъ отказаться отъ здраваго историческаго такта.—Что было бы, спрашивали невольно, если бы стали трактовать такъ всякую и всю исторію?—Всякій видѣлъ, что тогда вышелъ бы совершенный хаосъ, и не могло быть исторіи; каждый сталъ бы трактовать событія по своему, въ видахъ разоблаченія фактовъ и—вышла бы путаница.—Вотъ почему эта теорія возбудила противъ себя не только супранатуралистовъ, но даже и невѣрующихъ въ сверхъестественное;—почти всѣ частныя партіи богословскія, не смотря на различіе въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, соединились противъ такого объясненія и съ разныхъ сторонъ разоблачили его нелѣпость; супранатуралисты раскрыли нелѣпость поставленія библейскихъ и евангельскихъ событій наравнѣ съ сказаніями другихъ народовъ и нелѣпость отрицанія сверхъестественнаго въ исторіи; другія партіи—нелѣпость и неразумность теоретическихъ началъ для естественнаго объясненія того, что писателями видимо передается за сверхъестественное.—У миѳологистовъ, такъ называемыхъ, (о которыхъ мы будемъ говорить),—это объясненіе вошло даже въ притчу, и—при всемъ своемъ невѣріи сказаніямъ библейскимъ, они обыкновенно не упускаютъ случая пошутить надъ натуральнымъ объясненіемъ раціоналистовъ, какъ надъ ученой странностью. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра,—и здѣсь была одна добрая сторона.—Для того, чтобы такъ понимать библейскія и евангельскія сказанія, какъ понимаетъ раціонализмъ въ лицѣ Ейхгорна и Павлюса, чтобы разоблачать факты отъ

воззрѣній повѣствователя—и въ основѣ сказаній видѣть фактъ историческій, необходимо допустить, что записи этихъ событій, т. е. историческія Библейскія книги вообще и Евангелія въ частности, написаны и изданы съ большою точностію и вѣрностію, слѣдовательно, весьма мало времени спустя послѣ событій, о которыхъ въ нихъ повѣствуется. Ибо, если возможно въ повѣствованіи отдѣлить первоначальный чистый фактъ отъ воззрѣнія на него или сужденія о немъ повѣствователя, нужно, чтобы сказаніе было еще чисто и оригинально; въ противномъ случаѣ, кто же поручится, что этотъ фактъ самъ не есть выраженіе мнѣнія, писателя? или не есть легенда? Поэтому Ейхгорнъ и Павлюсъ съ братіею предприняли доказать подлинность и неповрежденность Евангелій, и—за это не могутъ не быть благодарны имъ вѣрующіе богословы, а отъ невѣрующихъ и за это имъ досталось, какъ и за самое объясненіе. Представителями раціонализма въ экзегетикѣ, кромѣ помянутыхъ двухъ, были: *Тейлеръ* въ Берлинѣ (1804), *Тиссъ* въ Килѣ (1810), *Еккерманъ*, *Шереръ*, *Штольцъ*, *Корроди*, *Болтенъ*, *Шультенъ* и мн. другіе. Какъ бы то ни было, только въ этой сферѣ натуральнаго воззрѣнія раціоналистовъ показалось неловко всѣмъ, даже подвизающимся на поприщѣ отрицательной критики; необходимо было выйти изъ этого положенія вещей, и вотъ явились новыя воззрѣнія на Библію и евангельскія сказанія.

д) Мы сказали, что натуральное объясненіе раціоналистовъ не могло удовлетворить даже самихъ раціоналистовъ. Такъ, еще въ началѣ развитія своего оно не удовлетворило лучшаго изъ тогдашнихъ раціоналистовъ, знаменитаго философа *Канта*. И вотъ, между тѣмъ какъ развивалось до крайности то воззрѣніе, на ряду съ нимъ развивалось кантовское воззрѣніе на библейскія и евангельскія сказанія, воззрѣніе, отличное отъ всѣхъ и новое. Съ презрѣніемъ относясь къ выходкамъ противъ Библіи деистовъ и натуралистовъ, но неудовлетворенный и натуральнымъ объясненіемъ, этотъ великій раціоналистъ развилъ теорію *нравственнаго* объясненія библейскихъ фактовъ. Въ качествѣ философа онъ не почелъ себя обязаннымъ строго держаться исторической фактичности, какъ то въ виду имѣли богословы—раціоналисты, хотя и искажали факты по произволу,—а преслѣдовалъ идеи, скрывающіяся для неопытнаго глаза во внѣшней оболочкѣ историческихъ фактовъ. Казалось по виду, что здѣсь воскресаетъ въ новомъ видѣ аллегорическое объясненіе отеческаго періода Алексан-

дрійской школы; но при дальнѣйшемъ развитіи оказалось не то. Для Канта идея, скрытая въ разнообразіи историческихъ фактовъ не есть, какъ у отцевъ, идея абсолютная, теоретическая и вмѣстѣ практическая— идея особаго отношенія Божества къ міру; нѣтъ, Кантъ понялъ ее только со стороны практической, нравственной; факты у него лишь оболочка нравственныхъ идей, имѣющихъ притомъ временный, какъ бы случайный характеръ. Въ тоже время, разумѣется, онъ приписывалъ эти идеи въ текстѣ Библіи не Духу Божественному, а самимъ писателямъ книгъ, подъ вліяніемъ того нравственнаго расположенія, какое было у писателей этихъ книгъ, кто бы ни были эти писатели, и когда бы они ни жили, до этого ему нѣтъ дѣла, какъ и до самой исторической достовѣрности фактовъ, были ли они или нѣтъ; ему нужны идеи, и эти-то идеи, и при томъ одни нравственныя только, и долженъ усматривать толкователь въ библейскихъ сказаніяхъ объ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ дѣлѣ Кантъ и вотъ на чемъ онъ опирается: всѣ религіи, говоритъ онъ, древнія и новыя, заключенныя въ священныя книги, стремились къ одинаковымъ цѣлямъ; именно —наставники народа, справедливые и воодушевленные добрыми намѣреніями, объясняя ихъ (т. е. религіи), приводили въ сущности въ согласіе съ общими началами нравственныхъ вѣрованій. Такъ, моралисты между греками и римлянами объясняли свои теологическія фабулы и умѣли объяснить самый грубый политеизмъ, какъ символическое изображеніе одного божественнаго существа, и раскрыть мистическій смыслъ въ дѣйствіяхъ своихъ божествъ, часто порочныхъ и въ мечтахъ поэтовъ иногда вздорныхъ, для того, чтобы народныя вѣрованія, которыя весьма не полезно было бы уничтожать, приблизить къ ученію раціонально-нравственному. Кантъ замѣчаетъ далѣе, что позднѣйшее іудейство и потомъ христіанство установлены и развиты подобными толкованіями, которыя, правда, слишкомъ смѣлы и натянуты иногда, но которыя, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно имѣютъ цѣли добрыя и необходимыя для достиженія всѣмъ людямъ. Магометане даютъ также мистическій смыслъ изображеніямъ Корана, даже порочнымъ, нечистымъ; то же дѣлаютъ индійцы съ своими Ведами. Точно такимъ же способомъ, продолжаетъ Кантъ, и письменные памятники христіанства должно понимать, т. е. находить въ нихъ смыслъ, который бы согласенъ былъ со всеобщими нравственными и практическими законами чистой

религіи раціональной. И такое толкованіе, даже въ томъ случаѣ, если ради его придется сдѣлать насиліе тексту, дѣйствительное или кажущееся, должно быть предпочтено буквальному толкованію текста, которое, какъ это во многихъ сказаніяхъ, или не содержитъ ничего существенно полезнаго для нравственности, или даже стоитъ въ противорѣчіи съ извѣстными нравственными побужденіями и требованіями. По этимъ соображеніямъ Кантъ въ библейскія и евангельскія сказанія пытается вложить одинъ лишь нравственный смыслъ и доказать, что эти нравственныя мысли и составляютъ существо всѣхъ библейскихъ историческихъ сказаній. Съ этой точки зрѣнія, на чудеса, о которыхъ повѣствуется въ Библіи, онъ смотритъ какъ на символическія представленія идеала человѣчества въ его примиреніи или въ стремленіи къ примиренію съ Божествомъ, отрицая ихъ историческую, фактическую дѣйствительность; это, по нему, оболочки нравственныхъ идей, можетъ быть выдумки ради нравственной пользы. Трудно представить, до чего могла довести эта теорія въ полномъ приложеніи ея къ библейскимъ и евангельскимъ сказаніямъ, если бы по ней толковать всѣ ихъ. Къ счастію (и можетъ быть къ сохраненію репутаціи великаго философа), Кантъ не показалъ примѣра осуществленія своей теоріи на практикѣ; можетъ быть его геній и предохранилъ бы его отъ тѣхъ нелѣпостей, до какихъ дошли въ приложеніи его теоріи его послѣдователи, весьма немногіе, впрочемъ. Кромѣ того, что этой теоріей отвергается всякая историческая дѣйствительность фактовъ евангельской и вообще библейской исторіи, что есть уже величайшая раціоналистическая нелѣпость, такъ какъ всѣ лица и событія отрѣшаются отъ почвы дѣйствительности и носятся въ какомъ-то неопредѣленномъ *vacuum*,—кромѣ этого, ограниченность самаго начала для сужденія, начала морали и притомъ нехристіанской, а отвлеченно-философской, предоставляло широкое мѣсто произволу—видѣть въ томъ или другомъ событіи ту или другую нравственную идею; каждая голова ломала фактъ подъ свою идею, и выходила довольно изумительная путаница,—пока, наконецъ, не превратилось все это въ какой-то отвлеченно-философскій мистицизмъ, въ которомъ христіанство не могло узнать себя.

VII. Все это совершалось въ продолженіе второй особенно половины прошлаго и въ самомъ началѣ настоящаго вѣка. —Но въ то же время развивался или стремился къ развитію экзегезъ въ протестанскихъ обществахъ и самостоятельно,

независимо, по возможности, отъ влiянiй помянутыхъ философскихъ школъ и ученiй. Мы сказали прежде, что къ концу темнаго времени реформатской экзегетики лучшiе люди почувствовали потребность выдти изъ этой душной сферы, но не находили выхода. потому что искали его не тамъ, гдѣ слѣдовало; и замѣтили мы, что нѣкотрые изъ нихъ обратились тогда къ исторiи, и—здѣсь именно должно было искать выхода естественнаго, но—что дѣло предупреждено было вмѣшательствомъ философскихъ системъ и воззрѣнiй. И вотъ —въ видушкольныхъ бредней—еще сильнѣе почувствовалась эта потребность,—и явилось историко филологическое направленiе въ толкованiи Писанiя.

а) Первымъ, по времени, серьезнымъ представителемъ этого направленiя былъ Iоаннъ Августъ *Эрнести* († 1781),—съ собравшимися вокругъ него нѣсколькими учеными мужами и послѣдователями, главнымъ же лицемъ этого направленiя считается—и по праву—Iоаннъ Соломонъ *Землеръ* (1791). Развивая начало, положенное въ экзегетику первыми реформаторами,—отрѣшенность отъ преданiя, они дошли до совершеннаго отвращенiя къ нему, даже самъ добродушный и благочестивый пiетистъ по воспитанiю Землеръ.—Отрѣшившись отъ преданiя, какъ привнесшаго въ Библiю будто бы совсѣмъ новое—не библейское, они, при изъясненiи библейскихъ книгъ, старались имѣть въ виду только духъ, характеръ и направленiе того времени, въ которое произошли священныя книги или совершались описываемыя въ нихъ событiя, - опуская изъ виду всю послѣдующую исторiю.—Превосходно образованные въ классической древности, они и Библiю объясняли такъ же, какъ Гомера и прочихъ классиковъ, стараясь держаться только догматики п—то не вездѣ. Само собою разумѣется, что это односторонность, хотя болѣе глубокая и сильная, чѣмъ помянутыя прежде односторонности протестантскаго экзегеза, но все-таки односторонность. И эта односторонность отразилась особенно на понятiи ихъ о канонѣ священныхъ книгъ, изъ котораго они исключали цѣлыя книги и отдѣленiя изъ книгъ, будто бы противорѣчащiя тому духу времени, когда онѣ произошли, по общему вѣрованiю, и исключали, разумѣется, по своей волѣ, кому что не нравилось, или кто что считалъ неподлиннымъ.—Кромѣ того, въ нихъ замѣтна чудобоязнь, и многiе изъ нихъ часто говорили рѣшительное слово въ отстраненiе изъ исторiи всякой чудесности, все объясняя изъ духа тѣхъ давно-минувшихъ временъ.—

Болѣе осторожные изъ нихъ были не совсѣмъ послѣдовательны и не выговаривали рѣшительнаго слова противъ супранатурализма многихъ библейскихъ событій. Вообще же эта вся школа въ своемъ развитіи во многихъ пунктахъ близко подходила къ школѣ раціоналистической, какъ будто стояла въ зависимости отъ нея, хотя была осторожнѣе въ своихъ приговорахъ. Но при одностороннемъ, а потому шаткомъ началѣ своемъ (ибо исторію она брала не вполнѣ, но отстраняя преданіе), она оказала много услугъ экзегезу своими историческими, грамматическими и филологическими изслѣдованіями и прояснила многое,—и въ этомъ отношеніи потомство многимъ обязано ей и чтитъ ея представителей. Здѣсь филологія въ первый разъ вступила, при объясненіи Библіи, въ тѣ права, которыя законно принадлежатъ ей въ этомъ дѣлѣ и границы которыхъ доселѣ все болѣе и болѣе расширяются, и совершенно законно,—поставляя экзегезъ въ строго научныя условія. Школа эта была обширна, и многіе изъ послѣдователей ея доселѣ пользуются большимъ авторитетомъ, а потому мы поименуемъ здѣсь важнѣйшихъ экзегетовъ и изслѣдователей Библіи этой школы. Таковы—помянутый *Эрнести*, знатокъ греческаго и латинскаго языковъ и знаменитый толкователь древнихъ классиковъ, объяснявшій Библію по тому же способу, по которому объяснялъ и тѣхъ, стараясь впрочемъ не вредить установившейся догматикѣ и не оскорбляя религіознаго чувства старыхъ лютеранъ; помянутый выше *Землеръ*, рѣшительный врагъ преданія, на которое онъ смотрѣлъ съ глубокой, непонятной для насъ, ненавистью, извѣстный болѣе по разработкѣ источниковъ для библейскихъ изслѣдованій и экзегеза, чѣмъ по экзегетическимъ трудамъ своимъ.—Іоаннъ Дав *Михаэлисъ* (1791), который былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ въ экзегетикѣ, чѣмъ въ догматикѣ, чего тогда не замѣтили. Извѣстны его переводы Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ краткими замѣчаніями, чисто грамматико-филологическими и историческими; обширныя сочиненія по части ветхозавѣтной археологіи; парафразы, комментаріи на многія книги и первое по времени историко-критическое введеніе въ Новый Завѣтъ.—*Розенмиллеръ* отецъ, написавшій обширный комментарій на Новый Завѣтъ (въ 1777), и *Розенмиллеръ* сынъ, написавшій еще обширнѣйшій комментарій (Scholia) на Ветхій Завѣтъ (24 том.), строгимъ историко-филологическимъ методомъ. *Кинэль*, извѣстный особенно своимъ комментаріемъ на Новый Завѣтъ и написавшій толко-

ванія на многія важнѣйшія книги Ветхаго Завѣта, а равно много отдѣльныхъ монографій о различныхъ библейскихъ предметахъ.—Сюда же принадлежатъ *Морусъ*, *Датэ*, *Дедерлейнъ*, *Пэссельтъ*, *Гриссбахъ*, *Брейтшнейдеръ* и множество другихъ, избравшихъ органами своихъ воззрѣній и убѣжденій между прочимъ возникшіе тогда журналы. Подъ болѣе замѣтнымъ вліяніемъ раціоналистическихъ идей, хотя и не системы и хотя они неохотно признавались въ этомъ, стояли *Коппе*, написавшій примѣчанія ко всему Новому Завѣту; *Шлейснеръ*, котораго знаменитый лексиконъ Новозавѣтный пріобрѣлъ такую извѣстность и заслужилъ ему репутацію, поддерживаемую доселѣ; *Лоренцъ Бауэръ*, *Векшейдеръ*, *Шоттъ* и другіе.

б) Все это направленіе стремилось къ самостоятельности и независимости ни отъ кого въ своихъ изслѣдованіяхъ и комментаріяхъ, хотя это ему и не всегда удавалось.—Преданія всеобщаго они не уважали; вліянія особенностей протестантской церкви старались не высказывать, показывая, будто до нихъ они доходили путемъ самостоятельнаго историческаго изученія предмета, а порой вставали съ ними въ рѣзкое противорѣчіе и старались опровергать. Потому на нихъ Церковь и протестантская полагаться вполнѣ не могла, хотя могла ими пользоваться.—Главное, что супранатурализмъ церковнаго воззрѣнія не во всемъ находилъ себѣ поддержку у этой школы и даже болѣе потрясался имъ, чѣмъ поддерживался. Школа эта по-своему понимала богодухновенность писателей, отрицая строго-лютеранское воззрѣніе на этотъ предметъ, по которому все писаніе и по внѣшней формѣ, даже буквѣ—непосредственное произведеніе Духа, а писатели только безучастныя орудія Его;—школа различала слова писателей отъ изреченій самого Божества, и на этомъ шаткомъ основаніи дробила понятіе богодухновенности и въ этой раздробленности потрясала основанія его.—Неестественное дѣло, чтобы при такомъ положеніи вещей, когда протестантскому экзегезу грозила опасность и со стороны философскихъ школъ и со стороны самой протестантской науки—какъ она развивалась въ разсматриваемой школѣ,—неестественное дѣло, говоримъ, чтобы при такомъ положеніи вещей не явилась церковная партія протестантская съ болѣе строгимъ церковнымъ воззрѣніемъ, которая бы всѣми данными науки современной не постаралась оградить церковное вѣроученіе отъ всякихъ опасностей съ какой бы то ни было стороны и не

развила бы на основаніи всѣхъ выработанныхъ научныхъ данныхъ строгое церковное воззрѣніе.—Мы сказали уже, что въ этотъ періодъ школа отдѣлилась отъ церкви, и всѣ помянутыя направленія были порожденіемъ собственно школъ, съ задней философской или богословской системой, отдѣльной отъ церковнаго вѣроисповѣданія, хотя внѣшне, разумѣется, не всѣ они отдѣлялись отъ церкви. Само собою разумѣется, что приверженцы этихъ школъ составляли меньшинство, частичку, сравнительно съ приверженцами церковнаго воззрѣнія, и—нельзя сказать, чтобы тѣ, т. е. приверженцы школъ, были образованнѣйшими представителями современной тогдашней науки; нѣтъ, въ нѣдрахъ самой церкви протестантской были образованнѣйшіе люди, которые не поддавались вліянію никакихъ школъ и ученій, шли, имѣя подъ руками всѣ данныя науки, путемъ церкви и развивали ея вѣроученіе и экзегезъ подъ руководствомъ самой церкви, и—это, говоримъ, было огромное большинство сравнительно съ приверженцами школъ. Эти-то люди, или часть ихъ, строго держась ученія Церкви, образовали изъ себя особую школу, противодѣйствовавшую въ интересахъ Церкви всѣмъ направленіямъ или школамъ, состоявшимъ подъ чуждымъ вліяніемъ,—и извѣстную подъ общимъ именемъ церковной школы. Изъ нея составились особыя братства, развивавшія въ своихъ сочиненіяхъ одно церковное воззрѣніе и церковный экзегезъ. Отличительный характеръ всей этой школы можно назвать—строгій супранатурализмъ, въ противоположность натурализму, раціонализму и прочимъ направленіямъ школъ,—супранатурализмъ строго протестантскій, старый.—Въ этомъ отношеніи эта школа въ общемъ была въ единеніи и съ католическими и прочими вѣроисповѣданіями, основоположеніе которыхъ—супранатурализмъ.—Нѣсколько такихъ мужей образовали такъ называемую *старую Тюбингенскую школу.* Держась строго вѣрованія церкви въ Библію, при помощи всѣхъ данныхъ современной имъ науки, они развивали, защищали и доказывали истинность церковнаго воззрѣнія и—потомство не можетъ быть неблагодарно имъ за ихъ глубокія изслѣдованія. - Одно изъ началъ лютеранскаго экзегеза—отрѣшеніе отъ авторитета господствовавшей католической церкви и преданія, начало, повѣдшее къ тѣмъ односторонностямъ, какія мы указываемъ въ протестантскомъ экзегезѣ, было серьезно выяснено и развито, и потому нельзя было этимъ людямъ не признать его авторитета и великаго значенія въ дѣлѣ вѣры и экзегеза.

Ему отдали должное уваженіе и, отсѣкая нововведенія католическаго преданія, признали авторитетъ древняго преданія первохристіанскаго, хотя, сохраняя интересы и особенности протестантской церкви, они не могли вполнѣ признать этого преданія и ограничивали его объемъ въ отличительныхъ существенныхъ пунктахъ протестантскаго вѣроученія, т. е. въ чемъ преданіе различалось отъ принятыхъ въ протестантской церкви пунктовъ вѣроученія, нравоученія и практики, они тамъ ограничивали не свое вѣроученіе, а преданія, не отдавая ему должнаго значенія.—Въ этихъ пунктахъ они обыкновенно входили въ полемику съ католиками, въ остальномъ шли по одному съ ними пути. Обратились поэтому они къ великимъ экзегетамъ древней Церкви, изучали ихъ и заимствовали многое.—Весьма много сдѣлано здѣсь для христіанскаго экзегеза, исключая тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ протестантская церковь расходится въ воззрѣніяхъ съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями; многое развито, выяснено и опредѣлено съ строгостію научной и притомъ германской, нападки школъ отвергались съ силою и основательностію, историческое изученіе, въ соединеніи съ историческими трудами Землеровской школы, привело ко многимъ основательнымъ и неопровержимымъ выводамъ.—Представителями этого направленія старой Тюбингенской школы были: Іеремія Давидъ *Реуссъ* († 1777), извѣстный своими полемическими трудами противъ крайностей Землеровской школы; Христ. *Шторръ* (1805), извѣстный многими экзегетическими трудами и теоретическими по части экзегеза; *Фляттъ* (1821), особенно *Бенгель*, комментаріи котораго на Новый Завѣтъ доселѣ пользуются огромнымъ авторитетомъ у протестантскихъ экзегетовъ, даже и не очень строгихъ направленій;—*Штейдель*, много сдѣлавшій для теоріи экзегеза; *Озіандеръ*, комментаторъ многихъ книгъ Новозавѣтныхъ; *Кнаппъ*, *Веберъ*, *Зейлеръ*, *Рейнгардъ*, *Шварцъ* и извѣстный историкъ *Гессъ*, написавшій исторію израильтянъ, исторію Христа, исторію апостоловъ и множество другихъ апологетическихъ и историческихъ сочиненій, которыя до сихъ поръ имѣютъ очень важное значеніе. Соотвѣтственно потребностямъ времени всѣ сочиненія помянутыхъ писателей отличаются сильною и постоянною полемикою съ представителями разныхъ школъ, стоявшихъ не подъ церковнымъ, но подъ другимъ вліяніемъ.—Въ то же время основалось много братствъ съ такимъ же направленіемъ и цѣлями, особенно въ Пруссіи и Голландіи. Особенно извѣстно было

основанное въ Гаагѣ братство Gesellschaft für Vertheidigung des Christenthums, которое имѣло въ свое время много членовъ. Вообще, въ это время, особенно въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, сильно возбуждена была церковная партія протестантская, была многочисленна и твердо стояла противъ экзегеза школъ. Мы не говоримъ уже о католичествѣ, которое, презрѣвъ мелкіе споры съ протестантствомъ и сходясь съ нимъ въ общихъ началахъ воззрѣнія на Библію, также непоколебимо твердо стояло противъ экзегеза школъ. Основано было много журналовъ, въ которыхъ развивалось въ подробности и въ полемикѣ церковное воззрѣніе, оправдывалось, защищалось, нападало.—Эти церковныя братства и школы подвизались не одни и не одни противодѣйствовали противодѣйствовавшимъ церкви школамъ. Люди, не принимавшіе никакого участія въ братствахъ, не бравшіе никакого обязательства, весьма часто возвышали свой голосъ, предостерегали отъ опасностей времени и школъ не только философскихъ, но и такихъ, какъ, напримѣръ, Землеровская. Желая быть примирителями противоположныхъ стремленій и направленій времени, часто искали они какого либо посредства между школами и Церковію, изучали труды стоявшихъ подъ вліяніемъ и школъ и Церкви, примиряли ихъ, и —явилась довольно богатая примирительная литература; но такъ какъ примирить тогдашнія школьныя и церковныя воззрѣнія было довольно трудно; то подчасъ являлись эти примирительныя сочиненія съ страшной смѣсью чуждыхъ философскихъ идей и положеній догматики протестантской.— Такими трудами извѣстны: *Штейдлинъ*, *Штэйнъ*, *Штаркъ*, *Кайзеръ* и нѣкоторые другіе, не много впрочемъ имѣющіе значенія для разъясненія дѣла.

в) Между тѣмъ новое время настало. Великія событія, совершавшіяся въ началѣ настоящаго вѣка, хотя политическія, имѣли огромное вліяніе на расположеніе умовъ и дали быстрый ходъ богословской и философской мысли. Начался новый и послѣдній періодъ богословской науки вообще и экзегеза въ частности, періодъ, открывающійся тремя великими дѣятелями философской, богословской и церковной мысли— Гегелемъ, Шлейермахеромъ и Генгстенбергомъ. Но прежде нежели приступимъ мы къ обзору экзегетики въ этотъ періодъ, скажемъ нѣсколько словъ о *Гердерѣ* и мистикахъ прошлаго періода и бросимъ еще разъ общій взглядъ на экзегетику обозрѣннаго періода.

Живо шла полемика между всѣми указанными направленіями школъ и церкви, смѣло и рѣзко высказывались различныя воззрѣнія, даже выросшія на другой, не религіозной, почвѣ; но всѣхъ никогда нельзя удовлетворить,—да и много въ самомъ дѣлѣ было неудовлетворительнаго во всѣхъ этихъ направленіяхъ, и нѣкоторые, хотя не многіе въ то еще время, неудовлетворялись всѣми ими. Мы хотимъ отмѣтить одно оригинальное явленіе въ области богословской мысли вообще и экзегетики въ частности. Строгіе систематики мысли надъ нимъ, бывало, шутили, но шутить въ области явленій духа ничѣмъ, кажется, не слѣдуетъ, кромѣ самаго шутовства,—особенно тамъ, гдѣ видна задушевность, искренность и какая-то наивность.—Мы говоримъ о такъ называемомъ эстетическомъ воззрѣніи на Библію *Гердера* и немногихъ, сочувствовавшихъ ему.—Тогда какъ критически-философскія и церковно-протестантскія школы разбирали съ разныхъ точекъ зрѣнія по буквѣ и Писаніе, и преданіе, въ Гердерѣ и немногихъ другихъ духъ съ какой-то юношеской свѣжестью и умной непосредственностью отрѣшился отъ всякой школы и всякаго вліянія и открылъ дорогу, по которой систематическія головы и люди знанія, особенно съ примѣсью педантизма, не могли за нимъ слѣдовать.—Болѣе поэтъ, чѣмъ богословъ, потому живой, свѣжій и порой наивный, онъ съ точки зрѣнія поэтической отнесся къ Библіи и ко всему библейскому воззрѣнію. Не слѣдуя рабски буквѣ, онъ съ свободой и съ увлеченіемъ поэта погружался въ библейское міросозерцаніе и съ той же свободой развивалъ идеальную истинность этого міросозерцанія. Его не занимали вопросы о подлинности, достовѣрности Библейскихъ книгъ и т. п. вопросы, онъ чуждъ былъ полемики въ такихъ вопросахъ, да и во всѣхъ; онъ погруженъ былъ въ библейское міросозерцаніе, во всей его полнотѣ, какъ оно представляется въ одной цѣлой книгѣ—Библіи. Насколько былъ онъ преданъ протестантскому церковному вѣрованію, формулированному въ извѣстныхъ догматическихъ положеніяхъ и опредѣленіяхъ, насколько коснулись его новыя философскія идеи—опредѣлить довольно трудно,—кажется, впрочемъ, что онъ былъ не строгій протестантъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ и не чуждъ былъ нѣкоторыхъ гуманныхъ и туманныхъ идей Фихте и Якоби; но, повторяемъ, онъ былъ болѣе поэтъ, чѣмъ мыслитель—философъ, или богословъ, и можетъ быть, идеи философскія или богословскія строго не были выяснены въ головѣ его. Но при всей нерѣшительности и неопредѣленности его теоретической системы, при всей кажу-

щейся легкости его изслѣдованій,—по своей религіозной задушевности и чистой, невинной фантазіи, по теплотѣ чувства и сочувствія ко всему религіозному и высокому, по глубинѣ вниканія въ духъ и характеръ библейскаго міросозерцанія и по огненному краснорѣчію, выливавшемуся прямо отъ души и потому увлекательному,—это былъ въ то время едва ли не лучшій апологетъ Библіи, ея воззрѣній и ученія.—Его вниманіе, какъ и слѣдовало ожидать, особенно привлекли къ себѣ поэтическія книги Ветхаго Завѣта, и онъ дѣйствительно составилъ 2 тома „О духѣ Еврейской поэзіи", книга, которая еще долго не потеряетъ своего интереса, по живости изображенія предмета, по глубинѣ и, такъ сказать, изяществу воззрѣнія; другая книга его такого же, только частнѣе, содержанія: Lieder der Liebe, die ältesten und schönsten aus dem Morgenlande (1772).—Но и въ другихъ отрасляхъ библейской письменности онъ слѣдитъ и развиваетъ тотъ же характеръ: беретъ ли онъ исторію, разсматриваетъ ли пророчества,—на первомъ планѣ у него поэзія, восточная поэзія, полная глубокой, граціозной и высокой таинственности.—Замѣчательныя изъ его сочиненій, относящихся къ библейской исторіи: Древнѣйшія сказанія человѣческаго рода; объ Искупителѣ людей, по повѣствованіямъ трехъ первыхъ Евангелистовъ; о Богѣ—Сынѣ, Спасителѣ міра, по Евангелію Іоаннову. Изъ пророческихъ книгъ онъ избралъ для своего размышленія особенно Апокалипсисъ Іоанна и составилъ книгу, подъ названіемъ: „Маран—аѳа, книга о пришествіи Христовомъ".—Гердеръ нашелъ много поклонниковъ своего таланта, дивившихся прелести, чистотѣ и живости его воззрѣній, но почти не нашелъ себѣ учениковъ, можетъ быть, потому, что тогда не было подобныхъ ему по направленію талантовъ.—Можно причислить къ этому направленію только сочиненія *Iусти* Марбургскаго († 1846), разобравшаго подробно такъ названныя имъ національныя пѣсни Евреевъ (1803), 2 т.; еще извѣстна его книга: Цвѣты древней Еврейской поэзіи (1809. 2 т.); толкованія на Амоса, Михея, Наума, Аввакума и Іова, въ которыхъ главнымъ образомъ изслѣдуется поэзія и образность воззрѣній библейскихъ. И еще сюда же можно причислить *Умбрейта*, бывшаго перваго редактора извѣстнаго журнала Studien und Kritiken,—по характеру его толкованій на Екклезіаста, Пѣснь Пѣсней, Іова, Притчи, Пророковъ большихъ, и по различнымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ помянутомъ журналѣ.—Но эти послѣдніе оба далеко не то, что Гердеръ; тотъ, если можно выразиться, художникъ, эти болѣе систематики, хотя поэти-

ческое воззрѣніе у нихъ всюду замѣтно проглядываетъ.—Болѣе замѣтныхъ послѣдователей этого направленія,—которое могло бы много оживить сухость изслѣдованій и говорить болѣе сердцу, чѣмъ анализующей разсудочности,—не видно.

г) Изъ прежнихъ сектъ и партій, образовавшихся въ протестантствѣ, оставались въ силѣ и еще усилились въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ только *Мистики*. Исключительное вниманіе ихъ обращала на себя таинственность будущаго; любимымъ упражненіемъ ихъ поэтому было толкованіе Апокалипсиса. Подъ руководствомъ таинственныхъ изображеній этой книги, они старались прослѣдить исторію Церкви, приспособляя тѣ или другія изображенія къ тѣмъ или другимъ событіямъ исторіи, разгадать по нимъ смыслъ настоящаго и опредѣлить ходъ будущаго.— События и лица Ветхозавѣтной исторіи трактовали они также съ этой точки зрѣнія, примѣняя къ событіямъ и лицамъ Новозавѣтной исторіи, стараясь открывать по нимъ также смыслъ настоящаго и угадывать судьбы будущаго. Это были люди съ живой и пламенной фантазіей и сильно развитымъ чувствомъ, не удовлетворенные ходомъ современной науки, современныхъ направленій и вообще современнаго состоянія церкви и міра, и— большею частію невинные мечтатели. У нихъ были свои правила герменевтики, по которымъ они дѣлали свои примѣненія библейскихъ событій, лицъ и образовъ къ исторіи Церкви, къ тайнамъ настоящаго и будущаго.—Само собою разумѣется, что несмотря на всю теплоту и сердечность ихъ писаній, въ нихъ столько произвола, сколько можетъ быть его вообще при усиленной, въ ущербъ другимъ духовнымъ силамъ развитой, фантазіи, подчиненной исключительно изысканію тайнъ міра и религіи.—Развитію и усиленію этой секты содѣйствовали, кажется, много и бурныя политическія событія конца прошлаго вѣка, и усиленная борьба въ области религіи, возбужденная философскими школами.—Во всемъ этомъ они видѣли признакъ близкой кончины міра и пришествія антихриста и—отъ всѣхъ этихъ треволненій углублялись въ свои мистическія созерцанія.—Представителями этого направленія были: извѣстный *Юнгъ Штиллингъ* (1799), дѣтски благочестивый человѣкъ, который въ каждомъ шагѣ своей жизни видѣлъ особенное, непосредственное дѣйствіе Божества; *Зальцманъ*, *Гуртеръ*, мадамъ *Гіонъ*, и много др.—Въ томъ же направленіи, но совершенно самостоятельно дѣйствовалъ *Еммануилъ Шведенборгъ* († 1772), основавшій особую секту; она также держалась на Апокалипсисѣ, но онъ былъ только ис-

ходнымъ пунктомъ для ихъ догматической системы, какъ предмета ихъ экзегеза. Изъ сочиненій Шведенборга извѣстны: „Arcana coelestia in Genesin et Exodum“ и „De nova Hierosolyma“, полныя удивительной таинственности. Для философовъ своего времени соблазнъ, для историковъ и критиковъ нашего времени загадка, этотъ удивительный человѣкъ, у котораго въ головѣ была странная смѣсь раціонализма и фантастическаго мистицизма самаго мечтательнаго, смѣсь, приведенная однакожъ въ какую-то особенную странную систему, имѣетъ еще и доселѣ своихъ послѣдователей и довольно, и вліяніе ихъ по временамъ высказывается особенно въ толкованіяхъ Апокалипсиса.

д) Теперь мы, кажется, обозрѣли въ общихъ чертахъ всѣ главныя направленія экзегеза въ періодъ отдѣленія школы отъ Церкви—до начала настоящаго вѣка, когда начинается и доселѣ продолжается новый періодъ. Объединяя въ одной мысли всѣ эти направленія, мы можемъ обозначить все это время временемъ борьбы между супранатурализмомъ, который состоитъ въ вѣрѣ и признаніи непосредственнаго дѣйствія Бога въ судьбахъ міра, человѣчества и Церкви, и раціонализмомъ, натурализмомъ и др. философскими школами, которыя, весьма во многомъ разнясь между собою, сходны при борьбѣ съ супранатурализмомъ въ отрицаніи непосредственнаго дѣйствія Божества въ мірѣ, а подчиняютъ его общимъ міровымъ законамъ, и высшимъ судьей всего, даже и Божественныхъ откровеній, поставляютъ разумъ, а не само Откровеніе. Такого направленія въ экзегетикѣ до сихъ поръ намъ еще не случалось видѣть въ ея исторіи; это совсѣмъ новое начало, которому предлежало еще развиваться. Общая мысль этой борьбы слѣдующая: супранатуралисты указываютъ противникамъ ложь тѣхъ началъ въ изслѣдованіи Библіи, которыхъ они держатся, именно, что они къ исторіи Божественнаго откровенія прилагаютъ мѣрку ложной критики, когда отвергаютъ все, чего не можетъ понять разумъ человѣческій, и что̀ отличается отъ обыкновеннаго хода дѣлъ, напр. чудеса, пророчества, типы и пр., что они чрезъ это подчиняютъ религію разсудочности ограниченной, чрезъ это уродуютъ смыслъ Библейскихъ книгъ самымъ произвольнымъ образомъ, или отвергаютъ ихъ, что они сами съ собой несогласны во многихъ основныхъ взглядахъ и противорѣчатъ себѣ, что если они хотятъ быть послѣдовательными, то должны отвергнуть всякое религіозное ученіе и дойти наконецъ до совершеннаго атеизма. Мы увидимъ, что это оправдалось почти. Противники упрекали су-

пранатурализмъ въ томъ, что онъ не даетъ никакихъ правъ разуму человѣческому въ дѣлѣ религіи и вѣры, разуму, который одинъ можетъ рѣшать проблеммы объ основаніяхъ самой вѣры въ Библ. книги,—что онъ подчиняетъ Писаніе преданію, безъ достаточнаго основанія, и напередъ сложившимся догматическимъ опредѣленіямъ, что и преданіе-то онъ принимаетъ на столько, на сколько это позволяетъ система догматовъ и опредѣленій, и напередъ опредѣляетъ результаты, которыхъ должно достигнуть въ изъясненіи Писанія и разработкѣ преданія, что онъ наконецъ водится неопредѣленнымъ чувствомъ и ведетъ къ ложной мистикѣ въ экзегезѣ и жизни. Таковъ общій смыслъ и результатъ этого періода экзегетики.

VIII. Великія политическія событія, совершившіяся въ началѣ настоящаго столѣтія, имѣли весьма важное вліяніе на религіозное состояніе и Церковь въ Германіи. Выписываемъ слова одного изъ лучшихъ современныхъ историковъ, на безпристрастіе котораго въ этомъ отношеніи положиться вполнѣ можно. „Войны за освобожденіе народовъ, говоритъ онъ, называя этими словами войны въ началѣ вѣка,—въ отношеніи къ Германіи, сильно возбудили интересы религіозные и церковные. Сильно почувствовали, что между прочимъ упадокъ религіозности былъ причиной униченія Германіи и покоренія ея чужому игу. Въ великихъ событіяхъ, уничтожившихъ властелина міра (Наполеона), видѣли почти непосредственное дѣйствіе Бога въ міровой исторіи,—и религіозное чувство могуче пробудилось, и выразилось всюду съ великой живостью въ благодарности, раскаяніи и восторженныхъ желаніяхъ добраго будущаго“ (слова Гизелера). Но исходы этого взрыва религіознаго чувства были различны. Единодушно было только отвращеніе отъ этого легкомысленнаго и пошлаго трактованія Библіи и вообще религіи англійскими и французскими деистами и натуралистами, которое вздумало было проникнуть изъ Франціи и въ Германію, и которое на самомъ дѣлѣ въ такомъ видѣ несродно серьезному нѣмецкому уму. Натуральное объясненіе раціоналистовъ также потеряло кредитъ и, какъ мы упоминали, со временемъ взошло въ притчу, какъ нелѣпость, даже у людей вовсе не церковной партіи.—Это впрочемъ вовсе не значитъ, что супранатуральное воззрѣніе, развиваемое и защищаемое такъ называемыми церковными протестантскими школами, одержало тамъ побѣду надъ школами философскими,—далеко нѣтъ. Имъ въ различныхъ отношеніяхъ оставались недовольны. По мнѣнію однихъ, оно не

было довольно строго само въ себѣ и нестрого было проводимо, такъ что на него могли имѣть влiянiе и такiя безсмысленныя воззрѣнiя, какъ воззрѣнiя деистовъ и натуралистовъ; въ этомъ видѣли его поверхностность и нетвердость, вздумали обратиться къ вѣрѣ предковъ и ея искренности, въ ней искать того спокойствiя и порядка, которые были такъ нарушены въ протестантскомъ новомъ мiрѣ; для такихъ людей средніе вѣка получили особую прелесть, какъ время идеальное, время силы, простоты вѣры и благочестiя; къ нему они стремились душей, его хотѣли возстановить; на реформацiю стали они смотрѣть какъ на причину всего зла, и—Римская Церковь, твердо стоявшая среди всѣхъ этихъ религiозно-научныхъ смутъ протестантства, казалась имъ столпомъ истины и твердымъ прибѣжищемъ. Много и другихъ посторонниxъ причинъ содѣйствовали развитiю и утвержденiю этого взгляда на Римскую Церковь и—вотъ замѣчательное явленiе въ протестантской церкви: протестанты ученые и не ученые, богословы и не богословы, профессоры и не профессоры начали въ довольно значительномъ количествѣ переходить въ католицизмъ. Мы поименуемъ здѣсь извѣстнаго историка церкви—Фридриха *Штальберга*, профес. *Ярке* изъ Бонна, профес. *Филипса* изъ Берлина, извѣстнаго *Фридриха Шлегеля, Вернера, Шадова, Ранегаузена*,—было довольно и другихъ прежде представителей протестантства. Тамъ въ католичествѣ, они думали найти себѣ успокоенiе, въ его твердыхъ и стойкихъ воззрѣнiяхъ на христiанство и Библiю.

Еще болѣе, чѣмъ въ склонности къ католицизму этотъ взрывъ религiознаго чувства выразился въ стремленiи къ ложному мистицизму. Образовалось множество мистическихъ, тайныхъ братствъ съ различными стремленiями и цѣлями, съ тайными ученiями, въ которыхъ мечтательность доходила иногда до странныхъ размѣровъ, или соединялась съ рацiоналистическими тенденцiями, которыя, подъ влiянiемъ усиленной дѣятельности фантазiи, получали особый странный колоритъ,—таинственность, сокровенность всегда завлекаетъ, и многiе лучшiе умы времени увлеклись тайными обществами; другiе считали себя членами ихъ по модѣ, чтобы не отстать отъ другихъ.—Такъ сильны были многiя изъ этихъ тайныхъ обществъ, и такъ много было лучшихъ умовъ времени въ ихъ услуженiи, что не принадлежать къ нимъ, значило быть отсталымъ. Особенно сильны были такъ называемыя франкмасонскiя общества, съ громаднымъ количествомъ приверженцевъ и съ многочисленными раздѣленiями. Изъ Германiи они

распространялись быстро и въ другихъ государствахъ и находили себѣ много приверженцевъ, и даже въ лучшихъ людяхъ своего времени. Кромѣ нихъ усилились Шведенборгіане, образовались общества Ирвингистовъ, Баптистовъ и Анабаптистовъ, Михельянцевъ и множество др., которые *находили* себѣ большое число членовъ и въ Германіи, и внѣ ея, особенно въ протестантской Англіи, гдѣ и породились нѣкоторыя изъ нихъ. Не отдѣляясь видимо отъ церкви, а иногда и отдѣляясь, они, при толкованіяхъ Библіи, держались, по возможности, строго своихъ вѣроученій, старались отыскивать въ Библіи оправданія системъ и воззрѣній своихъ обществъ, и по большей части вдавались въ сильныя аллегоріи, которымъ приложеніе они находили всюду въ Библіи.—Но въ нихъ покрайней мѣрѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ и новыхъ мистическихъ сектахъ, хороша была эта теплота чувства, сила вѣры и задушевность, сильно противодѣйствовавшія развитію холодной разсудочности, для которой все равно—*такъ ли, не такъ ли*; но въ то же время ихъ недостатокъ—*мечтательность* и болѣе или менѣе пренебреженіе къ строго научному изученію предметовъ религіи, вѣры и Библіи. Они большею частію носятся въ туманѣ аллегорій,—хотя и невинныхъ и даже, можетъ быть, полезныхъ для религіознаго чувства.—Какъ общества большею частію тайныя, они вполнѣ не высказывались, а потому слѣдить за подробностями ихъ воззрѣнія невозможно, да и не нужно, пожалуй, потому что ихъ вліяніе теперь совсѣмъ не велико.—Это былъ временный исходъ сильнаго возбужденія религіозныхъ интересовъ, не удовлетворявшихся современнымъ состояніемъ протестантской церкви.

Несравненно важнѣе вліяніе открытыхъ, а не тайныхъ школъ, образовавшихся въ нѣдрахъ протестантской церкви въ Германіи на развалинахъ прежнихъ школъ. Борьба раціоналистической философской школы съ супранатуральнымъ воззрѣніемъ церкви не могла никакъ окончиться этой слабой, ничтожной попыткой раціонализма—объяснить всѣ сказанія чудесныя *естественно*, т. е., что это были естественныя, но необъяснимыя младенческимъ умомъ народа событія, явленія естественныхъ, но недовѣдомыхъ, неизвѣстныхъ тогда силъ природы, принятыя за явленія сверхъестественныя. Это скорѣе было только началомъ борьбы. Философія же въ лицѣ Канта, Фихте, Якоби и ихъ послѣдователей сдѣлала тогда огромные успѣхи, развила свои воззрѣнія сильно и самостоятельно. Невозможно было, говоримъ, чтобы ея развитіе отразилось на Библіи только раціоналистическимъ натура-

лизмомъ, и вотъ, по миновании событій, возбудившихъ такой сильный религіозный энтузіазмъ, эта борьба не замедлила принять большіе размѣры. Представителемъ философіи явился *Гегель*, и—школа такъ называемая новотюбингенская, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ его философскихъ воззрѣній, понятыхъ и развитыхъ съ чисто отрицательной стороны, явилась передовымъ бойцомъ за философское воззрѣніе на Библію. Представителемъ школы церковной, развивавшей чистый супранатурализмъ въ библейскомъ воззрѣніи, явился *Генгстенбергъ*. Какъ бы посредникомъ между этими крайними воззрѣніями, представителемъ такъ сказать философскаго супранатурализма или, какъ его называютъ еще, посредствующаго Богословія (Vermittlungstheologie)—былъ *Шлейермахеръ*, съ его школою. Воззрѣнія этихъ главныхъ школъ развивались во все послѣдующее время въ протестантскомъ богословіи, даже до сего дня, и развивались одновременно въ живой полемикѣ; но намъ лучше прослѣдить, хотя кратко, за ходомъ каждой изъ нихъ порознь до новѣйшихъ временъ, чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе о нихъ и ихъ представителяхъ и поборникахъ, въ отношеніи ихъ къ Библіи и экзегезу.

Гегель и Шлейермахеръ—два главные двигателя философской и богословской мысли школы,—какъ ни различны были ихъ начала и основанія,—изъ которыхъ вышли и на которыхъ опирались и развивались ихъ воззрѣнія, имѣютъ то общее между собою, что оба признаютъ истину въ обоихъ прежнихъ воззрѣніяхъ—и философскомъ раціоналистическомъ, и супранатуральномъ—церковномъ, но истину (по ихъ мнѣнію) односторонне взятую и потому неполную истину, и развитую какъ крайность, какъ односторонность; а потому оба они стремились установить и раскрыть новую высшую точку зрѣнія, въ которой бы односторонность и противоположность тѣхъ воззрѣній исчезала и примирялась.—Задача весьма трудная, правильнаго рѣшенія которой ожидать было трудно, чтобы не сказать, невозможно; въ рѣзкихъ крайностяхъ и противорѣчіяхъ должна была разрѣшаться она, и дѣйствительно странныя крайности явились здѣсь, особенно въ отрицательной критикѣ библейской исторіи, пока крайность, какъ крайность и ложь, не выразилась прямо и открыто и тѣмъ не обличила несостоятельности системы и не вызвала другаго направленія мысли.

Гегель († 1831), съ тѣхъ поръ, какъ, бывъ свидѣтелемъ неистовыхъ нападокъ на религію, христіанство и Библію со

стороны деистовъ, натуралистовъ и раціоналистовъ, пошелъ болѣе самостоятельнымъ и новымъ путемъ въ философіи, первоначально, кажется, не думалъ, что встанетъ въ оппозицію христіанству; онъ думалъ образовать оппозицію скорѣе помянутымъ пошлымъ воззрѣніямъ на Библію, къ которымъ онъ чувствовалъ смертельное отвращеніе и—прояснить супранатуральное воззрѣніе философски-раціональнымъ путемъ. Онъ недоволенъ былъ тѣмъ супранатурализмомъ, который развивала церковная школа, и искалъ философски понять и прояснить христіанство, какъ откровенную религію, не думая, можетъ быть, что встанетъ въ оппозицію ему, и что чистое христіанство и Библія не узнаютъ себя въ его системѣ, и особенно въ крайней сторонѣ его школы. Существенное содержаніе религіи вообще и въ частности христіанства, какъ высшей, откровенной формы религіи, по его понятію, одно и то же; различіе должно быть только въ формѣ представленія и пониманія, такъ какъ одно и то же содержаніе одна и та же вѣчная истина въ христіанствѣ, какъ религія, принимается и понимается въ формѣ *чувства и представленія*, а въ философіи, какъ наукѣ, въ формѣ *чистаго понятія*, чистой мысли.—Въ этомъ смыслѣ онъ и трактуетъ религію и философію, и съ этого штандпункта нѣкоторые изъ ближайшихъ и умѣренныхъ учениковъ Гегеля трактовали даже догматику, подводя не только чистое библейское воззрѣніе, но и символы вѣры лютеранской церкви подъ идеи и положенія Гегеля (Маргейнелке).—Что изъ этого выходило, понятно само собою, но все таки Гегель и его школа считались сначала за консерваторовъ въ дѣлѣ религіи и вѣры.—Усиленная его дѣятельность, вліяніе и быстрое распространеніе его философскихъ воззрѣній, начались съ тѣхъ поръ, какъ изъ Іены и Гейдельберга, гдѣ онъ не имѣлъ особаго значенія, перешелъ онъ въ Берлинскій университетъ (1818). Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго Прусскаго правительства и многихъ знатныхъ лицъ; думали найти въ его философіи систему совершенно консервативную, которая вновь полагаетъ твердыя основанія и утверждаетъ систему и государства, и церкви, успокоиваетъ возбужденные умы и защищаетъ status quo.... и церкви, и государства отъ многоразличныхъ нападеній либерализма. Такимъ образомъ философія Гегеля была одобряема свыше, и молодые люди, приверженцы ея, могли всегда расчитывать на поддержку правительства. Вотъ какъ и случилось, говоритъ Гизелеръ, что быстро образовалась весьма значительная школа Гегеля. Само собою разу-

мѣется, прибавляетъ онъ, что изъ этихъ безчисленныхъ гегеліанцевъ весьма многіе усвояли себѣ только фразы и формулы своего учителя, не понимая дѣйствительнаго смысла его философіи, на что постоянно жаловался и самъ Гегель.—Но въ самомъ дѣлѣ, въ его системѣ, въ приложеніи ее къ Библіи и богословской наукѣ вообще было очень много темнаго и непонятнаго. Желаніе прояснить библейскій супранатурализмъ чистой мыслью, т. е. своей особой системой воззрѣнія и видѣть въ нихъ единство, заставляло его употреблять обычныя библейскія выраженія, но съ другимъ смысломъ, съ другимъ воззрѣніемъ, основоположенія котораго тоже были невыяснены или выяснены слишкомъ отвлеченно и мудрено, и не мудрено, что его не совсѣмъ и не всегда понимали даже лучшіе изъ его учениковъ и послѣдователей Къ тому же нѣкоторые предметы ученія были тайнами школы, о которыхъ прямо и открыто не выражались, а подъ условными фразами,—и немудрено, что школа тотчасъ по смерти учителя распалась на два почти враждебныхъ лагеря, такъ называемыя правая и лѣвая сторона гегельянцевъ, изъ которыхъ первая развивала положительную сторону Гегелевой системы и въ развитіи ея дошла почти до протестантской ортодоксіи, послѣдняя же развивала чисто отрицательную сторону, и здѣсь-то ясно высказалось, куда ведетъ это воззрѣніе,—можетъ быть, самъ Гегель и никогда не дошелъ бы до этихъ крайностей (о которыхъ мы будемъ говорить), но основанія для развитія этихъ крайностей лежали въ его системѣ, какъ въ зернѣ,—да и когда сама она болѣе и болѣе развивалась и прояснялась, не трудно было уже видѣть, каковъ ея консервативный характеръ въ отношеніи къ церкви, религіи и Библіи, и, говорятъ, подъ конецъ своей жизни самъ Гегель, ясно уже сознавая значеніе своей системы, усиленно началъ мирить ее съ чистымъ христіанствомъ и Библіею; но все-таки христіанство и Библія не могли узнать себя въ его системѣ. Въ основаніяхъ своихъ философскихъ воззрѣній Гегель тогда стоялъ еще въ единеніи съ другимъ великимъ философомъ своего времени—Шеллингомъ, и ихъ система философіи извѣстна была подъ именемъ логическаго пантеизма; Гегель только строже и полнѣе развилъ это воззрѣніе и формулировалъ его, чѣмъ Шеллингъ; но за то послѣ, увидѣвъ, куда повело это воззрѣніе, развитое и формулированное Гегелемъ, Шеллингъ отказался отъ него, призналъ одностороннимъ, и со временемъ явился съ своей новой философской системой.

Сущность философіи разсматриваемаго направленія, которое названо логическимъ пантеизмомъ Гегеля и Шеллинга, можно выразить такъ: Богъ есть Абсолютное, Все; слѣдовательно, Богъ и міръ суть одно. Природа и духъ, бытіе и мышленіе, идеальное и реальное, суть только различныя формы проявленія и развитія одного существа, Абсолютнаго или Бога, который не выше, не внѣ и не подлѣ міра имѣетъ бытіе, какъ особое, отдѣльное существо,—но одно со вселенной, одушевляющее начало ея или душа міра, и весь міръ—вселенная есть только процессъ самооткровенія Абсолютнаго, откровеніе существа самого, такъ что все видимое—существующее есть проявленіе и развитіе существа, по выраженію Шеллинга, реальной потенціи, а все невидимое—духовное—обнаруженіе и развитіе потенціи идеальной.—Богъ и вселенная значитъ одно; всѣ частности въ сей послѣдней суть только откровенія существа Бога—въ видимомъ или не видимомъ,—въ бытіи и мышленіи. Въ природѣ не одушевленной Божество живетъ еще безсознательно—въ покоѣ; сознательнѣе этотъ живой Духъ проявляется въ царствѣ животномъ; но полное откровеніе его есть человѣкъ, какъ микрокосмъ. Вслѣдствіе сей сознательности человѣкъ необходимо имѣетъ религію, какъ откровеніе Божества въ его духѣ; но къ полному сознанію этой религіи или этого откровенія человѣчество, подобно отдѣльному человѣку, идетъ постепенно: сначала стоитъ въ непосредственности дѣтскаго сознанія своего единства съ природою и Божествомъ, когда у человѣка нѣтъ еще рефлексіи и раздвоенія въ сознаніи (состояніе невинности); затѣмъ слѣдуетъ раздвоеніе сознанія—отличіе себя отъ природы и Божества,—Божество является здѣсь въ сознаніи человѣка отдѣльнымъ отъ міра и человѣка и противоположнымъ имъ; разумѣется, здѣсь много степеней этого сознанія; наконецъ, человѣкъ снова приходитъ въ единство съ ними уже сознательное, разумное.—О первомъ изъ этихъ моментовъ въ его развитіи ничего нельзя сказать, и мы можемъ лишь по теоріи и аналогіи судить о немъ; второй выразился во всѣхъ дохристіанскихъ религіяхъ, которыхъ отличительный характеръ—представленіе Божества, какъ существа отдѣльнаго отъ человѣка и природы; это выражается въ идолѣ и миѳѣ, какъ олицетвореніи религіозныхъ идей и воззрѣній въ небывалыхъ событіяхъ; третій моментъ есть христіанство, основная идея котораго есть идея вочеловѣченія Божества, т. е. сознаніе единства Божества и человѣчества.—Вотъ сущность всего

этого направленія философіи--логическаго пантеизма, въ приложеніи къ религіи. Не наше дѣло разбирать это воззрѣніе, наше дѣло обратить вниманіе лишь на вліяніе этого воззрѣнія на пониманіе и толкованіе Библейскихъ книгъ (и Евангелій въ частности.)

Понятное дѣло, что считать это содержаніе философіи одинаковымъ съ содержаніемъ христіанства и видѣть въ первой философское поясненіе и оправданіе истинъ христіанства,—это самообольщеніе, самообманъ, возможный только тогда, когда бы отказаться отъ христіанства—какъ оно исторически явилось и оправдалось и какъ само о себѣ говоритъ въ своихъ свящ. книгахъ и исторіи Церкви, отказаться и создать по новой системѣ новое христіанство, которое совсѣмъ почти не похоже на дѣйствительное христіанство: ибо главный пунктъ христіанства—откровеніе здѣсь понимается совсѣмъ иначе, чѣмъ въ христіанствѣ,—какъ всеобщее развитіе Божества въ человѣчествѣ до сознанія себя самого, а не какъ откровеніе личнаго, живаго Бога человѣку, какъ своему образу. Объ особенныхъ откровеніяхъ Божества человѣчеству, какъ это повѣствуется въ Библ. книгахъ, здѣсь нѣтъ и рѣчи, и потому опорою истины и убѣжденія въ ней здѣсь не авторитетъ Бога, какъ личнаго, совершеннѣйшаго Существа, сообщающаго непосредственно свою волю, а философское понятіе о саморазвитіи Божества.—Когда же здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ особенномъ откровеніи Божества—какъ его понимаетъ христіанство: то возможное ли дѣло, чтобы въ этой философіи раскрывался смыслъ откровенной религіи и философски оправдывалась она? Даже къ великому историческому лицу—Іисусу—основателю христіанской религіи, эта философія относится равнодушно,—было ли на самомъ дѣлѣ все то, что повѣствуется объ этомъ Лицѣ; для нея важна только идея Христа, идея единства Бога и человѣка, возвышеніе сознанія человѣка до единства съ Божествомъ; какъ увидимъ, философія эта въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, отнеслась даже непріязненно къ историческимъ сказаніямъ о лицѣ Іисуса—этому средоточію Христіанской религіи.—Какъ же, значитъ, эта система отнеслась къ В. Завѣтной и Н. Завѣтной религіи и свящ. книгамъ этой религіи?

Вы видите, что эта философія не хочетъ отличать іудейскую и христіанскую религіи, какъ истинную, отъ всѣхъ прочихъ языческихъ религій, какъ ложныхъ—въ томъ смыслѣ, какъ смотритъ на то само св. Писаніе и Церковь, она видитъ

во всѣхъ ихъ одинаково откровеніе Божества въ духѣ человѣческомъ, и различаетъ ихъ только по степенямъ этого откровенія, и — какъ во всѣхъ до христіанскихъ религіяхъ видитъ легенды и миѳы: точно также и въ Іудейской. Понятіе легенды и миѳа и приложеніе ихъ къ В. Завѣтной исторіи было уже не ново; оно родилось еще въ предшествовавшій періодъ; на него указалъ Шеллингъ еще въ раннихъ своихъ сочиненіяхъ,—Габлеръ его развилъ, а Бауэръ (Лор.) сдѣлалъ опытъ приложенія его къ В. Завѣту. Но это дѣлалось лишь отрывочно, для примѣра, безъ надежныхъ философскихъ оснований; теперь же въ системѣ Гегеля оно получило философскую санкцію и встало на почвѣ философскаго изложенія исторіи твердой ногой. Такимъ образомъ теперь смѣлѣе стали событія В. Завѣтной Еврейской исторіи или собственно воззрѣніе писателей на событія трактовать такъ, какъ и у другихъ древнихъ языческихъ народовъ — какъ легенды и миѳъ. Сначала это воззрѣніе также приложили лишь къ нѣкоторымъ В. Завѣтнымъ сказаніямъ; потомъ все болѣе и болѣе наводили этотъ взглядъ на В. Завѣтъ, а потомъ и на Новый. Послѣ того, какъ Шеллингъ и Габлеръ развили исторію миѳа у языческихъ народовъ, разультаты были приложены къ В. Завѣтной исторіи и подвергли ее по сему случаю довольно подробной критикѣ. Руководствовались той мыслью, что древняя исторія всѣхъ народовъ наполнена легендами и миѳами; зачѣмъ же одну исторію еврейскую дѣлать исключеніемъ изъ общаго? „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Шеллингъ, повѣствованіе должно считаться миѳомъ, если оно относится къ тѣмъ временамъ или происходитъ изъ тѣхъ временъ, когда еще не было исторіи письменной, и факты переходили въ потомство чрезъ посредство устнаго преданія, — если факты непонятные и необъяснимые, какъ наприм. такъ называемые сверхъ-естественные, или такіе, которыхъ свидѣтелемъ и очевидцемъ никто не былъ, служатъ предметомъ сказанія. А такихъ сказаній, говоритъ онъ, въ книгахъ Библейскихъ много".—Но В. Завѣтъ вполнѣ утверждается и поясняется Новымъ; отвергая историческую дѣйствительность нѣкоторыхъ В. Завѣтныхъ сказаній историческихъ, нельзя было оставить въ покоѣ и Н. Завѣтныя; признавая послѣднія, отвергать достовѣрность первыхъ было бы безсмыслицей. И вотъ *главное* вниманіе дѣйствительно обращено было на Н. Завѣтныя сказанія о Христѣ и Апостолахъ, и миѳологическое воззрѣніе перенесено было и на Н. Завѣтныя сказанія.—

Но здѣсь предстояло много важныхъ затрудненій, отъ которыхъ необходимо было избавиться, какъ-бы то ни было. Вопервыхъ, сама же эта философія поставляетъ христіанство выше всѣхъ религій, которыя имѣютъ въ воззрѣніи своемъ миѳы. Какъ же теперь перенести это воззрѣніе на Н. Завѣтную Евангельскую и Апостольскую исторію?—Въ разрѣшеніе этого затрудненія разсматриваемое воззрѣніе гласитъ, что всякая частная религія, даже самая высшая, какъ христіанская, въ развитіи своемъ проходитъ тѣ же степени,—которыя вообще проходитъ развитіе религіознаго сознанія человѣчества, т. е. сначала непосредственная дѣтская вѣра, потомъ распаденіе этой непосредственности и—наконецъ, вѣра сознательная, и потому въ началѣ всякой религіи бываетъ миѳъ.—То же, говорятъ, было и съ христіанствомъ.—Далѣе: времена Христовы—уже времена историческія, слѣдовательно, представляется не возможнымъ во времена историческія образованіе новаго цѣлаго круга миѳовъ, которыхъ корень всегда въ доисторическомъ періодѣ. Во избѣжаніе этого затрудненія стали говорить, что идея древности есть идея относительная. Для Римлянъ и Грековъ, наприм., - народовъ образованныхъ и развитыхъ--это былъ уже историческій періодъ, когда циклъ миѳовъ уже заключился; но для другихъ народовъ, менѣе образованныхъ, какъ напр. Евреи, продолжался еще тотъ же періодъ, подъ вліяніемъ котораго составились и ихъ собственные миѳы (Странное дѣло, замѣтимъ мимоходомъ,—какъ будто не среди этихъ образованныхъ народовъ, у которыхъ былъ уже историческій періодъ,—распространялось христіанство! къ евреямъ-то вѣдь оно именно и не привилось, а развивалось именно у этихъ народовъ, у которыхъ была уже исторія. Но этого какъ будто и не хочетъ знать теорія миѳологистовъ!). Наконецъ, предстояло то важнѣйшее затрудненіе, что вѣдь наши Евангелія, по свидѣтельствамъ древнихъ, произошли отъ очевидцевъ тѣхъ событій, которыя въ нихъ описываются; слѣдовательно, тутъ никакихъ миѳовъ предполагать нельзя. Это заставило обратить вниманіе на критику самыхъ книгъ Евангельскихъ, ихъ происхожденія, подлинности, достовѣрности, характера и пр. И такъ какъ это все должно было происходитъ подъ вліяніемъ задней мысли, чтобы оправдать и спасти любимое тогда философское воззрѣніе; то можно было ожидать, что послѣдователи его напрягутъ всѣ силы, чтобы отвергнуть подлинность происхожденія Евангелій отъ Апостоловъ. Такимъ об-

разомъ, и критика исторіи Евангельской, и критика писаній Евангельскихъ должны были соединиться въ одно, чтобы подкопать историческое основаніе христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ и іудейства древняго, чтобы провести теорію саморазвитія религіи въ человѣчествѣ. Эти воззрѣнія, вытекшія прямо изъ гегелевской системы, прилагали къ Библіи—*Фатке* въ разныхъ статьяхъ и цѣлой книгѣ - Religion d. A. Testament.; *Вильратъ, Лоренцъ Бауэръ, Маттей, Устери, Матисъ* и др. Но эти приложенія были еще сдержаны, прикрыты кажущимся уваженіемъ къ религіи и христіанству, хотя неполнымъ, и вообще не слишкомъ рѣшительны,—крайность была еще впереди, и должна была явиться и явилась скоро.—Въ такомъ положеніи было дѣло, когда появилась книга, поразившая даже смѣлыхъ миѳологистовъ своею смѣлостію—Это—Das Leben Jesu—профессора тогда Тюбингенскаго Университета Дав Штрауса,—это полное выраженіе теоріи миѳологистовъ въ приложеніи ея къ главному пункту христіанства—Евангельской исторіи; а потому, чтобы видѣть, какова вся эта теорія, нужно сказать нѣсколько поболѣе о ней.—Здѣсь именно, на этомъ пунктѣ, выразилась вся крайность этого воззрѣнія, и здѣсь можно видѣть всѣ характеристическіе пріемы, употребляемые этой критикой въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и мы прослѣдимъ въ общихъ чертахъ развитіе этой крайности.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ не стѣсняясь высказываетъ, подъ какимъ вліяніемъ стоитъ онъ и чего хочетъ, когда приступаетъ къ изслѣдованію Евангельской истиріи, говоря, что супранатуральное, равно какъ и раціоналистическое и натуралистическое, воззрѣніе на исторію Іисуса отжили свой вѣкъ (будто),—и что, слѣдовательно, время и развитіе требуютъ другого воззрѣнія.—Слѣдовательно, критикъ стоитъ подъ вліяніемъ предзанятаго взгляда, и изъ его книги не трудно понять, какой это взглядъ, - это взглядъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ философіи Гегеля и Шеллинга.— И такъ онъ приступаетъ къ Евангельской исторіи не съ чистымъ желаніемъ узнать чистую истину, а съ намѣреніемъ—своею критикою оправдать предзанятое философское воззрѣніе на лицо и исторію Іисуса, съ намѣреніемъ доказать подробнымъ разборомъ Евангельскихъ сказаній, что эта исторія носитъ миѳологическій характеръ.—Уже изъ этого одного понятно, насколько будетъ безпристрастія въ этомъ его изслѣдованіи.—Еще яснѣе это видно изъ критическихъ

пріемовъ или критическихъ началъ, которыми пользуется онъ при изслѣдованіи этой исторіи, для оправданія предзанятой мысли объ этой исторіи,—началъ, которыя онъ прямо не высказываетъ, но которыя ясно усматриваются въ его книгѣ, такъ что не трудно перебрать ихъ всѣ;—мы разберемъ, покрайней мѣрѣ, главныя.—Вотъ эти начала:

1) Онъ не обращаетъ вниманія на происхожденіе, первоначальное назначеніе, цѣль и происшедшія отсюда особенности каждаго изъ Евангелій, по дошедшимъ до насъ сказаніямъ древнихъ писателей, а разсматриваетъ ихъ просто какъ 4 біографіи одного лица, написанныя по одинаковымъ потребностямъ, съ одинаковой цѣлью и назначеніемъ, совершенно въ одномъ родѣ и духѣ.—Читатель пожалуй сразу и не замѣтитъ этого, или если и замѣтитъ, то не придастъ значенія; а между тѣмъ автору—полная свобода сопоставлять сказанія о событіяхъ, не стѣсняясь ни чѣмъ, что̀ обыкновенно при критикѣ всякаго рода древнихъ письменныхъ источниковъ необходимо имѣется въ виду, т. е. положеніе писателя, его намѣренія, цѣли и отношенія къ другимъ, и пр. Первый некритическій и небезпристрастный пріемъ! Къ чему такое вредное и неосновательное исключеніе изъ общихъ правилъ исторической критики, когда есть данныя для рѣшенія означенныхъ вопросовъ?!

2) Разсматривая четыре повѣствованія, говорящія объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, онъ сноситъ ихъ сказанія объ извѣстномъ событіи, сколько ихъ есть, изъ всѣхъ ли четырехъ,—если во всѣхъ есть о немъ сказанія, или изъ трехъ, если въ одномъ нѣтъ, или изъ двухъ, если въ остальныхъ нѣтъ,—и смотритъ, какія въ нихъ есть разности и нѣтъ ли въ нихъ противорѣчія. Если разности неважны, касаются лишь словъ, напримѣръ, и нѣкоторыхъ оборотовъ: то онъ показываетъ видъ, какъ будто не обращаетъ на нихъ вниманія и не придаетъ никакого вѣса имъ; а между тѣмъ ex abrupto ставитъ ихъ одно подлѣ другого, чтобы рельефнѣе выставить ихъ хотя малое и неважное различіе, употребляя оборотъ: „между тѣмъ какъ одинъ выражается такъ, другой изображаетъ такъ, третій говоритъ такъ,“ т. е. представляя, какъ будто тутъ есть дѣйствительное различіе въ повѣствованіяхъ, и ничего не говоря о единствѣ ихъ сказанія при разности выраженій и оборотовъ рѣчи.

3) Если есть довольно важныя разности въ сказаніяхъ: то онъ не только не постарается собрать одинаковыя черты

и по нимъ опредѣлять важность разногласія, а выставляетъ ихъ, какъ дѣйствительныя *противорѣчія* и затѣмъ уже безбоязненно объявляетъ сказаніе недостовѣрнымъ и прилагаетъ къ нему теорію миѳа.

4) Если есть сходныя сказанія двоихъ или троихъ о подобныхъ, но различныхъ событіяхъ (объ исцѣленіи, наприм. слѣпыхъ, о питаніи хлѣбомъ), то онъ старается представить эти сказанія, какъ сказанія объ одномъ и томъ же событіи; и такъ какъ сказанія въ этомъ случаѣ поставляются въ противорѣчіе между собою въ частностяхъ (что́ необходимо, по тому что въ нихъ повѣствуется о различныхъ, только сходныхъ событіяхъ); то онъ торжественно провозглашаетъ, что это явное противорѣчіе, никакъ не примиримое, слѣдовательно, сказанія не имѣютъ исторической достовѣрности и затѣмъ опять, какъ правый, прилагаетъ къ нимъ теорію миѳа.

5) Если въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ Евангеліяхъ даже прямо указывается на различное время совершенія извѣстныхъ сходныхъ событій и слѣдовательно ясно показывается, что это событія различныя, только подобныя (какъ, наприм. двухкратное изгнаніе изъ храма торжниковъ); то и въ этомъ случаѣ онъ старается доказать, что это сказанія объ одномъ и томъ же событіи и—разумѣется, опять вопіетъ о противорѣчіи; даже это самое указаніе различія во времени выставляетъ, какъ противорѣчіе Евангелистовъ,—и не думая смотрѣть на таковыя сказанія, какъ на сказанія о разныхъ событіяхъ, только сходныхъ.—Подите—говорите съ нимъ!

6) Если объ извѣстномъ событіи находятся сказанія у двухъ только Евангелистовъ, а два другіе не говорятъ о немъ: то онъ не обращаетъ вниманія на то, почему извѣстное сказаніе не у всѣхъ есть (что́ можно часто узнать изъ разсмотрѣнія характера и назначенія Евангелія), а употребляетъ слѣдующую формулу: „о такомъ-то событіи есть сказанія у такого-то и такого-то Евангелиста, другіе-же двое не знаютъ о немъ ничего (wissen nichts);“ какъ будто изъ молчанія непремѣнно нужно заключить во всякомъ случаѣ, что умалчивающій о событіи не знаетъ о немъ ничего.

7) Когда два или три Евангелиста, независимо одинъ отъ другого, говорятъ объ извѣстномъ событіи, сообразно цѣли и назначенію своихъ книгъ,—одинъ короче, другой полнѣе, а третій еще полнѣе: то въ этихъ случаяхъ, вмѣсто прямой причины, онъ предполагаетъ *степень развитія* сказаній народныхъ объ этомъ событіи, когда простой случай современемъ

болѣе и болѣе украшается народной фантазіей, и сказаніе становится полнѣе и полнѣе, съ большимъ количествомъ подробностей.—Туже операцію, гдѣ можно, производитъ онъ и надъ сказаніями о разныхъ, но сходныхъ событіяхъ, которыя онъ не задумывается называть сказаніями объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ будто составились разныя народныя сказанія болѣе или менѣе обширныя.

8) Когда есть въ сказаніяхъ объ извѣстномъ событіи нѣсколько разностей, которыя онъ называетъ громкимъ именемъ противорѣчій; то сопоставляетъ прежнія объясненія и разрѣшенія ихъ, *повременамъ умалчивая о лучшихъ*, какъ будто-бы о худшихъ; а если выставляетъ и лучшія, то силится показать, что они не объясняютъ дѣла, а затѣмъ уже не бращаетъ вниманія на то, *возможно ли* объясненіе ихъ, и употребляетъ слѣдующую формулу: „такое-то объясненіе не объясняетъ дѣла, такое-то не идетъ и это не годится, слѣд., разногласія *нельзя* объяснить и слѣд. ...

9) Величайшее значеніе даетъ онъ апокрифическимъ книгамъ, ставя ихъ совершенно въ параллель Евангельскимъ сказаніямъ. Конечно, онъ расчитываетъ при этомъ на то, что большей части читателей его неизвѣстны эти апокрифы или извѣстны только *по имени*,—и слѣдовательно, они не поймутъ неумѣстности и нелѣпости этой параллели. И такъ какъ эти апокрифы, большею частію — выродившіеся изъ позднѣйшихъ народныхъ, болѣе или менѣе извращенныхъ, сказаній, иногда подъ вліяніемъ еретиковъ, всѣ носятъ на себѣ печать легенды, то онъ отъ нихъ заключаетъ и къ каноническимъ Евангельскимъ сказаніямъ, доказывая, что и здѣсь тоже легенда и миѳъ.

10) Когда объ извѣстномъ событіи находится сказаніе у одного только Евангелиста и даже нѣтъ въ апокрифахъ и слѣдов. сопоставить сказанія не съ чѣмъ, нельзя и найти разногласіе или противорѣчіе: то онъ доказываетъ изъ внутреннихъ (якобы) свойствъ самаго сказанія невозможность событія въ томъ видѣ, какъ оно описано; т. е. проще,—все сверхестественное считаетъ невозможнымъ, во всемъ необычайномъ видитъ черты вымышленныя и сказочныя и рѣшаетъ, что сказаніе есть легенда и миѳъ.

Вотъ какими пріемами (мы сказали бы лучше ухватками) пользуется Штрауссъ, какъ *началами исторической критики*, какъ будто въ насмѣшку и оскорбленіе всякой исторической критикѣ. И много еще мелкихъ софистическихъ пріемовъ,

преувеличеній, умолчаній, ложныхъ заключеній можно найти въ книгѣ его; но показанные пріемы — главные, которыми онъ всюду постоянно пользуется въ своей книгѣ.—Кажется нечего и говорить о характерѣ ихъ и разбирать ихъ; достоинство или лучше недостоинство ихъ видно такъ ясно, что авторъ *не почелъ даже нужнымъ* высказать ихъ *прямо*, какъ основанія своей критики, а, благоразумно умолчавъ о нихъ, разсѣялъ ихъ по всей книгѣ, скрывая и разнообразя ихъ по возможности; пусть кто хочетъ соберетъ ихъ всѣ, а большинство читателей навѣрное не соберетъ и не выведетъ ихъ на свѣтъ въ формѣ голыхъ положеній, причемъ уже очень ясно будетъ ихъ значеніе.—Если бы эти quasi начала исторической критики онъ вздумалъ приложить къ обыкновенной, нечудесной исторіи и по нимъ началъ бы разбирать сказанія объ извѣстной эпохѣ или извѣстной исторической личности, то никто бы не повѣрилъ тому, чтобы онъ сказалъ, и по всей вѣроятности своя же братія съ насмѣшкой и вѣжливой бранью возстали бы противъ него и заставили бы молчать. Но дѣло идетъ объ оправданіи любимаго философскаго воззрѣнія, которому совершенно противорѣчатъ прямыя сказанія богодухновенныхъ Евангелистовъ, которыя, слѣдовательно, нужно отстранить, чтобы спасти это воззрѣніе, и вотъ для *этой-то цѣли всѣ средства дозволяются*, какъ бы они ни были односторонни и пристрастны. Понятно, что́ сдѣлано изъ Евангельской исторіи, ка́къ немного осталось въ ней признаннаго историческимъ, когда рѣшились изслѣдовать ее по этимъ quasi, критическимъ началамъ.

Если хотя по одному сказанію у каждаго Евангелиста отвергнуть, какъ недостовѣрныя, вымышленныя, т. е. отвергнуть, что они записаны очевидцами и свидѣтелями достовѣрными, то и признавая единство *писателя каждой* Евангельской книги и не признавая онаго, нельзя уже остановиться въ дѣлѣ отрицанія на одномъ какомъ либо мѣстѣ и сказать, что вотъ это историческое, дѣйствительно было, а вотъ это вымышленное, чего не было, нельзя положить такимъ образомъ границу между историческимъ и не историческимъ въ Евангеліяхъ и сказать nec plus ultra; невозможно это потому, что здѣсь невозможно постановить никакихъ критическихъ началъ для такого или другого раздѣленія. Мы видѣли, какъ произвольны и нелогичны начала лучшаго представителя подобнаго опыта раздѣленія. Такимъ образомъ каждый можетъ совершенно, по своему усмотрѣнію, считать *одно* историческимъ, другой *другое*, третій *иное*, счи-

тая остальное не историческимъ, доколѣ наконецъ не дойдутъ до отрицанія всего историческаго: ибо ложное начало въ своемъ развитіи всегда *доходитъ* до *отрицанія себя*, обличая такимъ образомъ свою ложь. По этому общему историческому и логическому закону надлежало ожидать, что и съ Ев. исторіей будетъ то же; что напр. то, что Штраусъ считаетъ историческимъ,—другіе отвергнутъ; а неисторическое его признаютъ историческимъ, доколѣ не дойдутъ до отрицанія всего и—сами увидятъ свою ложь; надлежало также ожидать, что иные найдутъ болѣе историческаго, другіе менѣе, опять по тому же самому закону. Такъ и случилось. Слово Штрауса не было послѣднимъ и рѣшительнымъ; повели дѣло далѣе и довели. Представителями этого дальнѣйшаго развитія отрицательной критики служатъ въ особенности Вейссе, Гфререръ и Брюно Бауеръ, у которыхъ полнѣе выразились результаты развитія этой критики, чѣмъ у другихъ, и при сравненіи которыхъ безъ всякихъ опроверженій ясно видна вся несостоятельность этого воззрѣнія на Евангельскую исторію и—ложь его. И надо посмотрѣть, какое противорѣчіе, какое взаимное отрицаніе водворилось въ этой области, какая путаница понятій и началъ.—Одинъ говоритъ, что Христосъ ничего необыкновеннаго не совершалъ, ни одного чуда, какъ и Іоаннъ, что всѣ эти чудеса вымышлены для того, чтобы представить Христа Мессіею, такъ какъ по народному воззрѣнію Мессія долженъ былъ совершить много чудесъ. Другой говоритъ, что такое отрицаніе необыкновенныхъ дѣйствій невѣроятно, потому что въ такомъ случаѣ не было бы никакого субстрата для миѳа и значитъ, невозможно было бы развитіе его, да и Іисуса въ такомъ случаѣ никто не призналъ бы Мессіею, что слѣдовательно необходимо допустить совершеніе имъ необыкновенныхъ дѣйствій, только эти чудеса не были въ самомъ дѣлѣ сверхъестественными дѣйствіями а—кто бы подумалъ? дѣйствіями магнетизма, которымъ обладалъ Христосъ, и при помощи котораго исцѣлялъ множество больныхъ, что и было причиной, что его приняли за Мессію. И этакую вещь говоритъ одинъ изъ послѣдующихъ представителей этого направленія—Вейссе. Далѣе,—одинъ говоритъ, что все ученіе Христово, какъ оно записано въ Евангеліяхъ, вымышленное, что неизвѣстно достовѣрно, какъ и чему училъ Іисусъ, что можетъ сохранились какія нибудь краткія изреченія Его, которыхъ впрочемъ отдѣлить отъ вымышленнаго нѣтъ возможности. Другой говоритъ опять, что въ такомъ случаѣ не могли образоваться миѳы, что нужно признать подлинными многія ска-

занія о Его ученіи и—признаетъ подлинными почти всѣ притчи, такъ какъ тогда раввины говорили все въ притчахъ, отвергая подлинность всѣхъ такъ называемыхъ рѣчей, особенно содержащихся въ Евангеліи Іоанновомъ. Одинъ говоритъ, что никакихъ явленій по воскресеніи не было, что все это вымышлено; другой говоритъ, что явленія дѣйствительно были; только являлся не воскресшій съ своимъ тѣломъ, а его магнетическій духъ, который въ обликѣ человѣческомъ и вознесся на небо и т. д. Противорѣчіе и взаимное отрицаніе до малѣйшихъ подробностей, произволъ необычайный во всемъ и путаница великая, изъ которой путемъ отрицательной критики возможенъ былъ одинъ только выходъ—отрицаніе всего. Такъ и было; явился, наконецъ, человѣкъ, который, разбирая все это, пришелъ къ заключенію, что все, что ни говорится въ Евангеліяхъ,—вымыселъ, несоотвѣтствующій нисколько дѣйствительности. Это Брюно Бауэръ. Штраусъ еще довольно оставлялъ историческаго въ Евангеліяхъ. Resumé историческаго въ Евангеліяхъ по Штраусу можно выразить такъ: во времена Тиверія Кесаря жилъ въ Назаретѣ Галилейскомъ Іисусъ. Тогда же явился проповѣдникъ покаянія Іоаннъ и крестилъ. Іисусъ *былъ между его учениками и крестился*; потомъ, когда учитель Его былъ посаженъ въ темницу, онъ продолжалъ дѣло его и собралъ вокругъ себя учениковъ. Хотя онъ, подобно Іоанну, не творилъ чудесъ, а только поучалъ народъ, но вліяніе его было такъ велико, что народъ, съ нетерпѣніемъ ожидая тогда Мессію, подумалъ, не онъ ли и есть Мессія. Мало по малу и онъ самъ, видя огромное вліяніе свое и слыша толки о немъ, какъ Мессіи, утвердился въ мысли, что онъ въ самомъ дѣлѣ Мессія. Между тѣмъ господствующая партія жреческая воздвигла на него гоненіе, какъ на хульника божества и при помощи Римской власти распяла его. Тѣмъ и окончилось его поприще. У Брюно Бауэра и этого не осталось. Да что же наконецъ было? Что же, по его мнѣнію, случилось тогда? Да ничего не случилось особеннаго; или точнѣе: случилось что-то, да мы не знаемъ, что̀ именно;—жилъ во времена Тиверія въ Іудеѣ Іисусъ и за что-то распятъ. Вотъ весь результатъ изслѣдованій Бауэра, т. е. полное отрицаніе всего историческаго въ Евангеліяхъ. Далѣе этого въ отрицаніи идти было невозможно; но и никто не могъ остановиться на этомъ, потому что это противно всякой исторіи. Вотъ почему всѣ, даже свои, напали на книгу Бауэра; всѣ ясно увидѣли, наконецъ, что нельзя было стоять на этой почвѣ *долго*, *точно также*, *какъ нельзя стоять на од-*

номъ пальцѣ ноги; по необходимости должна была явиться реакція въ самомъ этомъ направленіи, и она явилась, какъ увидимъ, и такая сильная, что помянутымъ представителямъ этого направленія пришлось плохо. Штраусъ, послѣ попытки написать догматику въ своемъ вкусѣ, вынужденъ былъ писать апологію своей Leben Jesu и, не оправдавшись, замолчалъ и жилъ въ уединеніи, лишенный возможности дѣйствовать: его не принимали ни на одну университетскую каѳедру и не слушали больше.—Вейссе и Брюно Бауэръ ничего болѣе не писали; такъ какъ и писать-то въ этомъ родѣ болѣе было уже нечего. Гфререръ же—увы!—сталъ ярымъ, фанатическимъ католикомъ, отказавшись отъ своихъ воззрѣній.—*Книжка о свѣтской власти папы*.... Право, какъ будто люди въ бѣлой горячкѣ бросаются изъ крайности въ крайность! Недаромъ мыслящіе люди протестантизма приходили въ отчаяніе какое-то... Противъ этой крайности, противъ этого, выразимся такъ, безобразія возсталъ тогда же послѣ появленія книгъ Вейссе, Гфререра и Брюно Бауэра, самъ глава и основатель Тюбингенской школы, Ф. Х. Бауръ. Для всѣхъ ясно было, и Бауръ самъ высказалъ это прямо, что книги Штрауса и другихъ помянутыхъ нами писателей были зданіемъ безъ фундамента, развитіемъ отрицанія безъ историческаго основоположенія, приложеніе напередъ заданныхъ теорій къ исторіи безъ исторіи. Развили они отрицательную критику исторіи, не предпославъ ей критики самихъ книгъ, содержащихъ исторію, и принявъ напередъ за несомнѣнное, что книги эти не подлинно апостольскія, не произведенія очевидцевъ писателей, а позднѣе составленныя сказанія; оттого эта критика дошла и остановилась только на чисто отрицательныхъ результатахъ, что повѣствуемыя въ священныхъ книгахъ событія не историческія дѣйствительныя событія; положительные же результаты были основаны на чистомъ произволѣ, а наконецъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ отвергнуты.—Но какъ же въ книгахъ-то повѣствуется о нихъ, какъ историческихъ событіяхъ, какъ *самыя книги и писатели* относятся къ этому неисторическому характеру сказаній,—въ чемъ отличительный характеръ этихъ книгъ, какое ихъ назначеніе, какой способъ ихъ происхожденія и пр. положительные вопросы исторической критики были ими опущены, и значитъ, это была критика неисторическая, а теоретическая, субъективная, въ которой мѣриломъ историчности была добрая воля каждаго; эта критика только рѣшала, что это не такъ и это не такъ, а какъ же? отвѣта положительнаго не давала, а оттого или та-

кимъ образомъ все это разрѣшилось въ чистое отрицаніе. Этотъ недостатокъ историческихъ основоположеній для установленія и оправданія теорій о Библіи Гегелевской школы, какъ она выразилась въ трудахъ помянутыхъ писателей, восполнить и оправдать исторіей взялъ на себя теперь Бауръ и не многіе его послѣдователи въ этой области. Для достиженія своей цѣли они стараются опредѣлить характеръ, догматическія тенденціи, кругъ происхожденія, время происхожденія каждой изъ книгъ, содержащихъ въ себѣ повѣствованія о первыхъ временахъ христіанства, и опредѣляетъ все это по другимъ письменнымъ памятникамъ 1-го и 2-го вв., поставляя въ рядъ съ ними священныя книги. Такимъ образомъ здѣсь обращено вниманіе не на евангельскую, а главнымъ образомъ на апостольскую исторію, и—это отличительный характеръ Бауровой школы въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но какой же здѣсь исходный пунктъ, при отсутствіи историческаго характера въ описанныхъ событіяхъ тогдашняго времени? Бауръ принялъ за исходный пунктъ исторію *ученія* и его развитіе тогда, и по содержащемуся въ книгахъ ученію опредѣляетъ періодъ времени, къ которому относится ихъ происхожденіе, кругъ обществъ, гдѣ они произошли и пр.; именно, на выворотъ, какъ бы слѣдовало сдѣлать, какъ замѣтилъ Евальдъ. Вмѣсто того, чтобы по историческимъ фактамъ слѣдить за развитіемъ ученія, онъ по послѣднему судитъ о первыхъ и разумѣется выходитъ вмѣсто историческихъ изслѣдованій переуродованіе фактовъ и исторіи. Покажется, напримѣръ, ему, что Евангеліе Іоанна направлено противъ гностиковъ конца 2 в., что таково ученіе Евангелія, онъ и относитъ происхожденіе его къ тому времени, хотя бы противъ этого были различныя и твердыя историческія свидѣтельства; онъ ихъ устранитъ, заподозритъ. Въ результатѣ вышло то, что только пять книгъ изъ всего Новаго Завѣта принадлежатъ Апостоламъ: посланіе къ Римлянамъ, два къ Коринѳянамъ и Галатамъ—Павлу и Апокалипсисъ—Іоанну. Всѣ прочія книги явились послѣ Апостольскаго періода, отъ конца 1-го до половины 2-го вѣка, въ ихъ настоящемъ видѣ; были вѣроятно краткія записи, но онѣ частію утратились, частію вошли въ переработанномъ видѣ въ наши книги. Вслѣдствіе сего, въ нашихъ историческихъ книгахъ Новаго Завѣта уже не чистая исторія, а переработанная подъ вліяніемъ тѣхъ послѣ апостольскихъ воззрѣній, подъ коими составлялись эти книги. Но не все въ нихъ лишено историческаго характера. Потому исторію здѣсь надобно отдѣлять отъ позднѣйшей переработ-

ки ея. Понятно, какое широкое поле дается здѣсь личному произволу при отдѣленіи историческаго отъ яко бы не историческаго. Мы не имѣемъ въ виду теперь излагать подробнѣе воззрѣніе на періодъ апостольскій и послѣ-апостольскій этой школы, опредѣливъ ея цѣль и мысль, которую она преслѣдуетъ и которая взята изъ чуждой системы. Мы выпишемъ мнѣніе Евальда о характерѣ и дѣятельности всей этой школы Евальда, который, какъ извѣстно, далеко-далеко не принадлежитъ къ апологетамъ супранатурализма, какъ понимаетъ его церковная протестантская школа и церковь вообще,—который стоитъ въ противорѣчіи съ этимъ церковнымъ супранатуральнымъ воззрѣніемъ и стоитъ за интересы (будто бы) только науки, и которому, значитъ, можно довѣриться, когда онъ судитъ о научномъ методѣ изслѣдованій и направленіи другого. Въ предисловіи къ послѣднему тому своей Исторіи еврейскаго народа,—характеризуя настоящее состояніе науки и Библіи въ Германіи, онъ съ свойственною ему прямотою говоритъ: „Если нашему времени суждено выполнить великую задачу и въ дѣло Реформаціи внести нѣчто такое, что не являлось еще въ такомъ видѣ: то всѣ тѣ неизвинимы и причиняютъ величайшее зло, кто этого новаго хочетъ достигнуть превратнымъ путемъ, и хвалясь свободой и наукой, самъ презираетъ и расточаетъ эти блага. Это—ложная свобода и поверхностная наука, которая съ столь давняго времени составляетъ нашъ позоръ. Въ этой области въ наше время почти никто не дѣйствуетъ безумнѣе и вреднѣе Тюбингенскаго Баура,—этого основателя вреднѣйшей школы,—считаться основателемъ и представителемъ которой для него доселѣ еще составляетъ душевное удовольствіе, тогда какъ, если бы онъ поглубже понималъ исторію Церкви, новая исторія, какъ она развивается предъ его глазами, довольно внятно могла бы научить его, какія несчастныя слѣдствія вытекаютъ изъ его способа—играть наукой и составлять такую школу. Дѣло въ томъ: Баура издавна обуяли такія философскія, религіозныя и историческія заднія мысли и предразсудки, и у него такъ мала и такъ нечиста любовь къ строгой наукѣ и научной истинѣ, что если онъ берется за рѣшеніе какого либо темнаго вопроса, то нагонитъ на него только бо́льшую темноту и сдѣлаетъ бо́льшее зло. Увлеченный наукообразными поверхностями и совершенно извращенными духовными стремленіями Людвигсбургскаго Штрауса и другихъ ему подобныхъ, онъ постоянно съ своими учениками блуждаетъ вдали отъ Божественной любви, строгой науки и чи-

стой истины, и такимъ образомъ онъ высказалъ такія воззрѣнія на Новый Завѣтъ и древнѣйшую исторію, и на все значеніе христіанства, которыя могутъ нравиться только безсмысленной поверхностности нашего образованія нынѣшняго и льстить разрушительнымъ наклонностямъ времени и которыя ни въ комъ не найдутъ себѣ друзей и споспѣшниковъ, кромѣ враговъ Евангел. Церкви, и—многоразличныхъ темныхъ духовъ въ ней самой. Самое скверное и прискорбное у него то, что все въ его воззрѣніяхъ навыворотъ. Возьмемъ ли мы то, что онъ говоритъ о Павлѣ и другихъ Апостолахъ, или о Евангеліяхъ и о Христѣ самомъ, или о посланіяхъ Іоанна, или Апокалипсисѣ, или о древнѣйшей исторіи Церкви, и что онъ выставляетъ на показъ міру велерѣчиво - какъ результатъ свободныхъ изслѣдованій науки, все безъ исключенія у него навыворотъ. Вотъ теперь все его зданіе, которое онъ строилъ съ такой похвальбой предъ лицемъ цѣлаго свѣта, по частямъ разваливается, его наука о Библіи вмѣстѣ съ фантазіями его о древнѣйшей церковной исторіи, разбивается, а онъ еще хочетъ держаться (намекъ на апологію Тюбингенской школы, недавно изданную Бауромъ), и пріобрѣтши двухъ легковѣрныхъ учениковъ, которые, не понимая истиннаго положенія дѣлъ и состоянія науки, примкнули къ нему, думаетъ еще обманывать видимостію науки, которой недостаетъ первыхъ основныхъ условій, чтобы быть наукой.— Вообще, заключаетъ свой приговоръ Евальдъ, вся эта Штраусовская и Бауровская мудрость и воззрѣніе на Библію и христіанство съ самаго начала ея суть не что иное, какъ безпутный сонъ, который безпутныхъ людей дѣлалъ еще безпутнѣе; онъ выставилъ заблужденіе, которое было позоромъ, да и доселѣ еще служитъ позоромъ для науки, равно какъ для гражданской и церковной нашей свободы и всего вообще нашего образованія и здраваго прогресса.—Здѣсь вмѣсто свободы чистое рабство предъ новыми заблужденіями гадкаго рода, вмѣсто хода впередъ паденіе на пути, вмѣсто христіанства—происшедшее изъ извращенной философіи,—отсутствіе всякой религіи и вмѣсто прямой, открытой борьбы съ тьмою и зломъ времени,—только сгущеніе этой тьмы и усиленіе этого зла". Этотъ приговоръ относится и ко всѣмъ не многимъ друзьямъ и послѣдователямъ Баура,—членамъ Тюбингенской школы, немногочисленной. Приговоръ весьма мѣткій и сильный, какого не случалось встрѣчать даже со стороны вѣрующихъ,—супранатуралистовъ.—Впрочемъ, намъ кажется, что Евальдъ уже

слишкомъ строгъ къ Бауру и его школѣ; и ложное, крайнее направленіе имѣетъ свою хорошую сторону, такъ какъ нѣтъ худа безъ добра.—Кромѣ того, что крайность обличаетъ несостоятельность основной мысли и системы, и сама помогаетъ каждому оцѣнить ее по достоинству,—надо же признать, что въ развитіи частныхъ историческихъ вопросовъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ цѣлой системѣ, Бауръ, человѣкъ несомнѣнно обладающій огромными свѣдѣніями, сдѣлалъ довольно: его монографіи о Гностицизмѣ, о Монтанизмѣ и др., имѣющія предметомъ своимъ первые вѣка христіанства, пролили много свѣта на эту эпоху, указали на такія стороны, которыя до него не были подробно изслѣдованы.—Но вообще, можно согласиться съ Евальдомъ, что всѣ его и его школы *сочиненія имѣютъ значеніе почти исключительно отрицательное*, какъ вызовъ, какъ побужденіе къ изученію подробному и тщательному событій тѣхъ временъ и тѣхъ предметовъ, о которыхъ писали они, и—это вѣдь своего рода заслуга и значеніе; не слѣдуетъ только безусловно довѣрять ихъ воззрѣнію, зная заднюю мысль и цѣль всей школы. Вѣрно Евальдъ замѣтилъ и то, что школа эта видимо падаетъ, и основатель ея переживаетъ свою систему, что впрочемъ тамъ, при быстрой смѣнѣ идей и системъ, какъ выраженія частныхъ моментовъ въ логическомъ ходѣ раскрытія мысли, случается довольно часто и даже съ такими личностями, какъ Шеллингъ, пережившій чуть ли не три системы философій своихъ собственныхъ.—Да и естественно, что эта школа падаетъ. Это Евальдъ писалъ еще *при жизни* Баура. Со смертію его эта школа пала; остаются только: его зять Целлеръ, который въ послѣднее время перестаіъ почти писать, и Гильгенфельдъ, во многомъ измѣнившій основнымъ воззрѣніямъ школы.

Не забудемъ, что мы слѣдимъ за одной только стороной, въ которой проявляется одна—школьная мысль протестантства. Въ другихъ сторонахъ церковной жизни его были подобныя же крайности, а церковная жизнь имѣетъ тѣсную связь и съ другими сферами жизни. Книгами Штрауса, Вейссе, Гфререра и Брюно Бауэра въ нашей области, книгами Фейербаха о существѣ религіи и существѣ христіанства—въ области теоретической философіи и богословія, подобными же и въ другихъ областяхъ мысли, экзальтирована была крайняя сторона Гегельянцевъ, не очень впрочемъ многочисленная. Крайность должна была выразиться въ какихъ нибудь стремленіяхъ, какъ осуществленіи того, до чего она дошла,—и она

выразилась въ Gallischen Jahrbüchern въ 1843 г., въ пресловутомъ предисловіи, которое, можно сказать, было послѣднимъ рѣшительнымъ словомъ этого направленія,—ложнаго, но имѣющаго историческое глубокое значеніе. Здѣсь восторженно разсуждали о реформѣ сознанія, которая вмѣстѣ есть и реформа всего міра и которая теперь (т. е. въ 40 годахъ) неизбѣжно предстоитъ, объявили себя открыто противъ христіанства, говорили, что все старое – теперь ложь и ничто и пр. и пр. Конечно, это было странное явленіе въ кругу нѣсколькихъ экзальтированныхъ личностей... Но экзальтація продолжала настаивать на реформѣ сознанія и міра. Въ такихъ обстоятельствахъ было дѣло, когда на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV (въ 1840 г.). Въ то время ясно уже увидѣли, къ чему повела система Гегеля въ приложеніи ея къ дѣламъ вѣры и Церкви; крайніе Гегельянцы лишились уже сочувствія, когда крайность была слишкомъ очевидна, но у нихъ экзальтація не проходила. Нужно было ограничить ихъ, поставить какое либо противодѣйствіе. Новое правительство вполнѣ признало свободу совѣсти и печати, но въ помянутомъ направленіи не было уже свободы ни совѣсти, ни печати, а чистый произволъ, и нужно было дать этимъ умамъ другое направленіе или предохранить отъ нихъ другихъ. Съ этою цѣлью, кромѣ другихъ распоряженій, вызванъ былъ изъ Мюнхена въ Берлинскій университетъ старый Шеллингъ, котораго философская система была бы противуядіемъ крайнимъ стремленіямъ системы Гегеля въ ея крайнемъ развитіи. Извѣстно было, что Шеллингова философія первоначально была одинакова съ Гегелевскою, потомъ онъ отъ нея отказался, жилъ давно въ уединеніи, обработывая новую систему, извѣстно было ея направленіе и характеръ въ общихъ чертахъ и на нее возлагали большія надежды. Шеллингъ явился, началъ свои чтенія положительной философіи, какъ онъ назвалъ свою систему въ противоположность отрицательной, включивъ сюда и систему Гегеля. Огромнѣйшее собраніе слушало лекціи знаменитаго философа,—почтенные, сѣдые профессора и высшіе правительственные люди наравнѣ съ юными питомцами науки, съ жадностію слѣдили за лекціями Шеллинга и записывали ихъ; нѣсколько семестровъ читалъ онъ новую положительную философію. Цѣль была достигнута, но далеко не вполнѣ. Шеллингова система не удовлетворила ожиданій, точ-

но также какъ книга Неандера, написанная противъ Штрауса; реакція послѣдовала съ другой стороны, и мы потомъ увидимъ, къ чему она повела; а теперь возвратимся назадъ и прослѣдимъ вліяніе на богословіе и экзегезъ другаго человѣка, стоящаго въ дѣлѣ развитія науки наравнѣ съ Гегелемъ, предположившаго себѣ ту же цѣль—помирить супранатурализмъ и раціонализмъ въ одномъ высшемъ воззрѣніи.

Шлейермахеръ личность довольно загадочная. По воспитанію піэтистъ, слѣд. съ наклонностями къ мистицизму,—онъ страстно привязался къ Шеллингову первоначальному пантеизму, хотя въ приложеніи къ религіи онъ и видоизмѣнилъ его. Потомъ читалъ онъ въ одной аудиторіи съ Гегелемъ (въ Берлинѣ), и непріязненно относился и къ личности и къ системѣ Гегеля, хотя эта система—тотъ же строже развитый пантеизмъ Шеллинговой прежней системы; а на смертномъ одрѣ, какъ ядовито замѣчаетъ Шлоссеръ, явился истиннымъ старымъ лютераниномъ. Казалось бы,—противорѣчіе,—но нѣтъ, поклонники его видятъ въ немъ воплощеніе одной системы. Не оставилъ онъ школы, но вліяніе его было огромно на различныя направленія и системы Германской мысли. Отъ Штрауса до Генгстенберга, говорятъ, вліяніе его замѣтно на всевозможныхъ оттѣнкахъ партій; въ этомъ сознаются почти всѣ, какъ ни противорѣчивы сужденія о немъ разныхъ партій. Въ чемъ же тайна этого много—и разно-сторонняго вліянія?

„Не легко, конечно, говоритъ одинъ изъ историковъ новѣйшаго богословія на западѣ—Шварцъ, не легко обнять и выразить въ двухъ словахъ, въ парѣ общихъ категорій все научное значеніе этого человѣка. Шлейермахеръ безконечно отличается отъ *Гегеля, какъ по своей личности, такъ и въ наукѣ*.—Судьба поставила ихъ близко одного отъ другого; но они сошлись только, чтобы оттолкнуться; глубокой взаимной антипатіи исполнены они были до конца. Однажды Штраусъ Дауба (изъ школы Гегеля) и Шлейермахера по основному различію ихъ характера сравнилъ съ Гомеровскими Аяксомъ и Улиссомъ; съ такимъ же правомъ можно приложить это сравненіе къ Гегелю и Шлейермахеру. Особенность личности Гегеля—сила мысли разсудочной, которая заставляла его погружаться въ основаніе вещей, въ таинственныя глубины вселенной; Шлейермахеръ въ жизни и въ наукѣ—представитель субъективности, неутомимой подвижности, ѣдкаго остроумія и возбужденнаго чувства.—У него діалектическая вирту-

озность не только мысли, но и воли; но при этой силѣ діалектики, при этой неугомонной подвижности, — у него глубокая задушевность, нѣжное чувство, въ которыхъ смягчается эта діалектическая игра, безпокойство мысли восходитъ къ покою и примиренію, всѣ противоположности разрѣшаются въ единство, всѣ волнующіяся сомнѣнія находятъ себѣ надежный якорь, и въ этомъ контрастѣ, прибавляетъ Шварцъ, лежала непреодолимая сила его личности. — Однимъ словомъ, въ немъ было рѣдкое сочетаніе глубокой возвышенной религіозности, — мистики въ лучшемъ смыслѣ слова и безконечно подвижной разсудочной рефлексіи. — Не мудрено, что онъ пріобрѣлъ такое огромное вліяніе на представителей разныхъ партій съ многоразличными ихъ оттѣнками; не мудрено, что каждая находила въ немъ *многое для себя*. Но это лишь одна внѣшняя сторона дѣла. Главное — воззрѣніе; но здѣсь-то и есть невполнѣ уловимая сторона Шлейермахера. Мы выставимъ только тѣ черты его воззрѣнія, которыя имѣли вліяніе на библейскій экзегезъ.

Главный толчокъ, данный богословской школьной мысли Германской Шлейермахеромъ, данъ былъ совсѣмъ не съ той стороны, съ какой данъ былъ таковой Гегелемъ. У Гегеля основаніемъ всего метафизическія проблеммы, — Троичность Божества, отношеніе Бога къ міру, идея откровенія и вочеловѣченія, своеобразно понятыя и рѣшенныя, не похожія на библейское воззрѣніе. Все выходитъ изъ нихъ, все и разрѣшается въ нихъ, — отсюда стройность и послѣдовательность системы, которую можно выразить и охарактеризовать въ немногихъ словахъ. У Шлейермахера эти высшія спекулативныя проблеммы, по крайней мѣрѣ въ его богословскихъ трудахъ, не формулированы и не рѣшаются прямо. Исходный пунктъ всей его богословской дѣятельности и системы его, — это — *анализъ существа Религіи*, — здѣсь полное выраженіе его діалектики и субъективности. Религія, по его воззрѣнію, единственный жизненный источникъ и глубочайшій корень всей жизни духа, первосила, отъ которой истекаетъ нормальная жизнь духа, мысли и дѣла, — единственная пища, которою можетъ жить духъ, и безъ которой онъ умираетъ. Религія есть *чувство* Безконечнаго и вѣчнаго, чрезъ которое получаютъ истинность и наука, и жизнь, и искусство. Это чувство, религія, или какъ онъ постоянно выражается, — Frömmigkeit, не есть само въ себѣ ни знаніе, ни дѣло, хотя безъ нихъ о со-

вершенномъ и полномъ развитіи этой Frömmigkeit нечего и думать. Сущность этой религіозности или Frömmigkeit въ томъ, что мы чувствуемъ и сознаемъ свою совершеннѣйшую, полную и безусловную зависимость отъ Бога.—Положительныя религіи, потому, совершенно необходимы,—какъ внѣшнія формы одной духовной религіи, формы, подъ которыми только и возможно истинное и совершенное религіозное развитіе человѣческой индивидуальности. Изъ всѣхъ религій христіанство есть самая возвышенная и чистая религія; оно есть, какъ онъ выражается, die höchste Gemeinschaft der Frömmigkeit и отличается отъ всѣхъ другихъ религій тѣмъ, что въ немъ все частное возводится къ одному общему—сознанію искупленія человѣчества Іисусомъ Назоретскимъ.—Совершеннѣйшая истинность христіанства свидѣтельствуется и можетъ свидѣтельствоваться только внутреннимъ опытомъ каждаго, и именно тѣмъ, что каждый, кто чувствуетъ потребность искупленія (а ея никто не можетъ не чувствовать, кто хотя сколько нибудь внимателенъ къ себѣ и развитъ нравственно, такъ какъ таковой ясно видитъ свое ненормальное положеніе самого по себѣ), увѣряется въ искупительной силѣ Христовой фактическимъ убѣжденіемъ и живо стремится принять и усвоить себѣ эту идею, или быть въ духовномъ общеніи со Христомъ.—Ученіемъ о Христѣ Шлейермахеръ всталъ открыто противъ современнаго ему раціонализма и воззрѣнія Гегелевскаго.—Что составляетъ Его существо и значеніе, какъ искупителя, это—такое совершеннѣйшее и полное обитаніе (*Einwohnung*) въ его сознаніи Высшаго Существа, что бытіе Бога въ Немъ составляло его внутреннѣйшее *я*, и слѣдовательно у Него и въ Немъ не могло быть никакой дѣятельности, которая бы не опредѣлялась бытіемъ въ Немъ Бога. Онъ есть так. обр. чистѣйшій и совершеннѣйшій образъ, идеалъ человѣка. Въ живомъ общеніи съ Нимъ можетъ быть каждый, какъ Имъ воодушевленный, какъ часть его собственнаго явленія. По силѣ этого общенія жизни съ Нимъ, Его совершеннѣйшее исполненіе Божественной воли есть вмѣстѣ и наше, такъ что въ Немъ и чрезъ Него и мы стали предметомъ Божественнаго благоволенія. Общество такихъ людей, которые чувствуютъ и сознаютъ себя въ живомъ общеніи со Христомъ, и въ которыхъ живетъ Его духъ, какъ духъ общества, составляетъ Церковь. Духъ Святый есть единеніе Божественнаго существа съ человѣческой натурой подъ формой одного, одушевляющаго все общество вѣрныхъ, духа общества и общенія.

Имѣть въ себѣ Христа и имѣть Духа Святаго—одно и тоже. Церковь, въ ея совершенствѣ, есть образъ Христа, Христосъ ея первообразъ.—Вотъ сущность *теоріи* его о религіи вообще *и въ частности о христіанствѣ.*—Поставивъ религію центромъ и сущностію жизни духа, онъ поставилъ ее какъ первосилу, какъ норму жизни и развитія духа,—и здѣсь тайна его вліянія на современные умы, жаждавшіе религіознаго образованія, и неудовлетворенные ни школьными теоріями богословскими, ни церковными формулами, жаждавшіе разумнаго философскаго воззрѣнія на религію и христіанство, и въ этомъ же тайна его вліянія на разныя школы и ихъ оттѣнки; ибо, какъ видите, это воззрѣніе можно толковать и прилагать къ *дѣлу такъ и иначе,*—и въ этомъ, наконецъ, причина, что онъ не оставилъ собственно школы, и послѣдователи его въ развитіи его идей разошлись въ разныя стороны. Христа, какъ Искупителя міра, онъ поставилъ центромъ своего воззрѣнія, центромъ всей религіи совершеннѣйшей; идея искупленія основоположеніе христіанства,—общеніе со Христомъ, какъ Искупителемъ—норма духовной жизни; Церковь —общество вѣрующихъ во Христа какъ Искупителя—идеалъ истиннаго общества.—Казалось, онъ супранатуралистъ. Но супранатурализмъ онъ считаетъ *односторонностію,* и цѣль его системы—какъ и Гегелевской—примирить эту односторонность, какъ и односторонность раціоналистическаго воззрѣнія въ высшемъ воззрѣніи, въ которомъ исчезаетъ односторонность какъ исключительность и является примиреніе обѣихъ.—Супранатурализма, значитъ, въ церковномъ смыслѣ быть у него не можетъ, но онъ входитъ въ его систему какъ часть, и вотъ пунктъ его вліянія на богослововъ супранатуралистовъ,—стóитъ только дать преобладающее значеніе этой сторонѣ его системы предъ другою и развивать болѣе ее. Такъ со временемъ и было.

Изъ шлейермахеровой системы развивали философскій супранатурализмъ представители протестантской церкви и церковнаго воззрѣнія—Саккъ, Ничъ, Іосифъ Миллеръ, Твестенъ и др., а потомъ даже ультра-ортодоксы протестантскіе, какъ Гофманъ въ Ерлангенѣ, М. Баумгартенъ въ Ростокѣ и др. Но самъ Шлейермахеръ не былъ такимъ супранатуралистомъ и не могъ быть имъ, и это только дальнѣйшее развитіе одной стороны его воззрѣнія.—Въ самомъ дѣлѣ, вникните, что такое его Христосъ и совершаемое Имъ дѣло искупленія? Это—идеалъ человѣка, въ сознаніи котораго совершеннѣй-

шимъ образомъ обитало Высшее существо—Богъ, но не Самъ Богъ, воплотившійся и ставшій человѣкомъ. Искупленіе Имъ человѣчества есть только идея искупленія, идея примиренія Божества съ человѣчествомъ, почти то же, что Гегель назвалъ сознаніемъ во Христѣ единства Бога и человѣка, а не фактическое искупленіе крестной жертвой, не истинное примиреніе божества, какъ особеннаго, вышемірнаго, личнаго Бога—Слова.—Единеніе съ Нимъ вѣрующихъ—не живое, духовное единеніе, а идеальное, единеніе съ идеей, а не живымъ Богочеловѣкомъ.—Отсюда естественно, что историческій Христосъ, какъ Онъ изображенъ въ сказаніяхъ о Немъ Его учениковъ, или собственно эти сказанія во всей ихъ полнотѣ и цѣлости не имѣютъ для него особеннаго значенія; важна идея и идеальное лицо, въ которомъ она выразилась, а до сказаній о частныхъ фактахъ Его жизни въ ихъ общности и цѣлости ему мало дѣла; они могутъ быть неправильны, недостовѣрны, могли явиться послѣ, имѣть характеръ легендъ и пр. и пр. Этого мало: въ нихъ для Шлейермахера несомнѣнно есть недостовѣрное, наприм., всѣ чудеса, которыхъ нельзя истолковать естественно; такого супранатурализма Шлейермахеръ не признаетъ, у него откровеніе или развитіе религіи—въ духѣ Христа, а не во внѣшнемъ чудесномъ фактѣ.—Вотъ пунктъ вліянія его на представителей крайней стороны гегельянцевъ въ области богословія и экзегетики.— Вотъ почему самъ Шлейермахеръ въ 1831 году, за три года до своей смерти, читалъ въ Берлинскомъ Университетѣ свои Vorlesungen über das Leben Jesu, полныя скепсиса и отрицанія исторической достовѣрности весьма многихъ сказаній Ев. о лицѣ и дѣйствіяхъ Христовыхъ,—Vorlesungen, которыя слушать нарочно пріѣхалъ въ Берлинъ изъ Тюбингена тогдашній Repetent въ тамошнемъ Университетѣ Давидъ Штраусъ, а потомъ въ слѣдующемъ по смерти Шлейермахера году издалъ свое Das Leben Jesu.—Защитники гегелевскаго консерватизма говорятъ, что изъ его системы не могла прямо выродиться книга Штрауса и ей под., что это вліяніе и дѣло скорѣе Шлейермахера; мы видѣли, что это не совсѣмъ справедливо,—Штраусъ—порожденіе собственно Гегелевскаго воззрѣнія въ его послѣдовательномъ крайнемъ развитіи, но несомнѣнно и то, что въ Vorlesug'-ахъ Шлейермахера онъ много нашелъ сроднаго съ своими воззрѣніями и выразилъ въ крайности то, въ чемъ Шлейермахеръ держался еще средины, принимая критеріемъ для опредѣленія историческаго и не-

историческаго большею частію собственное чувство и усмотрѣніе, а не правильныя критическія начала. Подъ вліяніемъ Шлейермахера стоялъ первоначально и Бауръ, и первое его сочиненіе о миѳологіи написано, какъ говорятъ, именно подъ этимъ вліяніемъ,—только онъ пошелъ далѣе и—по логической необходимости—развилъ неопредѣленное воззрѣніе въ весьма опредѣленную крайность.

Въ отношеніи къ Ветхому Завѣту Шлейермахеръ высказался рѣшительнѣе.—По его теоріи развитія религій выходитъ, что христіанство, хотя стоитъ внѣшне въ тѣсной связи съ іудействомъ, но что касается до его внутренняго существа и особенности, то оно стоитъ къ іудейству въ такомъ же отношеніи, какъ и къ язычеству: ибо, говоритъ онъ, и въ лучшихъ язычникахъ мы видимъ столько же сочувствія къ нему, какъ и въ лучшихъ іудеяхъ.—Вслѣдствіе этого онъ не признавалъ особеннаго значенія Ветхаго Завѣта, и понятное дѣло, что онъ трактовалъ исторію его такъ же, какъ и исторію прочихъ народовъ.—Онъ самъ и не занимался имъ, но де—Ветте показалъ, куда вело его воззрѣніе; оно было сходно или лучше одинаково съ воззрѣніемъ крайней гегелевской стороны.—Послѣдователи Шлейермахера впрочемъ отказались принять эти результаты его воззрѣній на Новый Завѣтъ и пошли тропой болѣе исторической, руководясь уже другими началами, кто подъ какими стоялъ.

Таковъ исходъ второй попытки—примирить супранатурализмъ Церкви и раціонализмъ школьной философіи въ одномъ общемъ воззрѣніи, гдѣ они являлись бы истиннымъ, но односторонним пониманіемъ истины.—Опытъ Гегеля привелъ къ всеобщему миѳу Штрауса съ товарищами, при которыхъ нельзя оставаться, какъ замѣчаютъ люди этихъ же самыхъ направленій. Опытъ Шлейермахера не привелъ ни къ чему самостоятельному. Въ этомъ отношеніи его послѣдователи въ развитіи его воззрѣнія раздѣлились на всевозможныя партіи: одни пристали къ крайней гегелевской сторонѣ, другіе къ крайней ортодоксіи протестантской; третьи – собственно шлейермахеріанцы, развивавшіе его теоретическія воззрѣнія съ необходимымъ измѣненіемъ его воззрѣній на исторію—въ какомъ-то неопредѣленномъ и колеблющемся положеніи. Представителемъ этого колеблющагося направленія шлейермахеріанцевъ можно почесть извѣстнаго великаго историка—Неандера.—Человѣкъ съ глубокимъ историческимъ тактомъ и смысломъ, составившій, можно сказать, эпоху въ развитіи

исторіографіи,—посмотрите, какъ онъ хромаетъ на обѣ плеснѣ и глезнѣ тамъ, гдѣ приходится говорить ему о необыкновенныхъ, сверхъестественныхъ событіяхъ въ исторіи.—Великій мастеръ, художникъ въ анализѣ событій, словъ и дѣйствій лицъ, въ пониманіи и разъясненіи смысла событія, онъ является страннымъ и несноснымъ тамъ, гдѣ событіе требуетъ объясненія не одними чисто человѣческими дѣйствіями.— Возьмите его Leben Jesu,—это полное выраженіе этого колебанія. Съ наслажденіемъ читается его глубокій, полный души и чувства анализъ событій, живо представляется картина дѣйствія, глубоко понимается смыслъ рѣчей и дѣйствующихъ лицъ; но вотъ подходитъ дѣло къ событію, выходящему изъ ряда обыкновенныхъ дѣйствій человѣческихъ, и—невольно рождается опасливость; по прочтеніи первыхъ же объясненій подобныхъ дѣйствій, жаль бываетъ читать дальнѣйшее объясненіе.—Знаемъ, что онъ не отвергаетъ достовѣрности необыкновеннаго событія, какъ сдѣлалъ бы во что бы то ни стало болѣе рѣшительный человѣкъ,—нѣтъ, онъ признáетъ его, но странно перетолкуетъ, объяснитъ самымъ необъяснимымъ образомъ; характера чудесности событіе не потеряетъ вполнѣ, а явится какая-то получудесность, полунатуральность, полу-мистицизмъ, полу-раціонализмъ; чудесность ослабленная, натурализированная, если можно оставленная въ тѣни, въ сторонѣ. Сверхъестественность факта полная устраняется какой-то предуставленной гармоніей въ ходѣ дѣйствія естественныхъ силъ природы; но этимъ же устраняется и полный натурализмъ ихъ.—Чудеса у него не отдѣльныя, внезапныя, свышеественныя явленія, могшія быть такъ или иначе, или не быть, но необходимыя моменты въ ходѣ обстоятельствъ, предуготованные естественнымъ дѣйствіемъ силъ природы, проявленіе новыхъ высшихъ силъ, но предуготованныхъ естестественнымъ ходомъ природы и исторіи; Божественная премудрость такъ предустроила, что эти высшія творческія силы въ извѣстный моментъ дѣйствовали при посредствѣ естественныхъ силъ природы. И затѣмъ многое множество увертокъ и натяжекъ, чтобы подвести подъ этотъ натянутый и неимѣющій объективной основательности принципъ для объсненія чудеснаго.—Какъ Неандеръ обходится съ сказаніями о чудесахъ, какими путями онъ устраняетъ силу чудесности и ограничиваетъ ее, то миѳизированнымъ, то натурализованнымъ объясненіемъ, и какъ опъ всюду стоитъ на полу-пути, полумѣрахъ, лучше всего видѣть, хотя

изъ немногихъ примѣровъ. При повѣствованіи о волхвахъ, напр., онъ признаетъ историческимъ ихъ путешествіе въ Іерусалимъ вслѣдствіе ихъ астрологическихъ наблюденій и вѣры въ астрологію, но ихъ путешествіе въ Виѳлеемъ объясняется не водительствомъ звѣзды, но указаніями другихъ— Ирода ли то, или кого другого. Чудесныя явленія при крещеніи, по нему, не имѣютъ объективнаго характера и значенія явленія; это было субъективное видѣніе Іоанна,—явленіе Духа въ видѣ голубя, отверстіе небесъ и небесный голосъ. Исторія искушенія хотя содержитъ въ себѣ историческую истину, но она облечена въ символическую форму, она истинная, но не дѣйствительная исторія такъ, какъ разсказывается. При усмиреніи бури не было непосредственнаго дѣйствія Христа на внѣшнюю природу, а только на духъ учениковъ, дѣйствіе, подкрѣпленное особеннымъ дѣйствіемъ Божества въ царствѣ природы. Претвореніе воды въ вино на бракѣ въ Канѣ не было собственно претвореніемъ, а только сообщеніе силы вина водѣ. Виѳезда цѣлительная есть минеральный цѣлебный источникъ; явленія ангеловъ во всей исторіи систематически игнорированы. Бѣсноватые, это—больные furiosi, въ которыхъ собственное *я* распалось на двое,—на духа обладающаго и человѣка обладаемаго, и если Іисусъ обращается къ этимъ обладающимъ какъ демонамъ, личнымъ духамъ, то это аккоммодація къ Іудейскимъ представленіямъ того времени и пр. и проч. Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы видѣть, какъ Неандеръ при объясненіи чудесныхъ сказаній хромаетъ на обѣ плеснѣ и глезнѣ, виситъ между натуралистическимъ, миѳическимъ и супранатуральнымъ объясненіемъ ихъ. Чудеса не отвергаются здѣсь, но и не признаются во всей ихъ силѣ и исторической дѣйствительности,—нѣтъ, ихъ сила только ослаблена, количество уменьшено, нѣкоторыя проходятся молчаніемъ; но сверхъестественное остается и представляется въ зависимости отъ высшей Божественной силы новаго духовнаго творенія и прочихъ эластическихъ и многосмысленныхъ фразъ, изъ коихъ каждый можетъ дѣлать какое угодно приложеніе и дѣлаютъ. И это посредствующая теологія и исторія. Мы нарочно остановились на этой личности и на этой книгѣ, потому что онѣ болѣе извѣстны, а между тѣмъ въ нихъ вполнѣ отразился характеръ послѣдователей Шлейермахера, не вдававшихся въ помянутыя крайности, а шедшихъ болѣе прямымъ путемъ въ развитіи религіознаго субъективизма Шлейермахера, а остановились именно на этой сторонѣ

этой личности и этой книги именно потому, что въ ней особенно характеристически выражается характеръ этого направленія,—характеръ колебательности, нерѣшительности, половинчатаго какого-то воззрѣнія. Много прекрасныхъ сторонъ въ этомъ направленіи, внѣ этой стороны много задушевности, теплоты чувства, сердечности, глубины анализа, глубокаго постиженія событій и ихъ внутренней связи, много силы, діалектики, какъ глубокой и умной комбинаціи идеи, много религіозности, сказали бы мы, но это – своеобразная религіозность, опирающаяся на чемъ то неопредѣленномъ, полу-мистическомъ, полу-раціоналистическомъ. Здѣсь прекрасныя пособія для изученія и Исторіи, и Библіи, но только не тогда, когда трактуется о событіяхъ особенныхъ, чудесныхъ; въ этомъ случаѣ здѣсь шаткость, неопредѣленность, противорѣчія. Къ этому же направленію принадлежитъ, съ нѣкоторыми своеобразными особенностями Люкке, Гундесгагенъ, Ульманнъ и Умбрейтъ, бывшіе издатели извѣстнаго журнала „Studien und Kritiken", Газе, Гизелеръ и мн. другіе, вообще всѣ послѣдователи такъ называемой посредствующей теологіи—Vermittlungstheologie. Частныхъ видоизмѣненій въ мнѣніяхъ здѣсь множество, но мы говоримъ лишь объ общихъ направленіяхъ.

Поклонники Шлейермахера говорятъ, что не всѣ послѣдователи его вполнѣ поняли и усвоили все его міросозерцаніе, а потому и раздробились, и разошлись кто туда, кто сюда, такъ что только довольно долго спустя по его смерти явилось нѣсколько людей, которые болѣе полно и внутренне поняли міросозерцаніе Шлейермахера и развили его; эти люди—Шенкель, Швейцеръ, Шнеккенбургеръ, Іонасъ, Шведеръ и нѣкторые другіе. Но здѣсь все, кажется, ограничивается только тѣмъ, что вмѣсто штандпункта Gefühl's явился штандпунктъ Gewissen's, что немного отличаетъ эту теологію отъ всей такъ называемой примирительной теологіи, со всѣми показанными ея достоинствами и недостатками.—Впрочемъ помянутые писатели развиваютъ лишь въ области теоріи идеи своего учителя, а историческихъ трудовъ о Библіи пока нѣтъ у нихъ (кромѣ Шенкеля), а потому съ нашей точки зрѣнія и нельзя характеризовать ихъ.—Мы замѣтимъ только одно: трудно представить, чтобы первые послѣдователи Шлейермахера, съ нимъ жившіе и обращавшіеся, не поняли его и потому разбрелись въ разныя стороны.—Можно не понятъ системы изъ нѣсколькихъ лекцій, изъ одной книги; но Шлейермахеръ въ

продолженіе своей долговременной жизни написалъ много и выразился вполнѣ, такъ что трудно было не понять его.—Нѣтъ, въ самомъ міросозерцаніи и системѣ его лежали въ зернѣ эти направленія, которыя и выразились въ разнообразіи направленій его послѣдователей; *въ немъ самомъ была эта неустойчивость*, эта колебательность, эта неопредѣленность, выродившіяся изъ ложнаго стремленія—устранить супранатурализмъ, какъ односторонность, и примирить его и раціонализмъ въ высшемъ воззрѣніи. Замѣтимъ впрочемъ, что въ теоретическомъ богословіи эта колебательность и нерѣшительность менѣе замѣтна и —здѣсь находитъ себѣ это направленіе, примиряющее довольно много послѣдователей, которые видятъ здѣсь философское воззрѣніе на религію и христіанство, и увлекаются имъ.

Почти все это движеніе мысли происходило въ школѣ, развивалось вполнѣ сравнительно въ небольшихъ кружкахъ дѣйствующихъ лицъ, и вліяніе отсюда хотя сильное и быстрое, ограничивалось также не очень многочисленными братствами друзей такъ называемаго свободнаго философскаго міросозерцанія, только послѣдователей Шлейермахера было много, очень много, и они занимали и занимаютъ высокія мѣста въ іерархіи церкви протестантской.—Но вѣдь они почти супранатуралисты. Разумѣется, было довольно людей, только причислявшихъ себя къ послѣдователямъ какой либо школы, бравшихъ только на прокатъ изъ нее нѣкоторыя идеи и фразы, а на самомъ дѣлѣ вовсе не принадлежавшихъ къ ней, не участвовавшихъ въ развитіи ея идей. Въ церкви же собственно протестантской господствовалъ и господствуетъ супранатурализмъ въ воззрѣніи и богословской наукѣ, и огромное большинство представителей и членовъ ея стоятъ на почвѣ супранатурализма, хотя по временамъ и мѣстамъ видоизмѣняемаго и примиряемаго съ раціонализмомъ, какъ, напримѣръ, у примкнувшихъ къ послѣдователямъ Шлейермахера и вообще поборникахъ такъ называемой посредствующей теологіи.—Естественное ли дѣло, чтобы это большинство супранатуралистовъ не отстаивало своего воззрѣнія, при помощи всѣхъ данныхъ науки? Оно должно было защищать свое воззрѣніе отъ всевозможныхъ нападеній философскихъ воззрѣній, развивать и объяснять свое, показывать несостоятельность тѣхъ, а для этого образовать свою школу, которая бы не съ церковной только, а съ университетской каѳедры дѣлала свое дѣло.—Мы видѣли, что въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка была та-

кая церковная школа, сильно и успѣшно боровшаяся съ тогдашними направленіями школъ философскихъ.—Мы видѣли разные выходы изъ возбужденнаго религіознаго состоянія, порожденнаго событіями начала настоящаго вѣка, видѣли недовольство многихъ протестантизмомъ; школа церковная какъ будто ослабѣла, но не исчезла.- Въ третьемъ десятилѣтіи ясно уже обнаружились направленія и стремленія помянутыхъ философскихъ школъ и различныхъ оттѣнковъ ихъ, сильно подрывавшія церковный супранатурализмъ и еще не обличившія своимъ крайнимъ развитіемъ несостоятельности своихъ стремленій, а потому заманчивыя и завлекательныя.—Была так. обр. настоятельнѣйшая потребность супранатуралистамъ образовать свою школу для проведенія и развитія своего воззрѣнія и критики другихъ.—Представителемъ этой школы явился въ Берлинѣ профессоръ Генгстенбергъ. Съ обширной эрудиціей, съ живымъ, быстрымъ и бойкимъ даромъ слова, съ смѣлостію и рѣшительностію, онъ началъ свою рѣшительную рѣчь въ пользу чистаго, безусловнаго супранатурализма въ Библіи и прямо всталъ въ рѣшительную и запальчивую полемику со всѣми, кто съ какой нибудь стороны подрывалъ основы супранат. воззрѣнія, т. е. всталъ въ полемику со всѣми направленіями школьнаго философскаго Богословія и экзегеза.—Нужна была смѣлость и рѣшительность, чтобы такъ выступить въ то время. Рѣшительное слово, прямое, опредѣленное, имѣетъ часто магическое дѣйствіе и всегда находитъ себѣ послѣдователей. Около Генгстенберга сгруппировался обширный кругъ писателей, подготовленныхъ ко всякой полемикѣ и серьезно, душевно преданныхъ дѣлу супранатурализма. Сюда примкнули а) оставшіеся въ живыхъ члены прежней церковной партіи, много видѣвшіе и пережившіе на своемъ вѣку; б) сюда перешли современемъ люди совершенно противоположныхъ направленій. Мы сейчасъ сказали, что рѣшительное слово имѣетъ магическое дѣйствіе; дѣти раціоналистовъ перебѣгали точно такъ же подъ знамя рѣшительнаго слова протест. ортодоксіи, какъ отцы ихъ бѣжали подъ знамя раціонализма и Vernunft christenthum's, а порой и самые отчаянные раціоналисты оставляли свой постъ и шли въ супранатуралисты, какъ, напр., Лео,—страшный Лео, котораго считали опаснѣе Штрауса съ братіей для Ветхаго Завѣта и который торжественно отрекся отъ прежнихъ своихъ убѣжденій и сдѣлался ультра-ортодоксомъ лютеранскимъ, а послѣ, кажется, католикомъ; в) сюда пристали всѣ, стоявшіе на строго

лютеранскомъ штандпунктѣ ортодоксіи, приверженцы церковнаго супранатурализма. Такъ, говоримъ, около Генгстенберга образовался широкій кругъ богослововъ, душевно преданныхъ супранатурализму, готовыхъ защищать его, готовыхъ полемизировать стойко и открыто со всѣми врагами его, кто бы они ни были.—Основаніе ихъ воззрѣнія и науки—Библія въ ея полной и цѣлостной исторической достовѣрности, преданіе (впрочемъ не вполнѣ), какъ охранительное начало такого воззрѣнія на Библію, и протест. символъ вѣры, какъ критерій самого преданія.—Не много есть противорѣчія послѣдняго критерія второму, но оно уничтожается ослабленіемъ важности послѣдняго въ пользу втораго. По этимъ основаніямъ можно уже судить, что вообще ихъ экзегезъ близко подходитъ къ католическому. и они не только не устремляются отъ этого послѣдняго, но сами сближаются съ нимъ, исключая пунктовъ различія между вѣроисповѣданіями. Этимъ они еще болѣе усилили себя, и въ то же время оказали великую услугу католическому экзегезу глубиной воззрѣнія, огромной эрудиціей, живой и жизненной діалектикой, строгой отчетливостію мысли и изложенія. Такъ вооружившись и усилившись, они твердо пошли и идутъ своей дорогой, не боясь ничего.—Начиная съ Берлинскаго, во всѣхъ знаменитыхъ университетахъ появились на каѳедрахъ адепты этой школы, съ энергіей развивавшіе свое воззрѣніе и полемизировавшіе съ другими противными. Мы перечислимъ главнѣйшихъ представителей этого направленія, изъ которыхъ большая часть, вѣроятно, извѣстны вамъ по именамъ. Это: самъ Генгстенбергъ, проф. въ Берлинскомъ университетѣ, написавшій обширныя сочиненія о Пятокнижіи, Псалмахъ, Даніилѣ и Захаріи, Христологію, Толкованія на Евангеліе Іоанна и Апокалипсисъ и другія книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и съ 27 года издававшій Evangelisches Kirchenzeitung,—главный органъ этой всей школы; *Толюккъ,* проф. въ Галльскомъ университетѣ, написавшій обширныя и ученыя толкованія на многія Ветхозавѣтныя и Новозавѣтныя книги, и множество отдѣльныхъ статей смѣшаннаго содержанія.—*Геверниккъ* - проф. въ Кимгсбергскомъ университетѣ († 1846), извѣстный своими обширными трудами по историко-критическому введенію въ Ветхозавѣтныя книги, пріобрѣтшими ему огромную и громкую славу даже между противными направленіями и школами, и глубокоучеными комментаріями на Іезекіиля и Даніила. *Ольсгаузенъ* (въ Кенигсб. и Ерлянг.), извѣстный своими обширными ком-

ментаріями на Новый Завѣтъ: *Деличъ* (въ Ростокѣ и Ерлянг.) и *Каспари* (въ Христіаніи), извѣстные своими трудами экзегет. особенно по Ветхому Завѣту; *Герике* (въ Галлѣ) и Keil (въ Дерптѣ), разработывающіе по этому направленію исторію Библіи; Ебрардъ и Гофманъ, извѣстные своими полемическими трудами противъ Штрауса и ему подобныхъ; Курцъ (въ Дерптѣ) и Бэръ (вь Карлслуэ), обработывающіе критически Ветхозавѣтную исторію; труды перваго въ особенности Geschichte d. Alt Bundes—драгоцѣнное достояніе современной литературы, по безпристрастію и зрѣлости мысли.—Но долго бы мы не перечли всѣхъ послѣдователей этого направленія. Ганъ (въ Лейпцигѣ и Бреславлѣ), Гейденрейхъ, Гарлесъ (въ Лейпцигѣ, Дрезд. и Мюнх.), Бэмеръ въ Бреславлѣ; Рудельбахъ—въ Глогау; Филиппи—въ Ростокѣ, Люттгардтъ—въ Лейпц., Стейгеръ—въ Генуѣ, Штейдель, Августи, Канне и мн. другихъ развиваютъ это воззрѣніе по всѣмъ отраслямъ теоретич. и историч. богословскихъ наукъ.

Само собою разумѣется, что какъ скоро Генгстенбергъ выступилъ съ своимъ рѣшительнымъ словомъ въ защиту стараго лютеранскаго церковнаго начала—супранатурализма, на него напали всѣ партіи и всѣ оттѣнки партій, состоявшихъ подъ вліяніемъ философіи школы, и завязалась рѣшительная и интереснѣйшая полемика.—И досталось же Генгстенбергу и достается еще доселѣ. Какъ только его не называли, какъ не величали, пренебрегши даже правила приличія! Сколько насмѣшекъ, сарказмовъ, шутокъ, брани долженъ былъ выдержать онъ; но смѣлости и діалектики ему не занимать стать, эрудиція его огромна, и онъ отплачивалъ своимъ недругамъ и насмѣшникамъ тою же самою монетою, рѣзко отбивался отъ всѣхъ, и энергически шелъ своею дорогой. Усилившаяся и усиливающаяся партія энергически поддерживаетъ его, несмотря на нѣкоторыя маловажныя разности въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ, съ замѣчательнымъ единодушіемъ.—Каждый вопросъ, выставленный той или другой школой и партіей, даже маловажный вопросъ, не говоря уже о важнѣйшихъ, находитъ отголосокъ въ этой партіи, разрѣшеніе прямое, глубокое и ученое, и—этой школѣ принадлежитъ во многихъ отношеніяхъ честь побѣды надъ одностороннимъ экзегезомъ школъ.—Съ идеями, развившимися изъ системы Гегеля въ крайней сторонѣ его школы, эта школа стояла въ открытой враждѣ и упорно отвергала почти все, что та утверждала, въ области ли теоріи, въ области ли исторіи, и—лучшія кни-

ги полемическія противъ Штрауса и его единомышленниковъ вышли отсюда (Гофманъ и Ебрардъ).—Послѣдователи Шлейермахера средняго направленія стояли ближе къ этой школѣ и по временамъ дѣйствовали съ ней за одно, но встрѣчали сильное противодѣйствіе себѣ вездѣ, гдѣ они лукаво мудрствовали о супранатурализмѣ въ исторіи и теоріи; въ глазахъ этой школы они стояли, въ этомъ отношеніи, почти наравнѣ съ гегельянцами.—Особенно развились здѣсь противъ Шлейермахера вопросы о значеніи Ветхаго Завѣта и отношеніи его къ Новому, о супранатуральныхъ событіяхъ и особенномъ характерѣ и дѣятельности представителей Ветхозавѣтной теократіи и прочіе соприкосновенные вопросы, которые рѣшались на основаніи библейскихъ книгъ въ ихъ неприкосновенной исторической достовѣрности, преданія и лютеранскаго вѣроисповѣданія,—рѣшались строго въ духѣ ортодоксіи лютер. И, кажется, людямъ этой школы, кромѣ несостоятельности штандпункта Шлейермахера, надо приписать то, что его послѣдователи совсѣмъ отказались отъ ложнаго воззрѣнія Шлейермахера на Ветхій Завѣтъ, и начали придавать ему должное значеніе и мѣсто въ исторіи христіанства.—Эта реакція неутомимо продолжается и теперь, несмотря на возгласы послѣдователей др. школъ, что—вся эта школа—временное заблужденіе, которое скоро пройдетъ.—Трудно прорицать будущее, но—едва ли можно повѣрить этому пророчеству: школа эта чрезвычайно твердо стоитъ на своей почвѣ, и если въ ней есть крайности, то она только отброситъ ихъ; но супранатурализмъ воззрѣнія останется тотъ же, только, можетъ быть, будетъ гораздо глубже и спокойнѣе. Мы не излагаемъ подробно воззрѣній этой школы, потому что они должны быть извѣстны,—они чисто церковныя—протестантскія, которыхъ держатся и другія вѣроисповѣданія, кромѣ пунктовъ, составляющихъ отличительный характеръ протест. вѣроученія сравнительно съ другими.—Замѣтимъ только, что многосмысленность текста здѣсь отринута; историческій смыслъ стоитъ на первомъ планѣ, и на основаніи только его развивается смыслъ типологическій тамъ, гдѣ этого требуетъ исторія.

Между тѣмъ какъ экзегезъ школъ, стоявшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ философскихъ школъ, развивался въ крайность и тѣмъ обличалъ свою несостоятельность; между тѣмъ какъ крайняя гегелевская сторона въ воззрѣніи на Библію доходила постепенно до совершеннаго отрицанія всего

историческаго въ Библіи, а послѣдователи Шлейермахера средняго направленія въ своихъ воззрѣніяхъ на супранатуральное въ Библіи висѣли между небомъ и землей, не находя ни въ томъ ни въ другой опоры; между тѣмъ какъ школа церковная развивала строго мысль объ исторической достовѣрности всѣхъ свящ. книгъ и всего ихъ содержанія, нашлись люди, не удовлетворенные ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ направленіемъ, которые ясно видѣли крайность и отрицательный исходъ философскаго школьнаго экзегеза,—и не сочувствовали чисто и строго церковному супранатуральному воззрѣнію, и рѣшились изслѣдовать Библію независимо отъ всякихъ философскихъ и церковно-протестантскихъ воззрѣній, мечтая возстановить чистый образъ первоначальнаго христіанства и съ этого пункта судить уже о Ветхомъ Завѣтѣ и послѣдней судьбѣ христіанства. Представителями этого будто-бы независимаго направленія въ изслѣдованіи Библіи служатъ Евальдъ, Гунфельдъ, Knöbel, Tuch, Berteau, Гитцигъ, Бунзенъ и нѣкоторые другіе; еще ранѣе Гезеній, но онъ стоялъ подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ школы.—Это направленіе, какъ называютъ его представитеми его, чисто историко критическое, безъ всякой будто бы напередъ заданной философской или церковной мысли.—Общихъ спекулятивныхъ проблемъ и воззрѣній на Божество и міръ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ они дѣйствительно не высказываютъ прямо и не развиваютъ систематически отвлеченно, а потому и нѣтъ возможности, по крайней мѣрѣ у насъ, изложить ихъ общее воззрѣніе на міръ и религію, да къ тому же это направленіе кажется, не совсѣмъ еще развилось.—Остается обратить вниманіе и сказать нѣсколько словъ о воззрѣніи ихъ на историческое въ Библіи. Это воззрѣніе отличается отъ воззрѣнія крайней гегелевской стороны тѣмъ, что стоитъ несравненно болѣе на исторической почвѣ, признаетъ достовѣрность историческую библейскихъ сказаній Ветхаго и Новаго Завѣта, но далеко не всѣхъ; признаетъ и достовѣрность многихъ сказаній о чрезвычайныхъ супранатуральныхъ событіяхъ, объясняя ихъ таинственнымъ, хотя и естественнымъ дѣйствіемъ энергіи вѣры, но, разумѣется, не всѣ можно такъ объяснять, а потому они и не всѣ чрезвычайныя событія признаютъ достовѣрными. Этимъ они рѣзко отличаются и отъ церковнаго воззрѣнія на достовѣрность всѣхъ чудесныхъ сказаній Библейскихъ.—Въ объясненіе чудесныхъ, но не признанныхъ достовѣрными фактовъ, они прилагаютъ теорію легенды, саги и миѳа, и въ этомъ сходятся

съ воззрѣніемъ крайней гегелевской школы, но далеко-далеко не въ тѣхъ размѣрахъ прилагаютъ теорію миѳа, какъ послѣдователи этой послѣдней. Ближе во многихъ отношеніяхъ стоятъ они къ школѣ Шлейермахера, но и отъ него отличаются они тѣмъ, что развиваютъ въ подробности мысль о тѣснѣйшемъ взаимномъ отношеніи Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, видятъ въ Новомъ Завѣтѣ полнѣйшее и совершеннѣйшее развитіе религіи Ново-Завѣтной, и— въ этомъ сходятся опять съ церковнымъ воззрѣніемъ.—Казалось бы, что они ближе къ партіи, развивающей такъ называемое посредствующее между крайностями воззрѣніе, или посредствующее Богословіе, но и то нѣтъ;- тамъ мы видѣли какую-то колебательность, нерѣшительность, какую-то смѣсь супранатуральнаго и раціоналистическаго воззрѣній, полу-чудесность, полу-натуральность, полу-мистицизмъ, полу-раціонализмъ.— Здѣсь этого нѣтъ; здѣсь опредѣленность, рѣшительность воззрѣнія, полное принятіе или отверженіе факта, или чистая исторія, или легенда.— На чемъ же у нихъ основывается раздѣленіе на историческое и неисторическое въ Библіи, какіе у нихъ критеріи для опредѣленія историческаго отъ неисторическаго? Вотъ здѣсь-то и камень претыканія для этого направленія.—Мы судимъ по Евальду - главному представителю этого направленія и Бунзену,—котораго Bibelwerk недавно оконченъ. Историческимъ вполнѣ признается то, что повѣствуется современными событію свидѣтелями; чѣмъ далѣе отъ современности писатель, тѣмъ менѣе въ его повѣствованіи историческаго, тѣмъ болѣе легендарнаго характера и саги въ его сказаніи. Это весьма важное и основное начало для историческихъ изслѣдованій древности. Но, по непрерывному преданію, всѣ почти историческія книги, особенно ветхо-завѣтныя, произошли отъ очевидцевъ, а между тѣмъ въ нихъ много такого, что по воззрѣнію представителей этого направленія не можетъ быть признано за историческое; значитъ, не всѣ сказанія, по воззрѣнію ихъ, произошли отъ писателей очевидцевъ.—Вслѣдствіе того у нихъ особый взглядъ на писателей библейскихъ историческихъ книгъ или лучше— происхожденіе этихъ книгъ. Но это вовсе не взглядъ отрицательной критики упомянутыхъ философскихъ школъ. Тамъ отрицается происхожденіе всѣхъ сказаній отъ очевидцевъ и считается все произведеніями позднѣйшаго времени; здѣсь не то: ибо принявъ это воззрѣніе, имъ нельзя было бы стоять на исторической почвѣ, и они также дошли бы до отрицанія всего. Здѣсь поэтому иное

воззрѣніе на происхожденіе историческихъ книгъ Библіи, а именно признается, что записи нѣкоторыхъ событій были сдѣланы очевидцами; это—фундаментъ историческ. и исходный пунктъ для историческаго изслѣдованія. Но эти записи—не наши историческія книги, онѣ взошли въ нихъ только какъ часть, именно: эти первоначальныя записи со временемъ распространялись, восполнялись, переработывались, и—со временемъ получили тотъ видъ, въ какомъ дошли до насъ. Такимъ образомъ у нихъ является: urkuuden,— первоначальныя сказанія или записи, потомъ ergänzern,—одинъ, другой, третій; потомъ bearbeitern; или одинъ erzäher,— другой, третій, и т. д., смотря по тому, сколько кто изъ нихъ признаетъ такихъ ergänzerовъ и erzäherовъ. На какомъ основаніи одно сказаніе принимается за первоначальное, другое за раннее дополненіе, третье за болѣе позднее дополненіе, четвертое за переработку и т. д.? Основанія различныя, но, разумѣется, *болѣе субъективныя и болѣе или менѣе произвольныя*; признаки—топографическіе, хронологическіе, историческіе, географическіе, стиль, воззрѣніе, противорѣчія и пр. и пр.; разумѣется, при этомъ трудно ожидать единства въ сужденіяхъ о такихъ восполненіяхъ и переработкахъ, и его дѣйствительно нѣтъ. Нѣмцы называютъ этотъ методъ— Kristallisationshypothese, или методомъ наростовъ. До чего доходитъ и теперь этотъ методъ изслѣдованія, можно видѣть изъ немногихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ Евальда. Такъ, напримѣръ, Пятокнижіе Моусеево онъ считаетъ дополненнымъ и переработаннымъ шесть разъ; послѣднюю редакціонную переработку его, въ которой оно дошло до насъ въ настоящемъ видѣ, онъ относитъ ко временамъ Іосіи, когда во храмѣ найдена была книга закона Моусеева. Бунзенъ, принимая менѣе дополнителей, послѣднюю редакцію Пятокнижія относитъ ко временамъ Езекіи, временамъ великихъ пророковъ—Исаіи, Михея и др.—Евальдъ далѣе думаетъ, что первоначально была одна обширная книга царствъ, и изъ нея послѣ различныхъ переработокъ составлены около времени плѣна книги Судей, Самуила, Царствъ, Паралипоменонъ и др. менѣе значительныя историческія книги.—Въ отношеніи къ Новому Завѣту Евальдъ предполагаетъ нѣсколько Евангелій, которыя древнѣе нашихъ каноническихъ и которыя служили источниками для этихъ послѣднихъ.—Первое-то, которымъ пользовался ап. Павелъ и составлено, вѣроятно, Филиппомъ; второе—собраніе изреченій — τὰ λόγια—Мѳ., третье—ur-Marcus; четвертое—das Buch

der höhern Geschihte; пятое наше нынѣшнее Ев. Мѳ. Затѣмъ слѣдуетъ шестое, седьмое и осьмое, для которыхъ онъ не нашелъ названія, которыя однакожъ стилистическими особенностями отличаются одно отъ другаго.—Изъ нихъ составились частію наши каноническія Евангелія.—Гдѣ на это свидѣтельства? Свидѣтельствъ нѣтъ, а есть будто бы топографическія, историческія, географическія, стилистическія и прочія указанія въ самыхъ Евангеліяхъ, которыхъ однакожъ, кромѣ Евальда и сочувствующихъ ему, никто не замѣчаетъ. А жаль, что такой шаткій и произвольный принципъ положенъ въ основаніе историческихъ изслѣдованій этой школы. Тамъ, гдѣ представители ея стоятъ на твердой почвѣ достовѣрности извѣстныхъ историческихъ записей, они необыкновенно хорошо осмысляютъ событія, хотя и ограничиваютъ супранатуральный элементъ. Но цѣлые періоды, подъ вліяніемъ мысли о переработкахъ и позднѣйшихъ записяхъ получаютъ совсѣмъ превратный смыслъ и освѣщаются ложнымъ свѣтомъ; а иногда подъ вліяніемъ этой же мысли въ прекрасно изображенномъ цѣломъ періодѣ смыслъ частныхъ событій извращается, иныя изъ нихъ вовсе устраняются и—выходитъ не полно и фальшиво.—Это печальная односторонность, которая, можетъ быть, современемъ сгладится, и тогда, кажется, этому направленію будетъ принадлежать дальнѣйшее развитіе и большое значеніе въ развитіи экзегеза протест. школы.—Мы не говоримъ подробно объ историческомъ воззрѣніи этой школы частію потому, что оно не вполнѣ еще выяснилось, частію потому, что для него не настала еще исторія, частію потому, что постараемся имѣть ее въ виду при рѣшеніи частныхъ вопросовъ при историко-критическомъ обозрѣніи историческихъ книгъ.

Другой, небольшой кружокъ поборниковъ независимаго экзегеза пошелъ совершенно другимъ путемъ.—Почти не касаясь историческихъ вопросовъ о подлинности, достовѣрности историческаго характера книгъ и прочихъ соприкосновенныхъ съ ними вопросовъ, принимая Библію, какъ она есть за произведеніе представителей народа еврейскаго и первоначальнаго христіанства, они разработываютъ библейское воззрѣніе, не обращая вниманія ни на философскія воззрѣнія времени, ни на церковныя, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ доходитъ до совершеннаго равнодушія къ философіи и церкви.—Никакой задней мысли не имѣютъ они, приступая къ толкованію, выясняютъ только до подробностей библейское воззрѣніе на

все, не выводя даже никакихъ результатовъ о томъ, каково оно, какъ относится къ современному міросозерцанію. Это богатый матеріалъ для филологическихъ объясненій.—Представителями этого направленія можно почесть Винера (посл. къ Гал., экзегетич. Studien mit Beiträgen); Фричей—двухъ братьевъ и племянника (ихъ толкованія на многія книги Новаго Завѣта); Тейле съ его толкованіями и нѣкоторыя книги Новаго Завѣта; особенно Мейера, съ его переводомъ и комментаріемъ на всѣ книги Новаго Завѣта; Рюккерта, Керна и нѣк. др.

Этими направленіями оканчивается пока исторія развитія богосл. науки и экзегеза въ обществахъ протестантскихъ. Чисто отрицательная школа, выродившаяся изъ крайняго развитія философскаго міросозерцанія Гегеля, и потомъ Фейербаха, все болѣе и болѣе ослабѣвавшая и терявшая кредитъ и въ штраусовскомъ и бауровскомъ направленіи; школа посредствующаго богословія, выродившаяся изъ системы Шлейермахера, имѣющая очень много (сравнительно) послѣдователей, но не опредѣленная и колеблющаяся между философскимъ отрицательнымъ и церковнымъ—супранатуральнымъ воззрѣніемъ; школа генгстенберговская—церковная съ строго супранатуральнымъ воззрѣніемъ, по многочисленности ея послѣдователей и церковному характеру ея господствующая и болѣе и болѣе усиливающаяся, хотя съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями въ воззрѣніи,—вотъ главныя направленія современнаго экзегеза въ протестантской церкви до сего дня. Протестантскіе богословы и экзегеты въ другихъ странахъ держатся того или другаго или третьяго изъ этихъ направленій, по преимуществу впрочемъ церковнаго—строго супранатуральнаго и посредствующаго.—Католики всюду и всегда держались и держатся строго-супранатуральнаго воззрѣнія на Библію, и ихъ экзегезъ оставался и остается по характеру одинаковымъ, вѣрнымъ преданію и ученію Церкви; только неумѣренный аллегоризмъ кончилъ, и кажется совсѣмъ, свою жизнь, и аллегоріи дано подобающее ей мѣсто.—Перечислять труды ученыхъ катол. было бы долго, да и не нужно, думаемъ.

Въ заключеніе, отъ протестантскаго Запада, гдѣ сосредоточивалось со временъ реформаціи и сосредоточивается доселѣ развитіе богословской науки вообще и въ частности экзегеза, обратимся къ православному Востоку и къ намъ самимъ и скажемъ кратко объ экзегезѣ здѣсь, именно кратко сравни-

тельно съ обширнымъ трактатомъ объ экзегетикѣ на **Западѣ**, такъ какъ много говорить здѣсь не́ о чемъ; бѣднымъ—бѣднымъ представляется здѣсь развитіе экзегеза сравнительно съ богатымъ развитіемъ его тамъ.

Православному Востоку подъ игомъ мусульманства было не до развитія науки, и теперь еще не до того. Со времени завоеванія Константинополя турками, въ прежде блиставшихъ науками областяхъ съ греческимъ населеніемъ, во упавшихъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, наука и богословская и всякая окончательно замерла и только въ самое послѣднее время, съ освобожденія собственно Греціи, стала нѣсколько оживать, но до процвѣтанія еще далеко. Видныхъ трудовъ по богословской наукѣ и экзегетикѣ въ продолженіе всего этого длиннаго періода не было и нѣтъ еще; какъ огоньки въ темную ночь свѣтятъ труды весьма не многихъ мужей науки въ родѣ Константина Икономоса съ его обширными и весьма серіозными книгами о переводѣ LXX сравнительно съ мазаретскимъ текстомъ Библіи, или—въ родѣ Дамаласа съ его опытомъ Введенія въ библейскія книги; но такихъ людей такъ мало было и есть.- Оживутъ ли кости сія? Исторія покажетъ.

Краткое историческое слово о движеніи у насъ въ Россіи одной изъ важнѣйшихъ отраслей богословской науки, именно—науки библейской, или тѣснѣе—собственно толкованія Библіи.

Молода еще у насъ эта наука, особенно въ той области, которую мы предполагаемъ теперь обозрѣть, сравнительно съ возмужалою наукою Запада: строго говоря, одно съ небольшимъ столѣтіе считаетъ она за собою, тогда какъ у той тысячелѣтіе назади. Для мысли и просто любознательной, а тѣмъ болѣе желающей серіозно изучать эту область, обозрѣніе ея представляетъ много такого, что заставляетъ задумываться, порадоваться и поскорбѣть, помыслить и размыслить.

Литературное, болѣе или менѣе самостоятельное, движеніе въ нашей библейской наукѣ, или тѣснѣе—собственно въ толкованіи Библіи, начинается собственно со второй половины прошлаго вѣка, когда окончательно установился много разъ правленный славянскій текстъ Библіи. Предшествующія попытки въ этомъ родѣ здѣсь были не болѣе, какъ рѣдкіе огоньки въ темную ночь и притомъ не всѣ—яркіе *); лучшія

---

*) Не говоримъ о переводахъ истолковательныхъ отеческихъ твореній, каковыхъ было много.

силы, какія были, уходили собственно на великое дѣло исправленія славянскаго текста Библіи; но не объ этомъ послѣднемъ собственно у насъ рѣчь.—Движеніе это, начавшееся съ половины прошлаго вѣка, продолжается доселѣ, но послѣднія лѣтъ 15-ть мы обозрѣвать здѣсь не будемъ. Итакъ, мы беремъ столѣтіе съ небольшимъ, именно—отъ 1750-хъ до 1860-хъ годовъ: началомъ этого періода служитъ изданіе Славянской Библіи съ окончательно установившимся исправленнымъ текстомъ въ 1751 году; концомъ его, а вмѣстѣ началомъ дальнѣйшаго періода, мы полагаемъ время возобновленія изданій исправленнаго русскаго текста Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ въ 1860-хъ годахъ. Этотъ столѣтній періодъ раздѣляется на двѣ почти равныя половины важнымъ событіемъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній во второе десятилѣтіе настоящаго вѣка, и мы раздѣлимъ наше обозрѣніе на эти двѣ половины.

I.

Центрами научно-образовательнаго движенія, а слѣдовательно и развитія богословской науки вообще, въ первую половину обозрѣваемаго періода у насъ были: Кіевская Академія для южной части Россіи, Московская, такъ называвшаяся Славяно-греко-латинская, Академія вмѣстѣ съ Троицко-Сергіевой Семинаріей для сѣверной, и новоустроенная Александроневская Семинарія (потомъ Академія) въ Петербургѣ. Кіевская Академія во второй половинѣ прошлаго вѣка, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, утратила на время то огромное значеніе и вліяніе въ наукѣ, какое она имѣла до того прежде *); Невская Семинарія была учрежденіемъ еще новымъ **). Московская Академія вмѣстѣ съ Троицкой Семинаріей, вслѣдствіе особенно счастливыхъ обстоятельствъ, первенствовала въ это время надъ тѣми и была преимущественнымъ мѣстомъ развитія богословской науки. Здѣсь же особенно развилась и библейская екзегетика, преимущественно предъ Кіевомъ и Петербургомъ. Московская

---

*) О причинахъ упадка Кіевской Академіи въ это время см. въ Исторіи Кіевской Академіи Макарія (Булгакова) СПБ. 1843. Стр. 167—171.

**) Александроневская Славянская школа „для обученія юныхъ дѣтей чтенію и писанію,“ основанная въ 1721 г., переименована въ Александроневскую Славяногреколатинскую Семинарію въ 1725 г., потомъ въ Главную Семинарію въ 1788 г., потомъ—въ Академію въ 1797 г. См. Чистовича—Исторія С.-Петербургской Дух. Академіи СПБ. 1857 г.

Академія выставила за это время цѣлый довольно длинный рядъ замѣчательныхъ толковниковъ съ весьма значительными, судя по началу дѣла и для своего времени, истолковательными и вообще относящимися къ библейской наукѣ, трудами.

Счастье поблагопріятствовало Московской Академіи въ разсматриваемомъ отношеніи съ самаго начала обозрѣваемаго нами времени: послѣдніе справщики славянской Библіи, знатоки, труженики и любители этого дѣла, сами воспитанники Кіевской Академіи, около пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, поселились по счастію въ Москвѣ, одни на время, другіе до самой смерти. Ученѣйшій филологъ своего времени Іеромонахъ Іаковъ (Блоницкій) былъ по вызову учителемъ Греческаго языка въ Московской Академіи съ 1743 г. и, находясь на этомъ мѣстѣ, исполнялъ порученіе Св. Синода по исправленію Славянской Библіи, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Иларіономъ (Григоровичемъ), который въ это время былъ настоятелемъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), а потомъ былъ въ продолженіе 12 лѣтъ Епископомъ Крутицкимъ (1748—1760) и какъ ученый мужъ, конечно, не прерывалъ ученыхъ связей съ Заиконоспасской Академіей *). Вызванные на мѣсто Іакова и Иларіона Іеромонахи Варлаамъ (Лящевскій) и Гедеонъ (Слонимскій), по успѣшномъ окончаніи порученнаго имъ дѣла, были: первый—Ректоромъ Московской Академіи съ 1753 г., а затѣмъ въ продолженіе 16 лѣтъ Архимандритомъ Московскаго Донскаго Монастыря (+1774) и конечно также не прерывалъ ученой связи съ Академіей, въ которой былъ Ректоромъ; Архимандритъ Гедеонъ (Слонимскій) былъ съ 1754 г. Ректоромъ Троицкой Сергіевой Семинаріи, а съ 1758 по 1761 г. Ректоромъ Московской Академіи **). Кажется, именно вліянію этихъ мужей, знатоковъ и любителей Библіи, надобно приписать первый сильный толчекъ къ движенію и довольно быстрому развитію научнаго изученія и толкованія Библіи здѣсь***). По крайней

---

*) Объ Іаковѣ (Блон.) и отчасти Иларіонѣ (Григор.) см. Евгенія „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина“, изд. 2, СПБ. 1827 г. Т. 1 стр. 217 и. д. Объ Иларіонѣ (Григор.) см. „Обзоръ русской духовной литературы,“ Филарета Черниговскаго, кн. 2. СПБ. 1861. № 38.

**) О Варлаамѣ и Гедеонѣ см. Истр. Москов. Славяно-греко-латинской Академіи, С. Смирнова. М. 1855. Стр. 200, 202, 129.

***) Припомнимъ еще при семъ, что въ первой четверти прошлаго вѣка въ Московской Академіи былъ сначала префектомъ и потомъ долгое время ректоромъ (1706—1723 г.) одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ исправителей славянскаго текста Библіи Ѳеофилактъ (Лопатинскій, послѣ Архіепископъ

мѣрѣ въ это именно время были учениками Московской Академіи, а затѣмъ учителями въ ней и Троицкой Семинаріи, люди, изъ-подъ пера которыхъ вышли первые, сравнительно серіозные, опыты толкованія библейскихъ книгъ, такъ умножившіеся послѣ въ средѣ людей, стоявшихъ подъ ихъ и тѣхъ первыхъ вліяніемъ. Таковы были первые: Гавріилъ (Петровъ), Тихонъ (Малининъ), Макарій (Петровичъ) и особенно Ѳеофилактъ (Горскій). Въ это же время воспитывался здѣсь, а потомъ и училъ, Петръ, въ монашествѣ Платонъ (Левшинъ), которому вскорѣ, какъ Архіепископу, а потомъ Митрополиту Московскому, суждено было имѣть такое высоко благотворное вліяніе на развитіе здѣсь богословской и библейской науки. Гавріилъ*) съ 1741 г. ученикъ Московской Академіи, съ 1758 г. ректоръ Троицкой Семинаріи, съ 1761 г. ректоръ Московской Академіи и Архимандритъ, написалъ толкованіе на Соборныя посланія, кромѣ перваго Петрова, которое протолковалъ ученикъ его по Академіи Тихонъ (Малининъ) **). Толкованіе это напечатано послѣ, когда первый былъ уже Митрополитомъ Новгородскимъ, а послѣдній Архіепископомъ Астраханскимъ (1794 г. М.). Отъ Гавріила осталось (въ рукописи) также объясненіе бесѣды о блаженствахъ и—нѣсколькихъ Псалмовъ. Макарій (Петровичъ)***) съ 1753 года ученикъ, съ 1758 г. учитель и іеромонахъ и потомъ префектъ Академіи, написалъ остающееся также въ рукописи сочиненіе „Согласіе Евангелистовъ“. Ѳеофилактъ (Горскій) до 1758 г. ученикъ, затѣмъ учитель, префектъ, ректоръ Московской Академіи и Архимандритъ, потомъ Епископъ Переславскій и затѣмъ Коломенскій ****), былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ и усерднѣйшихъ тружениковъ богословской науки и въ частности библейской науки въ Московской Академіи. Кромѣ обширной системы Православнаго богословія, онъ написалъ Гармонію и Толкованіе на все Священное Писаніе, къ сожалѣнію, тогда и потомъ не изданное печатно и теперь отчасти утраченное, отчасти остающееся въ рукописяхъ. Если этотъ

Тверскій), который вмѣстѣ съ Софроніемъ Лихудомъ и другими съ 1712 по 1723 г. занимался этимъ дѣломъ и исправилъ всю Библію. О Ѳеофилактѣ (Лопат.) см. Евгенія „Словарь.“ Т. 2. Стр. 325 и д. Филарета „Обзоръ“, № 15. Смирнова „Исторія Москов. Акад.“ стр. 127—129. 194 и д. 215.

*) О немъ—у Евгенія: 1, 81. Филар. 109. Смирн. Акад. 203.

**) О немъ—у Евгенія: 2, 268. Филар. 84. Смирн. Акад. 211.

***) Филар. 46; Смирн. Акад. 210.

****) Евген. 2, 329. Филар. 74. Смирн. Исторія Акад. 334.

трудъ состоитъ отчасти изъ парафраза, отчасти изъ сличеній переводовъ и текстовъ, отчасти изъ примѣчаній только краткихъ или замѣтокъ и меньшею частію изъ толкованій въ собственномъ смыслѣ: то все-же это—трудъ громадный, который не можетъ не возбуждать къ себѣ удивленія.—Таковы были первые плоды начавшагося въ разсматриваемое время движенія библейской екзегетики въ Московской Академіи, на которыхъ послѣдующему историку нельзя не остановиться съ уваженіемъ.

Но тогда, съ 1750-хъ до 1775-хъ годовъ, классное занятіе Св. Писаніемъ и его толкованіемъ не было еще регулировано и опредѣлено въ Московской Академіи и Троицкой Семинаріи. Воспитанникъ и потомъ учитель Академіи, префектъ и ректоръ Троицкой Семинаріи, сдѣлавшись Архіепископомъ, потомъ Митрополитомъ Московскимъ, Платонъ (Левшинъ) вдохнулъ новую жизнь въ эти любимыя имъ учебныя заведенія, еще болѣе оживилъ въ нихъ науку богословскую и въ частности изученіе Библіи. Съ него толкованіе Библіи стало особеннымъ предметомъ класснаго преподаванія и притомъ толкованіе было предлагаемо и публично во дни воскресные.—Платонъ регулировалъ такимъ образомъ дѣло толкованія Библіи въ Академіи и Семинаріи и даже далъ подробныя и примѣчательныя правила для толкователей и толкованія. Эти правила показываютъ правильное, глубокое и тонкое пониманіе дѣла толкованія, какое не всегда было въ сознаніи и у послѣдующихъ, даже высоко стоявшихъ, представителей этого дѣла, и потому мы выпишемъ ихъ здѣсь *). „При толкованіи Писанія должно: 1. Открыть буквальный смыслъ, и гдѣ темно, или отъ перевода, или по свойству языка, объяснить такъ, чтобы не осталось мѣста, котораго бы студенты не разумѣли, выключая нѣкоторыя весьма рѣдкія мѣста, кои не удобь понятны. 2. Истолковать смыслъ духовный и таинственный, особливо въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный прямо сокрывается. При семъ надобно остерегаться, чтобы сего не дѣлать съ принужденіемъ, т. е., и тамъ искать таинственнаго смысла, гдѣ онаго нѣтъ, развѣ по нѣкоторому натягиванію, какъ у многихъ толковниковъ сіе примѣчается, но гдѣ оный прямо и изъ словъ, и изъ связи, и изъ параллельныхъ мѣстъ слѣдуетъ, держась при томъ

*) См. Смирнова, Исторія Москов. Слав.-греко-латин. Академіи, 294—295 стр.

наилучшихъ толкователей. 3. Для большаго выразумѣнія темныхъ мѣстъ надобно сводить мѣста параллельныя: ибо сіе весьма облегчитъ понятіе, поелику очень нерѣдко, что въ одномъ мѣстѣ сказано темно или кратко, въ другомъ—тоже, но уже ясно и пространно. 4. Не забывать при толкованіи, чтобъ выводить и нравоученія, прямо оттуда слѣдующія. 5. Пророковъ толкуя, надобно показывать, когда ихъ пророчества исполнились и при каковыхъ обстоятельствахъ. 6. Гдѣ мѣста Св. Писанія найдутся, изъ коихъ одно кажется другому противорѣчитъ, тѣ объяснять и соглашать съ помощію на то изданныхъ гармоній. 7. Гдѣ найдутся мѣста, изъ коихъ нѣкоторые выводили превратныя толкованія, и что подавало поводъ къ расколамъ и ересямъ, надобно тѣхъ прямой и истинный смыслъ показать и опровергнуть мнѣнія и доводы еретиковъ и раскольниковъ. 8) Гдѣ найдутся такія мѣста, на которыя мудрованіе человѣческое можетъ дѣлать нѣкоторыя возраженія, не скрывать, но ихъ рѣшать яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ“.

Одушевленіе и оживленіе богословской науки и изученія Библіи въ Московской Академіи и Троицкой Семинаріи подъ вліяніемъ Митрополита Платона выразилось цѣлымъ рядомъ трудовъ по библейской наукѣ ученыхъ представителей этихъ заведеній, восполнившихъ рядъ упомянутыхъ нами предшественниковъ ихъ. Не всѣ они, какъ и тѣ, и не все, что издали, издали они въ бытность свою на должности въ Академіи и Семинаріи, а многое—въ послѣдствіи; но подготовлены были ихъ труды по всей вѣроятности въ Академіи и Семинаріи; а что здѣсь именно развился ихъ вкусъ и любовь къ таковымъ трудамъ, это можно считать несомнѣннымъ.—Учитель, префектъ и ректоръ Московской Академіи Архимандритъ Амвросій (Подобѣдовъ), въ послѣдствіи митрополитъ Петербургскій, написалъ Руководство къ изученію Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, изданное нѣсколько послѣ *). Учитель и префектъ Троицкой Семинаріи, а потомъ Академіи іеромонахъ Амвросій (Серебрениковъ), въ послѣдствіи Архіепископъ Екатеринославскій, написалъ Толкованіе на книгу пророка Іезекіиля (ркп). Учитель и катехизаторъ Академіи Ириней (Клементьевскій), впослѣдствіи Архіепископъ Псков-

*) Руководство къ чтенію Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. М. 1799.—Объ Амвросіи и далѣе упоминаемыхъ свѣдѣнія у Евгенія въ Словарѣ, у Филарета въ Обзорѣ и у Смирнова въ Исторіи Академіи и Троицкой Семинаріи.

скій, написалъ и издалъ цѣлый рядъ комментаріевъ: изъ Ветхаго завѣта—на Псалмы (обширный, трехтомный), на книгу пророка Даніила, да двѣнадцать малыхъ пророковъ; изъ Новаго Завѣта—на посланія къ Римлянамъ и къ Евреямъ. Учитель и ректоръ Троицкой Семинаріи, а потомъ Академіи, Архимандритъ Аполлосъ (Байбаковъ), впослѣдствіи Епископъ Архангельскій, написалъ и издалъ Толкованія на посланія Ап. Павла къ Коринѳянамъ (первое), Галатамъ, Ефесеямъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ и первое къ Солунянамъ. Учитель, префектъ и ректоръ Академіи Архимандритъ Аѳанасій (Ивановъ), впослѣдствіи Архіепископъ Екатеринославскій, составилъ записки по классу чтенія Св. Писанія, гдѣ славянскій переводъ Библіи повѣрялся и съ греческимъ переводомъ, и съ еврейскимъ подлинникомъ (остаются въ ркп.). Ученикъ, учитель и ректоръ Академіи Архимандритъ Меѳодій (Смирновъ), впослѣдствіи Архіепископъ Псковскій, написалъ и издалъ Толкованіе на посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ (1794 г.). Учитель, префектъ и ректоръ Академіи Архимандритъ Августинъ (Виноградскій), впослѣдствіи Архіепископъ Московскій, написалъ Толкованіе на Апостольскія посланія (ркп.).—Рядъ толкованій и толковниковъ почтенный! Сюда же примыкаютъ: Четвероевангеліе или сводъ Евангельскихъ повѣствованій Х. А. Чеботарева, профессора Московскаго Университета, и Толкованіе на посланіе къ Римлянамъ Московскаго священника Петра Семеновича Томилова. Издавались и краткія толкованія отдѣльныхъ мѣстъ Писанія въ родѣ изъясненія молитвы Господней Московскаго протоіерея Іоанна Кандорскаго (1806 г.) и др. *).

Кіевская Академія за все это время можетъ указать только на двухъ мужей, воспитанниковъ своихъ, сдѣлавшихъ вкладъ въ библейскую науку нашу. Это—1) Ученикъ, учитель и ректоръ Кіевской Академіи Архимандритъ Ириней (Фальковскій), въ послѣдствіи Епископъ Чигиринскій, написавшій Толкованіе на посланія Апостольскія, изъ коихъ впрочемъ изданы только толкованія на посланія къ Римлянамъ и Галатамъ (1806—7 г.) 2) Воспитанникъ Кіевской Академіи, впослѣдствіи Архіепископъ Курскій, Ѳеоктистъ (Мочульскій), издавшій (1808) сочиненіе подъ заглавіемъ: Драхма отъ сокровища божественныхъ Писаній В. и Н. Завѣта, т. е., со-

---

*) О Чеботаревѣ, Томиловѣ и Кандорскомъ см. у Филарета въ Обзорѣ №№ 77. 157.

кращеніе правилъ, при чтеніи Св. Писанія къ знанію потребныхъ. — Къ нимъ присоединить развѣ еще одного кіевскаго воспитанника Ивана Тодорскаго, издавшаго Священную Географію, собранную изъ разныхъ писателей, съ картинами (1800 г.) **)

Невская Семинарія и потомъ Академія въ разсматриваемое время также не много дала трудовъ по толкованію Писанія и библейской наукѣ. Воспитанникъ Невской Семинаріи, впослѣдствіи Протопресвитеръ, Сергій Краснопѣвковъ написалъ и издалъ Сокращенное изъясненіе посланія Ап. Павла къ Римлянамъ (1801 г.). Ректоръ Петербургской (прежней) Академіи Архимандритъ Антоній (Знаменскій), впослѣдствіи Епископъ Ярославскій, написалъ и издалъ Compendium Hermenevticae (Р. 1806 г.). Къ нимъ присоединить развѣ еще ректора Петербургской Семинаріи Архимандрита Иннокентія (Смирнова), впослѣдствіи Епископа Пензенскаго, написавшаго толкованіе на 1-й и 2-й псалмы, и учителя Невской Семинаріи, потомъ священника, Петра Вигилянскаго, написавшаго и издавшаго свящ. Географію (СПБ. 1808 г.) *).

И внѣ этихъ центровъ движенія и развитія богословской и библейской науки были люди, потрудившіеся, и нѣкоторые много, надъ толкованіемъ Библіи и оставившіе замѣчательные труды по этой части **). Сюда принадлежатъ: Евгеній Булгаръ, родомъ грекъ (по предкамъ болгаринъ), получившій образованіе въ иностранныхъ университетахъ, съ 1771 года русскій подданный, впослѣдствіи Архіепископъ Славенскій и Херсонскій. Онъ написалъ, между прочимъ, Размышленія или примѣчанія на пять книгъ Моусеевыхъ, на греческомъ языкѣ напечатанныя въ Вѣнѣ (1801 г.), перевелъ съ французскаго на греческій трактактъ Безобра О достовѣрности книгъ Евангельскихъ и свидѣтельства Евангелистовъ, и съ латинскаго на греческій—трактатъ Кальмета Соглашеніе двухъ Евангельскихъ родословій І. Христа. Первый изъ нихъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ (1803 г.) Ѳеофилактомъ (Русановымъ), бывшимъ потомъ Екзархомъ Грузинскимъ. —Никифоръ Ѳеотоки, родомъ также грекъ и также получившій образованіе въ иностранныхъ университетахъ, съ 1776 г.

**) Объ Иринеѣ и Ѳеоктистѣ—у Евгенія и Филарета въ указ. сочиненіяхъ; о Тодорскомъ у Филарета, 155.

*) О Краснопѣвковѣ, Антоніи, Иннокентіи и Вигилянскомъ—у Филарета въ Обзорѣ.

**) О всѣхъ нижеупомянутыхъ см. у Евгенія и Филарета въ указ. сочииеніяхъ

русскій подданный, впослѣдствіи Архіепископъ Херсонскій, потомъ Астраханскій, написалъ и издалъ въ Лейпцигѣ на греческомъ языкѣ Цѣпь или сводъ Толкователей (15) на восемь первыхъ книгъ Библіи и на Царства (1772—73), „трудъ драгоцѣнный по собранію толкованій (замѣчаетъ Преосвящ. Филаретъ Черниговскій), къ сожалѣнію, неизвѣстный еще въ русскомъ переводѣ". Но, конечно, при тогдашнемъ знаніи греческаго языка, этотъ трудъ, какъ и упомянутый истолковательный трудъ Евгенія Булгара, былъ вполнѣ доступенъ русскимъ богословамъ и екзегетамъ. Его же толкованіе Воскресныхъ Евангелій и Воскресныхъ Апостоловъ, писанное также на греческомъ языкѣ, тогда же переведено было па русскій и напечатано (1805—1819 г.).—Ректоръ Астраханской Семинаріи, а потомъ Казанской Академіи Архимандритъ Сильвестръ (Лебединскій) составилъ и издалъ Приточникъ Евангельскій, или толкованіе притчей І. Христа (М. 1796 г.).—Анастасій (Братановскій), впослѣдствіи Епископъ Бѣлорусскій и Архіепископъ Астраханскій, составилъ толкованіе па Евангеліе отъ Іоанна (остается въ ркп.).—Симонъ (Лаговъ), съ 1770 г. Епископъ Костромскій, съ 1778 г. Рязанскій, оставилъ послѣ себя въ рукописи Толкованіе на весь Новый Завѣтъ.—Ученикъ и учитель Костромской Семинаріи и потомъ священникъ въ С.-Петербургѣ Іоаннъ Сидоровскій написалъ Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, каковое издано по опредѣленію Синода въ 1781 г. —Ученикъ и учитель той же Семинаріи, потомъ протоіерей Костромскій, а затѣмъ Петербургскій, Іоаннъ Красовскій составилъ опытъ согдашенія четырехъ Евангелистовъ во всѣхъ повѣствованіяхъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ (ркп.).—Іеромонахъ Ѳеоктистъ читалъ въ Могилевскомъ соборѣ по воскреснымъ днямъ изъясненіе соборнаго посланія Ап. Іакова, съ краткими нравоученіями, изданное потомъ въ 1804 г.— Сюда же принадлежатъ сочиненія бывшаго съ 1801 г. ректора Харьковскаго Коллегіума Протоіерея Андрея Семеновича Прокоповича, изданныя впрочемъ нѣсколько позднѣе предѣла обозрѣваемаго нами полустолѣтія (1819—1826), именно: Мысли при чтеніи посланій Ап. Павла къ Солунянамъ (1819 г.), къ Галатамъ (1820 г.), къ Ефесянамъ (1821 г.); но по характеру своему они принадлежатъ, впрочемъ, къ обозрѣваемому времени.

Вотъ какой значительный рядъ толкователей и ихъ трудовъ по изъясненію библейскихъ книгъ и отчасти изслѣдо-

ванію о нихъ представляетъ первая половина обозрѣваемаго нами столѣтія. За исключеніемъ обширныхъ трудовъ, оставшихся въ рукописяхъ, наша библейская наука имѣла: Введеніе въ книги св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта—Амвросія, Герменевтику—Антонія и Толкованія помянутыхъ толковниковъ на большую часть, и притомъ важнѣйшихъ, книгъ Ветхаго Завѣта и почти на всѣ книги Новаго Завѣта, и на нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ—не по одному толкованію. Это была значительно большая библіотека истолковательная; а если присоединить къ ней многочисленные, сдѣланные вновь или исправленные въ это время, прежніе переводы истолковательныхъ твореній древнихъ отцовъ Церкви, особенно Златоустаго и Ѳеофилакта, то—и очень значительная.—Конечно, если вспомнимъ, что въ это же самое время на ближнемъ Западѣ процвѣтала экзегетическая школа Эрнести—Землера съ Розенмиллерами, Михаэлисами и пр. и пр., что въ это же время тамъ же была во всей силѣ строго церковная протестантская школа съ экзегетическими трудами Бенгелей, Фляттовъ, Штейделей и пр. и пр., что въ это время уже по всему свѣту разошлись громадные екзегетическіе труды энергическихъ католиковъ предшествующаго періода—Кальмета, Поля, Аляпида, Естія и пр. и пр.: то похвалиться намъ много нельзя; но для начала дѣла и сдѣланнаго было довольно, а говоря безотносительно—и очень. Во всякомъ случаѣ исторія будетъ воспоминать о помянутыхъ представителяхъ нашей екзегетики тѣхъ временъ, особенно о главнѣйшихъ и болѣе потрудившихся изъ нихъ, особенно въ Московской Академіи, съ благодарностію и почтеніемъ.—Можетъ показаться съ перваго взгляда достойнымъ сожалѣнія, что помянутые представители нашей екзегетики, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ, не пользовались трудами современныхъ имъ западныхъ протестантскихъ толкователей, а пользовались по большей части, и нѣкоторые довольно много, трудами католическихъ толкователей предшествующаго періода, а потому методъ толкованія у нихъ не столь выработанъ, какъ у ихъ современниковъ на протестантскомъ западѣ, и они не столь далеко подвинули свое дѣло, какъ могли бы, воспользовавшись ихъ методомъ и трудами. Правда, что у помянутыхъ толкователей нашихъ, даже лучшихъ, мало филологическаго элемента въ толкованіи, этой основы строго научнаго толкованія, менѣе, чѣмъ сколько они могли позаимствовать его у ихъ западныхъ современниковъ; ихъ толкованія

въ большей части болѣе богословскія примѣчанія и даже нравоучительныя размышленія, когда не парафразъ, и почти всегда имѣютъ положительный характеръ *). Но, во-первыхъ, была-ли еще тогда развита потребность въ строго филологическомъ методѣ толкованія, не только у читателей, но и у большей части самихъ толкователей? Если и послѣ не чувствовалось этой потребности и теперь можетъ быть не очень еще чувствуется: то, вѣроятно, то же было и тогда. Потомъ, можетъ быть, молодой наукѣ не вполнѣ и безопасно было слишкомъ довѣриться стоявшимъ подъ разными, не всегда чистыми вліяніями представителямъ тогдашней протестантской екзегетики, какъ объ этомъ можно отчасти гадать по нѣкоторымъ фактамъ послѣдующаго времени? Наконецъ, можетъ быть, отчасти этому отчужденію представителей нашего тогдашняго толкованія отъ протестантскихъ толкователей обязаны мы строгимъ сохраненіемъ отличительныхъ чертъ ихъ трудовъ: строгой вѣрности толкованія духу Церкви, какъ онъ выразился въ толкованіяхъ отцевъ и учителей Церкви, которыми съ такою любовію пользовались они, сильнымъ нравственнымъ элементомъ въ толкованіи и популярностію толкованія въ лучшемъ смыслѣ этого слова.—Но во всякомъ случаѣ, повторяемъ, для нововозникавшей библейской науки помянутыми мужами, особенно въ Московской Академіи, сдѣлано довольно, даже очень, и исторія не можетъ не отнестись къ нимъ съ благодарностію и почтеніемъ, особенно если сравнить ихъ труды съ трудами послѣдующаго полустолѣтія.

2.

Во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія произведено было извѣстное преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній. Изученію Св. Писанія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дано было видное мѣсто, и къ преподаванію и изученію его, безъ сомнѣнія, какъ и другихъ наукъ, относится извѣстное высокое правило проекта Устава, „чтобы авторы и учебныя книги профессоровъ избираемы были въ своемъ родѣ самые лучшіе, и чтобъ они всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“ **).

*) Краткіе отзывы о характерѣ трудовъ большей части упомянутыхъ толковниковъ и изслѣдователей Библіи, а равно и ниже упоминаемыхъ см. у Сольскаго—Обозрѣніе трудовъ по изученію Библіи въ Россіи (Православ. Обозрѣніе. 1869 г.).

**) Проектъ Устава дух. Академій § 122 ст.

Этимъ должно было возвыситься научное изученіе и толкованіе Библіи, особенно въ новопреобразованныхъ академіяхъ, усовершиться, окрѣпнуть, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна была обогатиться наша истолковательная или вообще библейская литература, стоя притомъ на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ этой наукѣ. Первыми литературными проявленіями развитія и направленія библейской науки въ преобразованныхъ Академіяхъ были: Записки на книгу Бытія—Филарета *) и Опытъ историко-филологическаго обозрѣнія книги Псалмовъ Г. П. Павскаго **). Первая изъ этихъ книгъ съ ея высокими достоинствами всѣмъ извѣстна, послѣдняя—не толкованіе собственно, а изслѣдованіе о книгѣ; но обѣ эти книги имѣютъ одинаковый научный характеръ: строгій, основанный на филологіи методъ объясненія, здравые критическіе пріемы, выдержанность и основательность выводовъ, при сжатости и возможной общедоступности изложенія; это были книги, дѣйствительно „стоявшія на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами науки". Судя по этимъ опытамъ въ области библейской науки, какъ въ толкованіи собственно (у Филарета), такъ и въ изслѣдованіи (у Павскаго), можно было ожидать здороваго и сильнаго развитія нашей библейской науки въ томъ и другомъ направленіи, въ дальнѣйшемъ ея теченіи. Но—таковымъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться, и не осуществились они въ теченіе почти цѣлаго слѣдующаго полустолѣтія; да, въ теченіе почти цѣлаго полустолѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлано въ этой области съ 1815-хъ до 1860-хъ годовъ? Собственно истолковательныхъ трудовъ на цѣлыя отдѣльныя книги явилось только три: записки на посланіе къ Ефесянамъ—прот. Скворцова (1838 г.), Объясненіе посланія Ап. Павла къ Галатамъ—Агаѳангела (1854 г.) и Опытъ объясненія на посланіе Ап. Павла къ Галатамъ—Филарета (1862 г.), Архіепископа Черниговскаго, и—только; развѣ присовокупить еще Краткое изъясненіе перваго соборнаго посланія Іоаннова—прот. Соколова (1858 г.), весьма незначительное. Не строго истолковательные труды въ видѣ краткихъ примѣчаній къ русскому переводу: Книги Іова (1861 г.) и Книги Іисуса сына Сирахова (1860 г.)—упомянутаго Агаѳангела; не строго также истолковательные труды въ видѣ церковныхъ бесѣдъ:

*) Первое изданіе. СПБ. 1816.
**) СПБ. 1814.

Бесѣды на Евангелиста Матѳея, говоренныя Филаретомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ (1829 г.), и его же бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна (1832 г.); Евсевія—Бесѣды на воскресныя и праздничныя чтенія изъ Евангелій (1855).—Есть свѣдѣнія, что нѣсколько истолковательныхъ сочиненій остались въ рукописяхъ. Таковы: Толкованіе на книгу пророка Исаіи Филарета, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго; Толкованіе на посланіе къ Евреямъ—Кирилла, впослѣдствіи Архіепископа Подольскаго; Аарона, впослѣдствіи Еп. Архангельскаго - Толкованія на Евангелія воскресныя; Іакова, впослѣдствіи Архіепископа Нижегородскаго - Бесѣды на Евангеліе отъ Іоанна *).—Появилось нѣсколько Обозрѣній, отчасти истолковательныхъ, нѣкоторыхъ книгъ библейскихъ. Таковы: Обозрѣніе перваго посланія къ Коринѳянамъ—М. Голубева (1861 г.); сочиненіе подъ названіемъ „Апостолы"—Ѳ. Яковлева, особенно 2-й выпускъ объ Апостолѣ Іоаннѣ Богословѣ (1856 г.). Таковы отчасти обозрѣнія книгъ большихъ пророковъ, Плача Іереміи и Пѣсни Пѣсней—А. М. Бухарева (1860 г. и др.); подробный сравнительный обзоръ Четвероевангелія—свящ. В. Гречулевича (1859 г.). Причислимъ сюда же и собственно изслѣдовательныя сочиненія, каковы: О третьей книгѣ Ездры—Шаврова (1861 г.) и о томъ же Архимандрита Ѳеодора; его же - о посланіяхъ св. Апостола Павла, о Новомъ Завѣтѣ Господа нашего І. Христа.—По теоріи толкованія Библіи вышли за это время: Delineatio Hermenevticae sacrae (1828 г.), ректора С.-Петербургской Семинаріи Архимандрита Іоанна; примѣчанія къ чтенію и толкованію Св. Писанія изъ толкованій святоотеческихъ—Игнатія, Архіепископа Воронежскаго (СПБ. 1848 г.) и Библейская Герменевтика или Толковательное Богословіе—Савваитова (1844 и 1857). По исагогикѣ: Введеніе въ книги Св. Писанія Новаго Завѣта—Хергозерскаго (1860 г.); Пособіе къ доброму чтенію и слушанію Слова Божія—священ. В. Смарагдова (1861 г.); Чтеніе объ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта—П. Лебедева (1860 г.). Вотъ и все, не только болѣе выдающееся, но и мало выдающееся въ обозрѣваемой нами области за цѣлое почти полустолѣтіе съ преобразованными духовно-учебными заведеніями!—Скудно, очень скудно, неожиданно скудно! Припомнимъ, что большая часть сейчасъ по-

---

*) См. о нихъ въ Обозрѣ русской дух. литературы Филарета, выпускъ 2 й.

именованныхъ трудовъ явилась въ самомъ концѣ этого полустолѣтія, около 1860-хъ годовъ, а предъ тѣмъ обозрѣваемая нами область была почти совсѣмъ пустыней.—Эту непомѣрную скудость цѣльныхъ трудовъ по истолкованію или вообще по научному изученію библейскихъ книгъ нѣсколько восполняютъ статьи по этой части, помѣщавшіяся въ журналахъ, постепенно открывавшихся при преобразованныхъ духовныхъ Академіяхъ, но именно—лишь нѣсколько восполняютъ. Во-первыхъ, таковыхъ статей, особенно серіозныхъ, вообще говоря, не очень много, и во-вторыхъ, значеніе большей части изъ нихъ не очень высоко. Журналъ Кіевской Академіи „Воскресное Чтеніе“ (съ 1837 г.), по назначенію и характеру своему, былъ журналъ популярный и поэтому самому истолковательныя и библіологическія статьи, помѣщавшіяся въ немъ, правда, въ обиліи, были статьи легкія, простенькія, за весьма немногими исключеніями и притомъ позднѣйшаго времени. Болѣе научный характеръ имѣлъ журналъ С.-Петербургской Академіи—„Христіанское Чтеніе“ (съ 1821 г.), и въ немъ постоянно, особенно въ позднѣйшее время, отводилось довольно значительное мѣсто статьямъ по Св. Писанію, и серіозныхъ, имѣющихъ несомнѣнно важное значеніе, статей по обозрѣваемой нами отрасли богословія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ другихъ журналахъ; но все-же это—журнальныя статьи разрозненныя, отрывочныя, болѣе или менѣе случайныя, не представляющія цѣльнаго, законченнаго, проникнутаго однимъ духомъ, съ одинаковыми пріемами труда, а только болѣе или менѣе цѣнныя частности. Быть можетъ, еще болѣе серіозный научный характеръ имѣлъ журналъ „Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ“ (съ 1843 г.), но въ немъ всего одинъ неполный десятокъ статей по Св. Писанію, съ общимъ, сейчасъ нами обозначеннымъ характеромъ отрывочныхъ журнальныхъ статей, хотя и важныхъ. Въ Казанскомъ журналѣ—„Православный Собесѣдникъ“ (съ 1855 г.) замѣчателенъ только помѣщавшійся къ концу обозрѣваемаго нами времени (1861 г.) опытъ толкованія подъ заглавіемъ: „Изъ записокъ на книгу Исходъ“ (если не ошибаемся, тогдашняго ректора Казанской Академіи Архимандрита Іоанна, впослѣдствіи Епископа Смоленскаго), но трудъ вскорѣ былъ оставленъ, хотя и можно было ожидать замѣчательнаго цѣльнаго труда; а затѣмъ еще двѣ—три незначительныхъ статьи въ немъ, и—все. Такъ, говоримъ, журнальными статьями лишь нѣсколько, не много, восполняется скудость цѣльныхъ истолковательныхъ и вообще

относящихся къ библейской наукѣ трудовъ въ теченіе обозрѣваемаго полустолѣтія. Вообще же, повторяемъ, въ этой области во все это время было скудно, очень скудно, неожиданно скудно, даже сравнительно съ предшествующимъ обозрѣннымъ нами полустолѣтіемъ, при непреобразованныхъ училищахъ, когда, какъ мы видѣли, образовалась значительная библіотека трудовъ по толкованію и вообще изученію Библіи, сравнительно съ которою библіотека втораго полустолѣтія, если собрать все, что напечатано по этой части, оказывается такою малою!—Можетъ быть, скудость количественная восполняется богатствомъ внутреннимъ, богатствомъ содержанія? Конечно, время и здѣсь отчасти сдѣлало свое; но и то, прежнее, сдѣлано было для своего времени и общества, и если судить по потребностямъ и состоянію времени, то упрекъ въ скудости и содержанія, какъ и количества, кажется намъ, долженъ пасть на послѣднее же, а не на предпослѣднее полустолѣтіе, хотя и тяжело выговорить это.—А между тѣмъ это послѣднее полустолѣтіе было временемъ сильнаго движенія и развитія библейской науки не только протестантской, но и католической, и литература ея на западѣ развилась въ обширныхъ размѣрахъ, и изученіе ея могло отозваться благотворно и на нашей литературѣ; а при видѣ этого еще тяжелѣе ложится на душу эта скудость нашей библейской науки за это послѣднее полустолѣтіе.

Однако, что же это за явленіе? Что за причина этой крайней скудости? Чѣмъ она обусловливалась?

Прежде всего, намъ кажется, что причины этого явленія, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ искать въ самомъ преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ, вообще говоря, сдѣлано было отлично, ни въ организаціи преподаванія науки о Св. Писаніи въ преобразованныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, которая въ общемъ была удовлетворительна. По плану, выработанному въ С.-Петербургской Дух. Академіи, въ первые же годы по ея преобразованіи, ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ Архимандритомъ Филаретомъ *), потомъ введенному и въ прочихъ Академіяхъ и державшемуся до послѣдней реформы Академій, курсъ науки о Священномъ Писаніи въ академіяхъ былъ четырехлѣтній, въ продолженіе котораго преподавалась

*) Чистовичъ. Исторія С.-Петербургской Дух. Академіи, стр. 271. 277—278

наука о всей Библіи, о Ветхомъ Завѣтѣ въ первую половину курса, о Новомъ въ послѣднюю, или наоборотъ. Послѣ общаго введенія въ Библію, при обозрѣніи каждой книги изъяснялись: ея расположеніе, буквальный и таинственный смыслъ текста, главнѣйшія мѣста богословскихъ истинъ (sedes doctrinae), мѣста трудныя, преимущественно знаменательныя и спорныя. Такъ какъ нѣтъ возможности по такой программѣ прочитать Библію классическимъ преподаваніемъ въ продолженіе курса, то полагалось: мѣста и книги болѣе важныя прочитывать съ особенною подробностію, а прочія—кратко. Изъ книгъ Ветхозавѣтныхъ полагалось прочитывать съ особенною подробностію книги: Бытія, Псалтирь, Екклезіастъ, Пѣснь пѣсней, пророка Исаіи; изъ Новозавѣтныхъ: Евангеліе отъ Іоанна, посланія ап. Павла къ Римлянамъ, Коринѳянамъ и Евреямъ. Конечно, при этой организаціи многое предоставлялось и личному усмотрѣнію и благоразумію преподавателя. Правда, нельзя не замѣтить, что для одного преподавателя нѣсколько обременительно такъ вести дѣло, но болѣе—только на первый разъ; постановка же дѣла въ общемъ была удовлетворительна и не въ ней, говоримъ, и не въ преобразованіи вообще нужно искать причинъ скудости литературной разработки науки о Библіи за указанное полустолѣтіе. Какъ хорошо можно было дѣлать это дѣло, показываютъ изданныя въ самомъ началѣ преобразованія „Записки на книгу Бытія“ Филарета и „Обозрѣніе книги Псалмовъ“ Павскаго. Нѣтъ, причинъ этой скудости нужно искать внѣ преобразованія; причины должны быть постороннія.

Одною изъ главныхъ и важнѣйшихъ причинъ, кажется намъ, было то, что много лучшихъ силъ, особенно въ первое время обозрѣваемаго полустолѣтія, употреблено было для приготовленія и изданія Св. книгъ Новаго и отчасти Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ. Переводъ сначала новозавѣтныхъ, а потомъ и ветхозавѣтныхъ книгъ порученъ былъ профессорамъ новопреобразованныхъ Академій, подъ главнымъ смотрѣніемъ лучшихъ людей по библейской наукѣ Филарета и Павскаго, которые и сами переводили нѣкоторыя книги и редактировали переведенныя другими. На этомъ благотворномъ дѣлѣ сосредоточены были, такимъ образомъ, лучшія силы, и не малое количество, и на не короткое время. Переводъ, редакція и изданіе Новаго Завѣта окончены были въ 1821 году, а затѣмъ первыя восемь книгъ Ветхозавѣтной Библіи изданы были въ 1827 году и кромѣ ихъ издана была

еще Псалтирь. По причинамъ, не зависѣвшимъ отъ переводчиковъ и редакторовъ, дѣло это, къ общему сожалѣнію истинно любившихъ Библію и библейскую науку, было потомъ остановлено, а затѣмъ, еще къ большему прискорбію, прекращено и запрещено. Но лучшіе люди времени тѣмъ не менѣе все же продолжали въ тиши кабинетовъ посвящать силы свои этому любимому своему дѣлу, благотворность коего они живо сознавали, не смотря на внѣшній случайный запретъ. Таковы были: самъ приснопамятный въ этомъ дѣлѣ Павскій, продолжавшій переводъ прочихъ, не изданныхъ тогда, книгъ Ветхозавѣтныхъ; приснопамятный Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), предпринявшій и совершившій переводъ почти всѣхъ книгъ Ветхозавѣтныхъ, и другіе и, кажется,—въ не маломъ числѣ, судя по нѣкоторымъ фактамъ и по всеобщему сочувствію къ этому дѣлу. На другихъ же этотъ запретъ русскихъ переводовъ Библіи не могъ не подѣйствовать охлаждающимъ образомъ въ отношеніи къ ревностнымъ занятіямъ Библіей и серьозной, по любви научной разработкѣ ея.

Сосредоточеніе лучшихъ силъ на русскомъ переводѣ Библіи, конечно, отвлекло ихъ отъ развитія собственно толкованія Библіи и изслѣдованій о ней; но оно могло и должно было бы имѣть благотворнѣйшее вліяніе на дальнѣйшее развитіе толкованія и вообще библейской науки, еслибы не было другихъ постороннихъ причинъ, положившихъ преграду этому развитію, какъ и самому окончанію въ то время русскаго перевода Библіи. Главнѣйшею изъ нихъ, можетъ быть, причиною и другихъ причинъ, было непрошеное и прискорбное вмѣшательство въ дѣло развитія богословской и въ частности библейской науки людей съ разными таинственными тенденціями и чуждыми дѣлу науки воззрѣніями, выросшими на чуждой намъ почвѣ и вредными, какъ, по крайней мѣрѣ, показалось многимъ тогда. Переведены и изданы были тогда, въ числѣ многихъ книгъ вообще богословскаго содержанія, и собственно истолковательныя на нѣкоторыя книги св. Писанія сочиненія, исполненныя ложнаго мистицизма и нѣкоторыхъ другихъ, не согласныхъ съ духомъ и характеромъ Православной Церкви, тенденцій таковы: Юнга Штиллинга Побѣдная повѣсть, Толкованіе на Апокалипсисъ (1815); г-жи Гіонъ: Объясненіе на Дѣянія и посланія св. Апостоловъ (1821), Изъясненіе на Апокалипсисъ (1821), Изъясненіе на Евангелія отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна (1823), Изъясненіе на Притчи, Екклезіаста, Пѣснь пѣсней (1823) нѣкоторыя дру-

гія *). Они возбудили недоразумѣнія и недоумѣнія, превратившіяся потомъ въ негодованіе, затѣмъ преслѣдованіе и запрещеніе ихъ; а изъ-за нихъ усилена была цензура духовныхъ книгъ вообще и доходила до строгостей уже черезъчуръ. Это не могло не отразиться гибельно на развитіи нашей молодой библейской науки. Съ одной стороны, у людей, сочувствовавшихъ подобному направленію въ воззрѣніяхъ на Библію и толкованіяхъ, извращался вкусъ къ правильному научному толкованію и отъ нихъ нельзя было ожидать правильнаго развитія библейской науки у насъ. Съ другой, усиленіе цензуры, сдѣлавшейся мнительною, подозрительною и придирчивою слишкомъ, заставляло и людей, не сочувствовавшихъ помянутому ложному направленію толкованія и могшихъ идти другимъ правильнымъ путемъ въ этомъ дѣлѣ заставляло быть осторожными, опасаться, даже страшиться подозрѣній, придирокъ, даже преслѣдованій и—любити, яко безбѣдное страхомъ, молчаніе... Арестъ еще въ типографіи объяснительныхъ примѣчаній къ Евангеліямъ Госнера (1824 г.), хотя и мистика, не могъ, конечно, ободряющимъ образомъ подѣйствовать и на не мистическихъ толкователей у насъ, которые бы вздумали тогда издать въ свѣтъ что-либо такое.

Къ этому присоединились нѣкоторыя, въ существѣ дѣла, кажется, не очень важныя, но совсѣмъ не ко времени проявившіяся увлеченія не мистическими уже толкованіями, а стремленіями полураціоналистической протестантской библейской науки, со стороны нѣкоторыхъ изъ видныхъ нашихъ экзегетовъ, увлеченія, безъ сомнѣнія, временныя, зависѣвшія отъ молодости нашей науки сравнительно съ тою и, можетъ быть, не совсѣмъ отчетливаго пониманія положенія дѣла въ той наукѣ, и возбудившія подозрѣніе въ чистотѣ и православіи толкованія ими Библіи. Проявленія такихъ увлеченій замѣчены были въ авторѣ „Послѣднихъ дней земной жизни І. Христа", въ первоначальномъ печатномъ ихъ видѣ, и затѣмъ еще болѣе въ литографированныхъ примѣчаніяхъ къ переводамъ особенно пророческихъ книгъ Ветхозавѣтныхъ (Павскаго). Возбуждены были относительно ихъ недоумѣнія и отчасти преслѣдованія и притомъ поступлено было въ этомъ дѣлѣ, кажется, не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало бы поступить. Это вновь не могло не отразиться ослабленіемъ у нѣко-

---

*) См. о нихъ, между прочимъ, въ Обзорѣ русской дух. литературы Филарета, вып. 2, стр. 168—170.

торыхъ, вѣроятно, у многихъ, энергіи въ дѣлѣ литературнаго развитія библейской науки у насъ; и жаль, что это дѣло велось такъ, какъ велось. Если и дѣйствительно были увлеченія: то несомнѣнно, что недоумѣнія, возбужденныя ими, могли несравненно лучше, а главное плодотворнѣе, быть разрѣшены путемъ печати; разъясненіе дѣла печатное могло принести только пользу и авторамъ, и обществу, тогда какъ преслѣдованіемъ немногихъ наводился новый страхъ на многихъ, и работы по этой части не могли не останавливаться опасеніями со стороны ихъ авторовъ; подготовительныя же силы парализовались вѣчными опасеніями.

А при такомъ положеніи—недовѣріе общества къ печатному слову со стороны его искренности и пренебреженіе къ нему, потайное стремленіе къ якобы запрещенному плоду полураціоналистической или раціоналистической экзегетики, иногда раздвоеніе сознанія между призваніемъ и долгомъ съ одной и скрытыми сочувствіями и стремленіями съ другой стороны и т. п., а въ концѣ концовъ—опять парализація силъ, останавливающая движеніе науки. При этомъ, наконецъ, неизбѣженъ былъ въ общемъ упадокъ серіозной подготовки къ дѣлу, порча вкуса къ дѣлу, сосредоточеніе вниманія на другихъ интересахъ, и все это въ соединеніи съ нѣкоторыми другими второстепенными причинами, каковы: наша обычная косность, частая перемѣна, особенно въ первое время обозрѣваемаго полустолѣтія, преподавателей библейской науки въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не позволявшая имъ болѣе поработать надъ дѣломъ, устранявшійся въ предшествующее полустолѣтіе недостатокъ поддержки въ трудномъ у насъ дѣлѣ изданія печатныхъ трудовъ, особенно въ этой забитой и запущенной области, все это и подобное произвело ту скудость трудовъ по библейской наукѣ и, частнѣе, по толкованію Библіи въ это послѣднее полустолѣтіе, о которой мы говорили, и которая составляетъ такое повидимому неожиданное явленіе въ періодъ хорошо сдѣланнаго преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ лучшихъ людяхъ, несомнѣнно, всегда было сочувствіе къ библейской наукѣ и готовность и любовь къ дѣлу, но они не находили себѣ выхода изъ этого положенія, и не мало, вѣроятно, остается истолковательныхъ и изслѣдовательныхъ трудовъ въ рукописяхъ, никому неизвѣстныхъ; а большинство, кажется, и въ сочувствіи охладѣвало, и, начавъ духомъ, оканчивало плотію.

Послѣ 1860-хъ годовъ нѣкоторыя изъ указанныхъ, препятствовавшихъ движенію, причинъ миновали или устранены,

нѣкоторыя ослаблены, и—началось нѣкоторое движеніе и оживленіе въ этой полупустынѣ. Что изъ этого движенія выйдетъ, увидимъ, можетъ быть, и мы, увидитъ, несомнѣнно, подрастающее поколѣніе.

Для характеристики этого времени и его потребностей повторю вамъ теперь то, что говорилъ я въ публичной рѣчи своей въ 1871 г. предъ защитой своей диссертаціи о Евангеліяхъ и евангельской исторіи, замѣтивъ предварительно, что однимъ изъ внѣшнихъ толчковъ къ указанному новому движенію съ 60-хъ годовъ въ нашей области послужило появленіе въ средѣ нашего общества книги Ренана - "О жизни Іисуса", надѣлавшей въ свое время столько шума.

Книга моя писана была въ то время, когда проникшая въ нѣкоторые образованные и полуобразованные слои нашего русскаго общества извѣстная книга Ренана о жизни Господа Іисуса Христа произвела сильное, хотя, какъ оказалось потомъ, не глубокое, а болѣе поверхностное волненіе въ этихъ слояхъ. Волненіе еще болѣе сильное, чѣмъ у насъ, хотя тоже, какъ оказалось потомъ, не глубокое, произвела эта книга и въ Западной Европѣ (кромѣ Англіи); но положеніе общества въ отношеніи къ этой книгѣ, при распространеніи ея, тамъ и у насъ было значительно различное, а потому и задача апологетовъ истины противъ нея тамъ и у насъ должна была быть значительно различная.

Тамъ—въ западныхъ обществахъ, какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ—книга Ренана, собственно говоря, не была совсѣмъ новымъ и неожиданнымъ явленіемъ. Новой и неожиданной явилась она тамъ совершенно по внѣшнимъ и временнымъ, слѣдовательно, случайнымъ причинамъ: потому что въ ней святое и чистое Лице Богочеловѣка представлено съ утонченно—чувственной эстетической точки зрѣнія, и потому книга отчасти въ общемъ тонѣ своемъ, а особенно въ нѣкоторыхъ эпизодахъ имѣетъ характеръ нѣсколько романическій и притомъ тенденціозный; потому что въ ней скрытно проводятся нѣкоторыя любимыя соціальныя теоріи вѣка; потому что она написана дѣйствительно прекраснымъ языкомъ, и вообще стилистика автора выработана превосходно; потому что талантъ автора, какъ популяризатора, говоря вообще—блестящій; потому что книга явилась при второй имперіи и при томъ въ Парижѣ; потому что авторъ самъ путешествовалъ по Палестинѣ и Сиріи и т. п.—Собственно же новаго и неожиданнаго въ сущности воззрѣній автора на Евангелія и

евангельскую историю для западнаго общества не было ничего; тамъ давнымъ давно уже развивались тѣ же въ сущности отрицательныя воззрѣнія (деструктивная критика) прямо и открыто въ литературѣ, и общества совершенно привыкли встрѣчаться съ ними, не говоримъ уже о протестантской Германіи, но и въ католическихъ странахъ, несмотря на католическую цензуру въ школѣ, обществѣ и семьѣ. Быстро распространившись, по указаннымъ причинамъ, въ обществахъ западно-европейскихъ, и въ подлинникѣ, и въ переводахъ, и въ популяризаціяхъ, и произведши сильное волненіе, эта книга вызвала живую полемику и при семъ—обширную апологетическую литературу. Но примѣчательно: литература эта—почти исключительно литература брошюръ и публичныхъ чтеній; за исключеніемъ большой книги отца Владиміра Гетэ, подробно разбирающей всю книгу Ренана, вся остальная литература—брошюра и публичныя чтенія. Явленіе замѣчательное! Въ этомъ, кажется мнѣ, выразилось сознаніе ученыхъ представителей науки тамъ, что собственно научныхъ ученыхъ разборовъ книга не стоитъ, что противъ нея нужно употреблять болѣе легкія средства, такъ сказать, летучія, потому что самая-то книга легка и разсчитана на эффектъ, на нервы, на впечатлѣніе минуты, на легкомысліе, что дѣлать подробный научный разборъ ея, такой, напримѣръ, какимъ надѣляла апологетическая литература книги силачей отрицательной библейской критики—Штрауса, Баура и др., значило бы то же, какъ говорится, что стрѣлять по воробью бомбами. Брошюра, публичное чтеніе дѣйствительно представлялись въ этомъ случаѣ для западнаго общества болѣе пригодными орудіями противъ эффектной книжки легкаго французскаго историка, тогда какъ болѣе тяжелыя орудія научныя продолжали въ то же время дѣйствовать противъ болѣе серьезныхъ представителей подобныхъ направленій. Такъ этому и слѣдовало быть тамъ: желающіе серьезнѣе изучить дѣло люди тамошняго общества всегда имѣли подъ рукой богатую серьезную научную литературу, какъ апологетическую, такъ и отрицательную; представители той и другой тамъ извѣстны всѣмъ, кто хочетъ знать ихъ; книги доступны для всѣхъ, кто интересуется ими; обществу открыты всѣ тайны и апологіи, и отрицанія.

Другое положеніе въ отношеніи къ этому дѣлу занимало общество наше въ то время, когда, совершенно сюрпризомъ для него, появилась въ рукахъ его книга Ренана. Богослов-

ская литература наша въ отношеніи къ вопросамъ о Библіи вообще (да и не къ однимъ только вопросамъ о Библіи), до шестидесятыхъ годовъ, почти совсѣмъ не касалась вопросовъ отрицательной критики, разработывая въ отношеніи къ этимъ вопросамъ одну лишь положительную сторону болѣе или менѣе полно и подробно. Даже школа наша богословская, даже высшая, не очень много, за нѣкоторыми исключеніями, касалась этой отрицательной критики, а большею частію игнорировала ее; иногда лишь, и то по большей части довольно глухо, указывалось—какъ вольнодумцы утверждаютъ, и довольно въ общихъ чертахъ опровергалось то, что они утверждаютъ, прямо же, открыто и систематически ихъ вольнодумства не разбирались; самыя книги ихъ, въ родѣ книгъ Штрауса и т. п., тщательно скрывались, и не всѣмъ желающимъ, даже изъ представителей богословской и библейской науки, удавалось посмотрѣть ихъ, познакомиться съ ними и пообсудить ихъ. Безспорно, что по обстоятельствамъ времени, можетъ быть, такъ это и нужно было, и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это было полезно и даже благодѣтельно для нашей, еще очень молодой, науки; но такое положеніе дѣла имѣло слѣдствія и невыгодныя, изъ коихъ болѣе видное—то, что не подготовлялись люди къ открытой серьезной научной полемикѣ и апологетикѣ, и когда таковая потребовалась, подготовленныхъ почти не оказалось, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ.—Что касается до свѣтской литературы и общества у насъ за это время, то первая не касалась даже стороною богословскихъ и библейскихъ вопросовъ, а послѣднее—вообще говоря—находилось въ болѣе или менѣе полномъ невѣдѣніи не только отрицательныхъ, но и положительныхъ сторонъ дѣла, хотя религіозно-научные интересы, кажется, и не заглохли въ немъ, а, можетъ быть, только не находили себѣ достаточно сродной пищи въ литературѣ богословской. Не многіе изъ свѣтскаго общества, интересовавшіеся богословской наукой, во всей ея широтѣ, и имѣвшіе возможность изучать ее въ современномъ положеніи ея на западѣ, извѣстны, кажется, наперечетъ, по крайней мѣрѣ заявившіе о себѣ въ этомъ отношеніи печатно. Нѣсколько бо́льшій кружокъ, но менѣе знакомый съ вопросами этого рода, хотя и мнящійся знать ихъ, передался, хотя быть можетъ и не совсѣмъ отчетливо для себя, на сторону если не отрицанія, болѣе или менѣе полнаго, то по крайней мѣрѣ скепсиса, болѣе или менѣе сильнаго. Еще нѣсколько бо́льшій кружокъ

особенно молодежи, смутно понимавшій дѣло, но наслушавшійся или начитавшійся кое-какихъ иностранныхъ книгъ по этой части, смутно толковалъ себѣ и другимъ идеи, теоріи и воззрѣнія отрицательныхъ направленій не благопріятно для православной богословской науки, а съ сочувствіемъ къ отрицанію и скепсису—можетъ быть, отчасти и потому, что наша богословская литература молчала. Большинство же, вообще говоря, не знало этого дѣла, хотя безъ сомнѣнія слыхало о неблагопріятныхъ православію и вообще христіанству воззрѣніяхъ и идеяхъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда логика событій потребовала дать русскому обществу болѣе свободы и простора во всѣхъ отношеніяхъ и, между прочимъ,—болѣе свободы и простора слову и печати; когда если не духовное, то житейское и литературное сближеніе съ западомъ оказалось нужнымъ сдѣлать открытѣе; когда произведенія слова и печати всѣхъ родовъ стали свободнѣе входить къ намъ. Естественно, что при такомъ оборотѣ дѣлъ стали развиваться у насъ болѣе и живѣе всяческіе интерессы, между прочимъ и научно-религіозный или богословскій; естественно также, что при относительной новизнѣ этого дѣла, когда заволновались разные интересы и стремленія,—поднялись болѣе или менѣе на верхъ и разные элементы враждебные положительнымъ или—выразимся такъ—консервативнымъ интересамъ и стремленіямъ; естественно, наконецъ, что при недостаточномъ знакомствѣ общества съ вопросами религіи и Церкви зарождались, развивались и даже начали было бушевать молодыя и незрѣлыя отрицательныя стремленія въ области богословской науки, не много вырвавшіяся изъ прежней замкнутости, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ это-то время возбужденія и появилась книга Ренана, и, проникнувъ въ нѣкоторые слои нашего общества, сначала въ доступномъ для многихъ подлинникѣ, а потомъ и въ русскомъ переводѣ, произвела сильное, хотя—какъ мы замѣтили—и неглубокое волненіе, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ и—кажется—женщинахъ. Такъ какъ всякая замкнутость располагаетъ, при нѣкоторыхъ извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, болѣе, и такъ сказать, рѣзче къ отрицанію началъ, которыми ограждается эта замкнутость: то естественно, что при указанномъ положеніи дѣла нашлось не мало людей, подготовленныхъ къ воспринятію отрицанія, даже въ рѣзкомъ его видѣ, въ области доселѣ замкнутой нашей богословской науки, людей болѣе или менѣе, такъ сказать, надорванныхъ. Болѣе надор-

ванные изъ нихъ съ жаромъ увлеклись книгой Ренана и увлекали другихъ, дѣло мало знающихъ, но оказавшихся готовыми, или—можетъ быть, точнѣе выразимся, сказавъ—по этому самому оказавшихся готовыми вѣрить имъ и увлекаться; прежде нетвердые и пошатнувшіеся сбивали съ толку другихъ, кружокъ увлекающихся ширился и росъ; большинство, узнавшее о семъ, было въ колебаніи и недоумѣніи, и ждало помощи отъ своихъ духовныхъ руководителей.

Гдѣ же были противовѣсъ, противодѣйствіе этому вліянію книги, этому увлеченію и волненію? Богословская литература наша, которой прямо касалось это дѣло, сначала какъ будто игнорировала это волненіе нѣкоторыхъ слоевъ общества и эту книгу, а затѣмъ и зная о томъ и другой молчала, произведши двѣ—три легкія, кажется, переводныя или компилятивныя, статьи и потомъ—переводъ книги отца Владиміра Гетэ. Молчаніе же это литературы, съ одной стороны, по извѣстной причинѣ, раздувало еще болѣе это волненіе увлеченныхъ и увлекающихся, а съ другой—навлекало на саму литературу глумленія со стороны увлеченныхъ и отчасти справедливые укоры со стороны ревнителей религіозно-нравственнаго образованія общества. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ, конечно, обращался къ западной богословской апологетикѣ по поводу книги; но можно представить, много ли было такихъ хотящихъ и могущихъ; литература же наша и въ этомъ немного помогла имъ. Съ этой собственно научной стороны положеніе дѣла волнующихся и недоумѣвающихъ было почти безпомощнымъ: книгъ русскихъ апологетическихъ подъ руками не было; представители отрицанія и апологіи неизвѣстны; вопросы отрицанія и апологіи были секретомъ; на что было опереться обществу въ дѣлѣ съ научной стороны? Положительная сторона покрывалась отрицаніемъ, и ослаблялась ея сила, а прямые отвѣты на отрицаніе не выработаны, да и отрицаніе въ прямой формѣ падало какъ снѣгъ на голову, нежданное, негаданное, не приходившее большинству на мысль. Неужели тутъ не легко было растеряться, и неужели справедливо было бы бросить камень въ этихъ растерявшихся?—Можно было съ увѣренностью разсчитывать, какъ на противовѣсъ и противодѣйствіе этому отрицанію и волненію, только на устойчивость развиваемаго православною церковію и церковностію нравственнаго чувства общества вообще, при поддержкѣ православнымъ духовенствомъ, и оно, кажется, дѣйствительно болѣе всего оказало противодѣй-

ствія этому вліянію и содѣйствовало умиротворенію этого волненія. Да еще можно было почти столь же твердо разсчитывать на легкость книги, произведшей волненіе, на ея минутную эффектность, и на этомъ основаніи надѣяться, что волненіе не будетъ долговременнымъ, что и оправдалось потомъ, и чему много помогъ самъ Ренанъ продолженіемъ своихъ работъ. Второй томъ его сочиненія—Les Apôtres уже менѣе возбудилъ вниманія и на западѣ и у насъ, потому что здѣсь менѣе было простора увлекающейся и увлекающей фантазіи автора; когда же вышелъ третій томъ его сочиненія—Saint Paul, о немъ уже почти не говорили, такъ какъ онъ вышелъ дѣйствительно положительно плохъ, ибо для игривой фантазіи автора было здѣсь еще менѣе простора; тутъ уже ясно оказалось, что и въ Vie de Jesus авторъ бралъ собственно фантазіей. Волненіе, говоримъ, и у насъ улегалось, какъ и въ западныхъ обществахъ и—повидимому—улеглось; но у насъ—почти совсѣмъ безъ участія нашей богословской литературы.

Еще въ первой статьѣ моей о книгѣ Ренана, писанной въ самый разгаръ этого волненія и увлеченія, я въ общихъ чертахъ высказалъ, что не въ этомъ увлеченіи собственно книгою Ренана и волненіи ею произведенномъ была и есть опасность для нашего неопытнаго въ этомъ дѣлѣ общества, что это увлеченіе можетъ скоро пройти, но съ нимъ не минуетъ опасность. Это увлеченіе и волненіе показало только, что настала и въ этомъ отношеніи иная пора, чѣмъ прежде, —пора, выражусь такъ, большей возможности такихъ увлеченій и волненій, пора, такъ сказать, большаго удобства увлекаться и—если угодно—потребности увлеченій; что, значитъ, есть возможность и удобство увлечься и болѣе серьезными вещами въ этомъ родѣ, что́, конечно, сопровождалось бы и болѣе серьезными послѣдствіями въ духовно-нравственной жизни общества, и что, значитъ, надобно нашей богословской наукѣ болѣе серьезно, чѣмъ прежде, подумать о болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ прежде, мѣрахъ возможнаго огражденія общества отъ подобныхъ увлеченій и волненій, или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣе тяжкихъ ихъ слѣдствій. Эти, такъ сказать, взрывы отрицанія въ богословской и въ частности библейской наукѣ происходятъ на Западѣ періодически, точно вулканическія изверженія: идетъ въ продолженіе извѣстнаго ряда лѣтъ работа силъ подъ землею, скрытно, медленно, для

общества мало замѣтно, и—затѣмъ слѣдуетъ взрывъ; затѣмъ опять подземная работа, и—опять взрывъ и т. д. Теперь въ районъ этихъ вулканическихъ изверженій отрицанія попала болѣе, чѣмъ прежде, и Россія, прежде болѣе строго огражденная отъ нихъ внѣшними охранительными мѣрами, и теперь эти изверженія неизбѣжно будутъ отзываться на ней сильнѣе, и потому надобно принимать и болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ нихъ, и—уже мѣры не внѣшнія только, ибо время силы таковыхъ прошло, кажется, безвозвратно, да они одни и не помогли бы уже теперь, если бы и оставались во всей своей силѣ, а—можетъ быть—надѣлали бы болѣе вреда. Будь новый такой взрывъ вулкана,—и никакія внѣшнія охранительныя мѣры не предохранятъ совсѣмъ русскаго общества отъ его изверженій, безъ другихъ болѣе серьезныхъ мѣръ со стороны собственно самой богословской науки: а наука богословская и духовная литература, если въ прежнемъ положеніи останутся онѣ, опять окажутся несостоятельными и безсильными сдѣлать то, къ чему будутъ временно призваны. Между тѣмъ въ признакахъ подготовки подобнаго вулканическаго взрыва отрицанія нѣтъ недостатка даже и у насъ... Конечно, все, что у насъ говорится и пишется въ этомъ направленіи—дѣтскій лепетъ сравнительно съ говоромъ западной литературы подобныхъ направленій, но въ нашей теперешней литературѣ этотъ дѣтскій лепетъ имѣетъ значеніе вовсе не дѣтскаго лепета, по крайней мѣрѣ, для большинства нашего общества.

Вотъ, въ виду этого-то положенія нашего общества въ отношеніи къ отрицательнымъ ученіямъ Запада, положенія и прошедшаго, и настоящаго, и близкаго—казалось мнѣ—будущаго, положенія, которое я и тогда въ общихъ чертахъ представлялъ себѣ таковымъ, каковымъ и теперь представляю, и тогда высказывалъ, какъ и теперь высказываю,—въ виду, говорю, этого положенія и предпринятъ былъ мною тогда же—вскорѣ по распространеніи у насъ книги Ренана—опытъ обзора и разбора, по поводу этой книги, всей области такъ называемой отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи, въ которой коренятся и всѣ ученія, подобныя Ренанову, опытъ разбора самыхъ основъ этихъ ученій, чтобы тѣмъ дать, по мѣрѣ силъ, возможность нашему обществу—выражусь такъ -оріентироваться въ этой, для него вообще темной, области, поставить—еще выражусь такъ—вѣхи

по дорогѣ, по которой нужно идти, чтобы не сбиться съ нея при вихрѣ и вьюгѣ разныхъ отрицательныхъ ученій,—дать ему по возможности болѣе надежное оружіе къ борьбѣ со всякими подобными ученіями, хотя бы они являлись и не въ видѣ Ренановой книги. Пора—казалось мнѣ—начать вести дѣло именно такъ; время такое пришло или приходитъ. Было время, когда древній богоизбранный народъ въ мирѣ и безмятежно строилъ свой святый храмъ и стѣны своего святаго города; потомъ настало другое время, о которомъ тогдашній священный лѣтописецъ замѣчаетъ, что рабочіе, созидающіи стѣну и носящіи бремена съ оружіемъ, *единою рукою своею творяху дѣло, а другою держаху мечь* (Неем. 4, 17). Было время, когда дѣятели русской богословской науки работали почти исключительно только надъ положительными основами науки и болѣе или менѣе мирно воздвигали зданіе ея; наступаетъ время и настало уже, казалось и кажется мнѣ, когда при продолженіи постройки надобно наготовѣ держать мечъ духовный для защиты этой постройки православной науки отъ враждебныхъ ученій, и оборонять зданіе ея мечемъ критики и апологетическаго разбора всяческихъ новѣйшихъ ученій, враждебныхъ ей.

Этимъ характеромъ книги моей какъ опыта, назначеннаго для удовлетворенія предполагаемымъ и такъ понимаемымъ мною потребностямъ нашего русскаго общества въ этомъ отношеніи и въ настоящемъ, и въ близкомъ, кажется, будущемъ, опредѣлялся прежде всего выборъ изъ обширной области такъ называемой отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи предметовъ или вопросовъ, обозрѣваемыхъ и раскрываемыхъ мною въ этомъ опытѣ. Я ограничился на первый разъ, какъ сказано въ книгѣ, общимъ и существеннымъ въ этой обширной области разнообразныхъ вопросовъ. Въ спеціальномъ разборѣ частностей и подробностей, какими такъ богата широко развитая апологетическая литература Запада, у насъ—казалось мнѣ—потребности еще не было и, можетъ быть, еще и теперь нѣтъ; по новости дѣла у насъ, такія спеціальности и подробности—казалось мнѣ—могли бы болѣе утомить, чѣмъ ободрить вводимое въ новую темную для него область большинство публики, въ которомъ интересъ къ частностямъ и подробностямъ, можетъ быть мелочамъ, еще не раскрылся пока; нужно было оріентироваться въ общемъ и существенномъ и тѣмъ на первый разъ ограничиться. Опытъ

спеціальнаго разбора одного вопроса „о такъ—называемомъ Евангеліи отъ Евреевъ“ сдѣланъ, впрочемъ, въ книгѣ, но не знаю—не для однихъ ли спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ? Что же касается общаго и существеннаго въ этой области: то и теперь могу повторить то же, что сказано было въ заключеніи еще перваго изданія книги, что это общее и существенное—какъ *я* его понимаю и насколько понимаю—изложено въ книгѣ съ достаточною полнотою, чтобы читатель, съ дѣломъ незнакомый или мало знакомый, могъ оріентироваться въ немъ и болѣе или менѣе ясно понимать общее положеніе дѣлъ. Не знающимъ или мало знающимъ положеніе дѣла въ западной литературѣ нужно было показать состояніе его въ общихъ очеркахъ, а для этого ознакомить его съ общимъ источникомъ отрицательныхъ ученій, указать развѣтвленіе изъ этого общаго источника разныхъ направленій или потоковъ мысли, не заходя далеко въ исторію—по крайней мѣрѣ, въ болѣе близкія къ намъ и въ наши времена, опредѣлить и разъяснить—кто изъ представителей богословской науки на Западѣ ближе, кто дальше ушелъ отъ истины и кто стоитъ на сторонѣ ея. Это, по мѣрѣ силъ, сдѣлано въ первой главѣ книги. Опредѣливъ, такимъ образомъ, сущность и обстановку положенія дѣла, нужно было перейти къ самымъ *главнымъ* и существеннымъ вопросамъ: о подлинности, а вмѣстѣ и неразрывно съ тѣмъ, о достовѣрности Евангелій и евангельской исторіи, какъ по свидѣтельствамъ вселенскаго церковнаго преданія, такъ и по внутреннимъ указаніямъ самихъ Евангелій. Изъ частностей и подробностей воззрѣній, доказательствъ, соображеній, сужденій, выводовъ отрицательной критики взяты, по большей части, только примѣры болѣе важнаго и кореннаго, но большая часть изъ нихъ за то разработана подробно. То же самое—и при разборѣ кажущихся взаимныхъ противорѣчій Евангелистовъ. Этимъ объясняется кажущаяся и видимая для спеціалистовъ неполнота книги и нѣкоторая отрывочность или обрывчатость въ общемъ ходѣ и строѣ рѣчи. Полнаго разбора всего въ этомъ опытѣ разбора и не предполагалось, а предоставлялось это болѣе спеціальнымъ изслѣдованіямъ.

Тѣмъ же характеромъ книги, какъ опыта, и указаннымъ назначеніемъ ея опредѣлялся и объясняется тотъ методъ, какимъ раскрываются частные вопросы во всемъ изслѣдованіи, кромѣ трактата о кажущихся противорѣчіяхъ. Какъ въ западной положительной литературѣ, такъ и въ нашей, хотя

не столь богатой и обширной, какъ тамъ, факты (въ общемъ смыслѣ), на коихъ основывается та или другая частная истина, или доказательства истины вообще, собраны и извѣстны; но у насъ или совсѣмъ не извѣстны, или мало извѣстны были тѣ пріемы, какъ толкуются эти факты или доказательства отрицательною критикою не въ пользу признаваемой церковію и богословскою наукою истины, какъ устраняются ею эти факты и доказательства, какъ ослабляется сила ихъ или направляется совсѣмъ въ другую сторону, какія строятся новыя доказательства положеній, противныхъ церковному вселенскому ученію, какія создаются новыя комбинаціи фактовъ и развиваются новыя воззрѣнія на тотъ или другой кругъ фактовъ, въ противоположность обще-церковной, вселенскимъ сознаніемъ признаваемой и здравой богословской наукой поддерживаемой и оправдываемой истинѣ, и т. п. Поэтому задачей моего опыта было не столько полное изложеніе фактовъ или доказательствъ признаваемаго вселенскою церковію и положительною точною богословскою наукою рѣшенія того или другаго вопроса (таковые сборники фактовъ, доказательствъ или свидѣтельствъ можно найти во многихъ справочныхъ книгахъ), сколько разборъ тѣхъ пріемовъ, какими представители и поборники отрицательной критики пытаются отстранить или ослабить силу этихъ фактовъ или доказательствъ или свидѣтельствъ, разоблаченіе хитроумной софистики, какая пускается въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ, указаніе преувеличеній, умолчаній, недомолвокъ, логическихъ скачковъ, перетолкованій, извращеній и т. п., разборъ новыхъ комбинацій фактовъ или доказательствъ, каковыми комбинаціями подкрѣпляются воззрѣнія, несогласныя съ церковнымъ вселенскимъ преданіемъ, и т. п. Здѣсь по мѣстамъ встрѣчаются частнѣйшія частности и мелочи, но безъ нихъ обойтись было нельзя, ибо на эти частности и мелочи по преимуществу напираютъ, выводя изъ нихъ иногда невѣроятныя слѣдствія,—ex ungue leonem. Впрочемъ, и изъ этого всего выбрано только главное и существенное, или то, что̀ мнѣ казалось таковымъ, болѣе какъ примѣры, а не въ цѣломъ ихъ строѣ и не въ спутаннѣйшихъ комбинаціяхъ.

Я окончилъ собственно то, что имѣлъ въ виду сказать въ объясненіе общаго характера книги моей предъ защитою какъ основныхъ ея воззрѣній, такъ и частностей. Въ заключеніе хотѣлъ бы я сказать нѣсколько словъ по поводу слышимыхъ въ обществѣ недоразумѣній относительно русской богослов-

ской апологетики среди и для нашего общества и выразить нѣкоторыя pia desideria нашей апологетики; но—не знаю, не сочтется ли это не своевременнымъ, хотя имѣетъ тѣсное отношеніе къ занимающему насъ теперь предмету... Дѣло вотъ въ чемъ: представляется, что православный русскій апологетъ поставленъ въ значительно фальшивое положеніе, публикуя свои апологіи среди и для общества, которое не имѣетъ подъ руками разбираемыхъ книгъ на русскомъ языкѣ, на который онѣ или не переведены совсѣмъ, или переводъ тайкомъ лишь ходитъ по рукамъ, а оффиціально не дозволенъ, апологія же оффиціально разрѣшена и дозволена цензурой. Естественно, что въ умахъ нѣкоторыхъ можетъ возникнуть и возникаетъ подозрѣніе какъ относительно публикуемой апологіи, такъ и разбираемыхъ въ ней книгъ и—подозрѣніе не въ пользу первой и не въ ущербъ послѣднимъ, и—кто упрекнетъ въ незаконности такого подозрѣнія? А отъ этого значительно ослабляется сила апологіи, особенно въ умахъ, болѣе или менѣе склонныхъ къ подобнымъ подозрѣніямъ, и особенно еще когда они въ другихъ русскихъ же книгахъ могутъ читать хвалебные дифирамбы книгамъ и авторамъ, противъ которыхъ ополчается и ратуетъ апологетъ. А противъ цензуры и выходящихъ съ ея дозволенія книгъ есть, какъ извѣстно, прямое предубѣжденіе и недовѣріе. При такомъ положеніи дѣла не можетъ ли страдать самая истина дѣла апологіи въ умахъ даже не зараженныхъ отрицательными ученіями и любящихъ науку богословскую? „Неужели, могутъ думать и думаютъ, неужели не въ силахъ православная наука бороться съ тѣмъ, что опровергаетъ апологетъ, если опровергаемое въ цѣломъ не дозволяется опубликовать? Неужели тамъ сила сильнѣе, что боятся ея? Можетъ-быть, самое-то важное и сильное отъ насъ скрываютъ, а выставляютъ на видъ болѣе слабое?“ А люди надорванные разовьютъ эти думы до крайности и раздумье доведутъ до положительнаго мнѣнія, что это дѣйствительно такъ. И гдѣ же будетъ конецъ подобнымъ подозрѣніямъ и предубѣжденіямъ? „Да и авторъ апологіи, продолжается дума и раздумье, при такомъ положеніи дѣла совсѣмъ не свободенъ: онъ можетъ говорить только то, что—надѣется онъ—дозволитъ ему цензура; а если бы дозволилъ себѣ поболѣе, то и его могутъ запретить наравнѣ съ опровергаемой имъ книгой, или дадутъ книгѣ такой видъ, что и самъ авторъ пожалуй не узнаетъ ея“. И слову апологета при такомъ раздумьи ме-

нѣе довѣряютъ, чѣмъ довѣряли бы при другомъ болѣе свободномъ положеніи дѣла. „Не такъ, продолжаютъ думать, не такъ было въ древней перво-христіанской церкви, тогда еретическія сочиненія разбирались свободно, да и обращались въ обществѣ свободно, борьба велась открыто, а пострадала ли отъ этого истина? не напротивъ ли? Не усилилось ли ея вліяніе на умы этой открытой борьбой? Не этому ли, между прочимъ, она обязана побѣдой? Свободно выработанное убѣжденіе не крѣпче ли, чѣмъ сложившееся при принудительныхъ, такъ сказать, обстоятельствахъ? Опасаться ли широкаго распространенія вредныхъ ученій при открытомъ обращеніи ихъ и съ ними? Но запрещенный плодъ всегда сильнѣе тянетъ къ себѣ, и вліяніе запретныхъ ученій и книгъ всегда и сильнѣе, и вреднѣе; не видно оно только на поверхности, но тѣмъ оно гибельнѣе, какъ гибельнѣе бываетъ болѣзнь скрытная,—это истина общеизвѣстная. И зачѣмъ, именно, здѣсь такъ упорно держаться пессимистскихъ взглядовъ на общество? Зачѣмъ предполагать въ немъ болѣе склонности къ отрицательнымъ и разрушительнымъ ученіямъ? Почему не предполагать, что и апологія произведетъ на него такое же или и еще болѣе сильное впечатлѣніе, какъ и книга съ отрицательными ученіями, и что оно еще болѣе утвердится въ истинѣ, осмотрѣвъ свободно ложь со всѣхъ ея обольстительныхъ сторонъ? Что сдѣлала, чего достигла Римская церковь съ ея полиціей и цензурой и non possumus? Не слабѣетъ ли именно отъ такого положенія естественная, внутренняя и духовная сила Церкви, сила—по существу дѣла всемогущая?... Да и цѣли не достигнете, заключаютъ, запретительной системой при теперешнихъ обстоятельствахъ: книги будутъ печататься за границей и распространяться тайкомъ, и чѣмъ дальше—тѣмъ шире и тѣмъ гибельнѣе будутъ слѣдствія отъ тайной заразы". Что скажемъ на такія и подобныя думы и раздумья людей вовсе не неблагопріятно расположенныхъ къ религіи и Церкви и православной богословской наукѣ, а, напротивъ, ревнителей о первыхъ и друзей послѣдней?

Укажемъ на другую сторону дѣла, которая или опускается изъ виду при подобныхъ думахъ или игнорируется. Прежде всего, выгода ли для западныхъ обществъ (въ обширномъ смыслѣ), что всяческія отрицательныя ученія тамъ проникаютъ во всѣ слои общества, и въ массы народа? Сумма добра отъ того для развитія науки перевѣшиваетъ ли сумму зла

для религіозно-нравственнаго развитія массы? Что показало намъ отечество Ренановъ и не въ послѣднее только время? А развѣ секретъ, что тотъ же червь точитъ сердце не только *на нашихъ глазахъ такъ низко упавшихъ?*.. Что такъ мятутся народы?... И неужели вы думаете, что этому смятенію не причастны отрицательныя ученія религіозныя, распространенныя даже въ народныхъ массахъ? Нѣкоторые *изъ серьезнѣйшихъ* представителей науки тамъ, и не кабинетныхъ только ученыхъ (Бунзенъ, Эвальдъ, Тишендорфъ), смотрятъ на распространеніе отрицательныхъ ученій въ массахъ, какъ на болѣзнь, какъ на эпидемію, но тамъ эта болѣзнь неизбѣжная, *наслѣдственная*: неужели нужно завѣдомо прививать эту болѣзнь болѣе здоровому организму, не зараженному ею? Противъ физической эпидеміи предпринимаются и внѣшнія охранительныя мѣры; неужели совсѣмъ излишни онѣ *противъ* эпидеміи религіозно-нравственной?—Потомъ, у насъ народъ собственно еще младенецъ и въ образованіи, и въ вѣрѣ. Получивъ благо свободы, онъ не получилъ еще блага *образованія*,—еще грамотность не привилась къ нему, какъ должно. Представьте же себѣ, что было бы съ этимъ народомъ младенцемъ, если бы онъ сталъ учиться родной грамотѣ по русскимъ переводамъ Ренановъ, Прудоновъ и имъ подобныхъ? *Кто изъ отцевъ семейства рѣшился* бы произвесть подобный опытъ надъ своими малолѣтними дѣтьми? А надъ народомъ младенцемъ развѣ позволителенъ былъ бы такой опытъ?... Нѣтъ, не такъ поступали въ *перво-христіанской церкви*, Апостолы, напримѣръ, съ своими младенцами въ вѣрѣ и вѣдѣніи христіанскомъ; они заботливо оберегали ихъ отъ волковъ, даже въ овечьихъ шкурахъ, до мелочей, повидимому, охраняли ихъ, даже когда рѣчь шла о пищѣ, о зеліяхъ и т. п. Вообще, кажется, не право думаютъ, когда думаютъ о безусловной свободѣ въ древней церкви относительно лжеучителей и ихъ лжеученій; забываютъ при этомъ множество такого рода фактовъ, что одинъ, напримѣръ, Апостолъ запрещаетъ принимать къ себѣ лжеучителей, даже *глаголати имъ радоватися* (то-есть употреблять обычное привѣтствіе—„здравствуй“) и называетъ ихъ антихристами,—другой провозглашаетъ анаѳему всякому, кто сталъ бы проповѣдывать иное Евангеліе, даже если бы то былъ Ангелъ съ неба,—не вызываетъ, не накликаетъ ихъ на своихъ любимыхъ чадъ, а съ сердечной тревогой и опасеніемъ предрекаетъ ихъ будущее появленіе, называя ихъ: *сыны проклятія, волцы тяжцы, не щадящіи стада,*

и пр. и пр. Не то же ли и въ *послѣдующее время?—Потомъ*,—неужели въ самомъ дѣлѣ мы изъ ложнаго самолюбія будемъ хвалиться зрѣлостію науки у насъ, не богословской, но вообще науки? Неужели мы крѣпко стоимъ на научной почвѣ и высокъ уровень ея у насъ? А если не такъ: то выдержимъ ли мы сами напоръ всяческихъ разрушительныхъ ученій? Не упадемъ ли первые подъ тяжестію не по силамъ? Тамъ—на Западѣ—наука вообще и въ частности богословская считаетъ *столѣтіями время* своего развитія и опыта; тамъ на ряду съ представителями и поборниками всяческихъ отрицательныхъ ученій стоятъ крѣпкіе, выработанные, умудренные опытами вѣковой неустанной борьбы бойцы, которые не колеблющейся рукой держатъ въ строгой наукѣ знамя истины, и защищаютъ его во всеоружіи современныхъ знаній,—и такихъ ратниковъ тамъ цѣлые легіоны. А у насъ?... Вотъ почему дѣйствительно можно *опасаться безусловной* свободы распространенія у насъ всякихъ отрицательныхъ ученій, а не за истину религіи и Церкви, которая непобѣдима и которой адъ не одолѣетъ, по неложному слову Самого Основателя христіанской религіи и Церкви.

„Но если такъ, если наука наша будетъ постоянно подъ такой опекой ввѣшнихъ охранительныхъ мѣръ, то она и не возмужаетъ и не разовьется, а будетъ оставаться вялымъ, чахлымъ дитятей, хотя бы внѣшній ростъ ея и увеличился“. Такъ. Но мы сказали слово противъ безусловной свободы распространенія у насъ всяческихъ отрицательныхъ ученій; а прежде мы сказали уже, что однѣ только внѣшнія мѣры сами по себѣ и безсильны при извѣстныхъ обстоятельствахъ и ведутъ нерѣдко лишь къ внѣшней тишинѣ, но не всегда ограждаютъ, а напротивъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, еще содѣйствуютъ внутреннему броженію, обнаруживающемуся по временамъ взрывами въ пользу отрицательныхъ ученій, въ родѣ взрыва, произведеннаго книгой Ренана, умиротворенію котораго такъ мало помогла наша богословская литература, и который, такимъ образомъ, обнаружилъ одностороннее направленіе ея и недостаточно по современнымъ потребностямъ развитую силу ея въ этомъ отношеніи. Нужны болѣе дѣйствительныя мѣры для огражденія отъ увлеченій отрицательными ученіями со стороны самой богословской науки нашей или ея представителей. Работы, работы надъ наукой, какъ можно болѣе и скорѣе, работы нуж-

но намъ прежде всего; не геніевъ—реформаторовъ, а работы, —не распространенія популяризацій отрицательныхъ ученій даже до массъ народныхъ, а науки положительной, особенно для молодыхъ поколѣній нашихъ будущихъ богослововъ. Намъ нужно болѣе полное и тщательное изученіе западной богословской науки, во всѣхъ ея направленіяхъ; а для этого нужно болѣе, чѣмъ прежде, свободы и простору въ этомъ отношеніи, болѣе—какъ можно болѣе—довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ, которыя нужно развивать силой слова и убѣжденія, а не внѣшними только мѣрами, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ нашихъ будущихъ богослововъ. Нужно усвоить намъ плоды западной апологетики: что мѣшаетъ намъ воспользоваться опытомъ опытныхъ въ наукѣ представителей ея тамъ—на Западѣ? Широкой литературѣ отрицательныхъ ученій тамъ противопоставлена богатѣйшая литература апологетическая: что препятствуетъ заимствовать силу и богатство ея намъ, перенести на нашу почву и противопоставить ее распространенію отрицательныхъ ученій тамошнихъ же у насъ? У насъ же есть могучій регуляторъ, который можетъ регулировать вѣрность направленія этой науки, въ нѣкоторыхъ пунктахъ иногда колеблющейся въ католичествѣ и протестантствѣ; это—голосъ вселенской церкви, котораго не всегда и не во всемъ слушаются нѣкоторые изъ западныхъ апологетовъ,—голосъ вселенской церкви, какъ выраженіе вселенскаго христіанскаго сознанія, голосъ, котораго такъ покорно слушается наша Церковь, утверждая на немъ исповѣдуемую ею истину. Тогда-то намъ можно будетъ совсѣмъ не бояться открытой борьбы съ отрицательными ученіями; нѣкоторая опасливость должна сдѣлать насъ только осторожными, но совсѣмъ не боязливыми и не трусливыми; тогда борьба будетъ открытѣе, и будетъ менѣе недоразумѣній между русскимъ апологетомъ и его русскими читателями, вредящихъ такъ много истинѣ и успѣшности дѣла. Неизбѣжны при этомъ нѣкоторыя ошибки, увлеченія, промахи, быть можетъ, заблужденія, за которыми зорко смотрѣть должно.... болѣе печатное публичное слово, а не внѣшній насильственный запретъ и кара. Пусть будутъ ошибки и паденія— что за бѣда? Кто выучился ходить прямо и твердо, не упавъ нѣсколько разъ въ началѣ? Гдѣ найти борца, который бы навыкъ побѣждать другихъ, не будучи самъ въ началѣ поборотъ, или, по крайней мѣрѣ, ни разу не поскользнувшись, не пошатнувшись, не упавъ?—Въ нравственно-практической

жизни, даже въ высшемъ проявленіи ея—созерцательно аскетической жизни сознается всѣми нами неизбѣжность ошибокъ, промаховъ, увлеченій, грѣховъ и вообще паденій; и чѣмъ выше и совершеннѣе нравственно человѣкъ (не по внѣшности, а въ дѣйствительности), тѣмъ съ большею любовію и снисходительностію относится онъ къ ошибкамъ и паденіямъ ближняго, идущаго по трудной стезѣ нравственнаго совершенствованія. Что же мы такъ строги, подъ часъ до суровости, къ ошибкамъ и промахамъ мысли и слова людей, идущихъ не менѣе трудной стезей умственнаго совершенствованія, какъ будто они менѣе извинимы, если, конечно, не злонамѣренны?... Итакъ, довѣрія поболѣе, довѣрія къ охранительнымъ силамъ и стремленіямъ; простору поболѣе, простору для труда, мысли и слова; поболѣе любви и снисхожденія къ невольнымъ ошибкамъ или вообще несовершенствамъ дѣла, особенно на первыхъ порахъ; работы надъ наукой болѣе, работы терпѣливой, настойчивой, неустанной; тогда и науки у насъ будетъ болѣе,—крѣпче и сильнѣе будетъ она. А когда всего этого будетъ довольно, тогда и побѣда истины надъ всякими отрицательными и разрушительными ученіями и воззрѣніями будетъ и у насъ обезпечена и съ научной стороны довольно. Тогда и неизбѣжныя бури мысли не такъ будутъ страшны, и волненія увлеченій не такъ опасны, каковыми они могутъ быть въ противномъ случаѣ. Съ наукой мы будемъ сильнѣе.

На мою долю выпалъ жребій сдѣлать въ доступной мнѣ области первый у насъ опытъ открытаго состязанія съ современными отрицательными ученіями въ отношеніи къ одному изъ самыхъ существенныхъ, если не самому существенному вопросу христіанской апологетики. Опытъ мой встрѣченъ былъ, смѣю сказать, сочувственно; но продолженіе его обстоятельствами было прервано. Онъ явился потомъ въ этой книгѣ въ нѣсколько исправленномъ видѣ; но все же опять—какъ опытъ начатаго дѣла, которое ждетъ продолженія. Говорю это къ тому, что этотъ опытъ мой, какъ первый опытъ у насъ въ этомъ родѣ, уже поэтому одному не чуждъ недостатковъ. Онъ касается обширнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія и потому представляетъ обширное поле для критики, возраженій и замѣчаній.

Тула. Печатать позволяется. 1898 г. Сентября 12.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ.*

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.